

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1915 г.

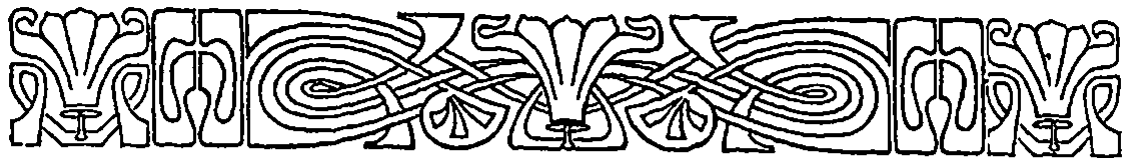
Т. III.

(№№ 13—18).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Кашуновская улица, домъ № 2.
1915.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

Т. III. №№ журнала 13—18.

За 1915 годъ.

Устройство и управление Римско-католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности. Проф.-Прот. Т. И. Буткевича, стр. 1—23, 161—187, 321—350, 508—539, 690—718, 839—872.

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго, стр. 24—50, 188—203, 351—374, 540—562, 719—732, 867—882.

Православно-христіанская теософія. Свящ. Н. Ремизова, стр. 51—71.

Библиографическая замѣтка. А. Лебедева, стр. 72—76.

Священная война магометанъ. П. Маслова, стр. 77—92.

Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси: Н. М. Гальновскаго, стр. 93—112, 215—266, 425—442, 588—620, 794—816, 917—934.

Что такое искусство? Н. С. Продана, стр. 204—236.

Смысль жизни въ творествѣ А. П. Чехова. И. Гладнаго, стр. 237—250.

Мысли о всемірномъ религіозномъ конгрессѣ. А. Грабовскаго, стр. 375—391.

Очерки по исторіи христіанской иконописи. Прот. П. Вомина, стр. 392—424, 733—767.

Архипастьрское посланіе. **Архієпископа Антонія**, стр. 497—503.

Поученіе сельскимъ прихожанамъ о сборѣ хлѣбнаго зерна на военныя нужды. **Архієпископа Антонія**, стр. 504—507.

Значеніе каноновъ. **Н. Лебедева**, стр. 563—579, 889—904.

Истина по срединѣ. **Прот. Н. Липскаго**, 580—587.

Слово о женѣ хананейской и о современныхъ событіяхъ. **Архієпископа Антонія**, стр. 657—663.

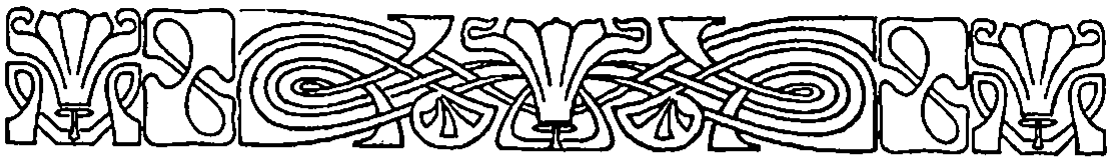
Братскій призывъ духовенству Харьковской епархіи. **Архієпископа Антонія**, стр. 664—666.

Переписка Высокопреосвященнаго Антонія, Архієпископа Харьковского, съ представителями Епископальной Церкви въ Америкѣ. **Архієпископа Антонія**, стр. 667—689.

Школа и общество. **П. Красина**, стр. 768—793.

Отношеніе христіанства къ политикѣ и общественнымъ учрежденіямъ. **Проф.-Прот. І. Галахова**, стр. 905—916.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Забѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 13—18, за 1915 годъ.

I.

Официальный отдѣлъ.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 113—115, 271—273, 464—467, 621—623, 819—821, 941—943.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, стр. 115.

Отъ Совѣта Дергаческой второклассной учительской школы, стр. 115.

Отъ Совѣта Велико-Бурлужкой второклассной учительской школы, стр. 115—116.

Отъ Канцеларіи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, стр. 267—269.

Архипастыри, посѣтившіе Харьковъ и Харьковскую епархію въ текущемъ 1915 году, стр. 269—270.

Архипастырское благословеніе, стр. 270.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, стр. 270.

Отъ Купянскаго духовнаго училища, стр. 271.

Указы Его Императорскаго Величества, стр. 443—446, 446—447, 448—450.

Опредѣленіе Св. Синода, стр. 450.

Благодарность Епархіальнаго Начальства, стр. 450—451, 621.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи, стр. 451.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища, стр. 452.
 Рапортъ благочиннаго 2-го округа Харьковскаго уѣзда,
 стр. 453.

Уставъ „Прикарпатскаго Комитета“ въ г. Харьковѣ,
 стр. 453—455.

Списокъ лицъ и учреждений, сдѣлавшихъ пожертво-
 ванія на Чугуевскій лазаретъ, стр. 455.

Воззваніе, стр. 817—818.

Разъясненіе Епархіальнаго Начальства, стр. 818—819,

Отношеніе на имя Его Высокопресвященства Г. Харь-
 ковскаго Губернатора, стр. 819.

Отъ Русскаго на Аeonѣ Пантелеимонова монастыря
 нашимъ благочестивымъ благодѣтелямъ и православнымъ
 соотечественникамъ — Россіянамъ. **Архимандрита Михаила,**
 стр. 635—638.

Рапортъ Его Высокопреосвященству священника слоб.
 Ново-Боровой, Старобѣльскаго уѣзда, Іоанна Евфимова. **Свящ.
 Іоанна Евфимова,** стр. 638.

Рапортъ Его Высокопреосвященству епархіальнаго мис-
 сіонера, архимандрита Митрофана, стр. 938—939.

Докладъ Его Высокопреосвященству священника Ар-
 хангело-Михайловской церкви сл. Райгородка, Изюмскаго
 уѣзда, стр. 939—940.

II.

Статьи и замѣтки.

Въ царствѣ современныхъ настроеній и идейныхъ
 теченій. **Свящ. М. Слуцкаго,** стр. 116—130, 274 291.

О постановкѣ преподаванія геометрическаго черченія
 въ духовныхъ училищахъ. **И. Гладнаго,** стр. 130—134.

Отзывъ о новой книгѣ и размышленіе о церковномъ
 цѣннѣи. **И. Подлуцкаго,** стр. 467—473.

Фракціонная рѣчь. **Прот. А. М. Станиславскаго,** стран.
 624—629.

Харьковское законоучительское Братство. **С. І. А.,** стран.
 630—639.

Объ отсутствіи патриотизма у штундо-баптистовъ. **Архи-
 андрита Афанасія,** стр. 822—828, 956—963.

Святая скорбь по умершимъ и живымъ сынамъ родной
 земли. **Свящ. Д. Ромашова,** 943—956.

III.

Епархіальная хроника.

Поѣздка Высокопреосвященнаго Антонія въ городъ Ахтырку, Ахтырскій монастырь и Серафимовскую общину. **Прот. Л. Твердохлѣбова**, стр. 134—137.

Паломничество „ревнителѣй святой православной вѣры и благочестія“ изъ города Харькова въ Куряжскую Спасо-Преображенскую обитель. **Ревнителя-Паломника**, стр. 137—145, 294—308, 476—485.

Некрологъ. **Свящ. В. Краснокутскаго**, стр. 145—147.

Архіерейскія богослуженія. **Прот. Л. Твердохлѣбова**, стр. 291—293, 641—642, 963—964.

Рѣдкое юбилейное торжество, стр. 473.

Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія въ городъ Валки и Спасовъ Скитъ. **Прот. Л. Твердохлѣбова**, стр. 473—476.

Торжественное врученіе герою Георгіевскаго креста, стр. 485—487.

Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія въ Святогорскій монастырь и въ г. Славянскъ. **Прот. Л. Твердохлѣбова**, 639—640.

Сумское церковно-патріотическое паломничество. **А. Б.**, стр. 642—646.

Памяти протоіерея о. Порфирія Шокотова, **Прот. І. Инонова**, стр. 646—650.

Поѣздка Высокопреосвященнаго Антонія въ Ошовскій монастырь и въ Старобѣльскій уѣздъ. **Прот. Л. Твердохлѣбова**, стр. 828—830.

Начало учебнаго года въ Духовной Семинаріи, стран. 830—832.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи, стр. 965—966.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Назначеніе викарія, стр. 147—148.

Прощальный привѣтъ новому Харьковскому епархіальному миссіон. о. Архим. Митрофану, стр. 148—150.

Пастырь мученикъ, стр. 308—312.

О близости къ народу, стр. 311—312.

Святое дѣло, стр. 486—487.

На святую работу, стр. 653—656.

Миссіонерскіе вечера, стр. 832—833.

Окружные казначеи, стр. 966.

Обязанности по наблюденію за порядкомъ около храма и внутри его во время богослуженій, стр. 966—967.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Люди звѣри, стр. 150—151.

Библиографическія замѣтки, стр. 151—159, 314—319
489—495, 970—973.

Народные или приходскіе дома, стр. 313—314.

Все для арміи, стр. 487—488.

Конецъ бурсацкихъ каникулъ, стр. 488—489.

Посланіе Архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго
Алексія къ Владимірской паствѣ, стр. 650—652.

Записъ солдатскихъ разсказовъ, стр. 653.

Почему онъ пошелъ на войну, стр. 833—838.

Къ вопросу объ обезпеченіи духовенства жалованіемъ.
А. Лебедева, стр. 967—970.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1915.

№ 13.

ПОЛЬ-книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Устройство и Управленіе Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности. (Продолж.). Проф.-прот. Т. И. Бутковича 1— 23
- Опытъ нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ воззрѣніи. (Продолж.). Проф.-прот. Н. Стеллецкаго 24— 50
- Православно-христианская теософія. (Обозчан.). Смищ. Н. Ремизова 51 — 71
- Библиографическія замѣтки. А. Лебедева 72 — 78
- Священная война магометанъ. П. Мясломин 77 — 92
- Борьба Христианства въ обществѣ язычества въ древней Русь. (Продолж.). Н. М. Гилемонскаго 93 — 112

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Совѣта Дергачевской второклассной учительской школы.—Отъ Совѣта Возико-Бурлуцкой второклассной учительской школы.—II. Въ царствѣ современныхъ настроеній и идейныхъ теченій. (Продолж.). Смищ. М. Смирнова.—О постановкѣ преподаванія геометрическаго черченія въ духовныхъ училищахъ. Е. Гайданова.—Епархіальная хроника.—Императорскій отдыхъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія (См. 112—113).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1915.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ включается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разорочки въ уплату не допускаются.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лѣнны; въ кн. магазинѣ Н. Д. Сытина; въ **Петроградѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиц. дѣ., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ известнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полный комплектъ изданій за 1913 г. за **6 руб.** съ перес. За другія годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ:

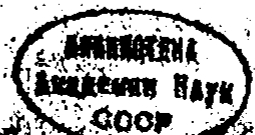
СОБРАНИЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его епархіи. **КНИГА** за 8 книгъ **6 рублей** съ пересылкой. Все изданіе должно поступать въ распоряженіе Его Высокопреосвященства, Архиепископа Арсенія, въ мѣсто жительства, ведомаго заведенія находящагося по адресу: Харьковской Духовной Семинаріи.

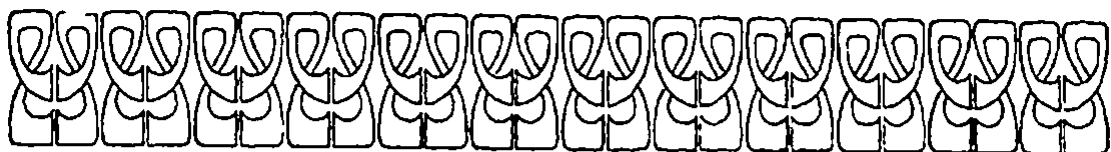
Піснѣ кобїмен.

Вѣрою разумѣваемъ.

Бѣр. XI.

Доволене цензурою, Харьковъ, 15 Іюля 1915 года.
Цензоръ Протоіерей Петръ Өомиръ.

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности.

(Продолженіе *).

г) *Почетныя права епископовъ.* Къ почетнымъ знакамъ епископскаго достоинства принадлежатъ: особыя епископскія облаченія (pontificalia), затѣмъ пастырскій—или кривой жезль (baculus pastoralis или pedum curvum), инфуль или головной уборъ съ двумя остріями (mitra, cidara bicornis), золотой наперсный крестъ (pectorale), кольцо, фіолетовый таларъ, фіолетовыя перчатки и туфли или сандалин; наконецъ, для епископа въ его кафедральной церкви устроается тронъ или возвышенное сѣдалище (thronus, cathedra episcopalis, faldistorium) рядомъ съ престоломъ (алтаремъ), на такъ называемой евангельской сторонѣ, въ церковномъ хорѣ (т. е. на возвышенномъ мѣстѣ, предназначенномъ для престола), подъ особымъ балдахиномъ. Такое возвышеніе должно быть устраиваемо даже и въ монастырскихъ церквахъ, „изъятыхъ“ изъ вѣдѣнія епископа, если епископъ намѣренъ совершать въ нихъ мессы. При вступленіи на епархію, епископъ, прибывъ въ свой городъ, прежде всего отправляется въ кафедральный соборъ, гдѣ ему должна быть дана торжественная встрѣча, въ которой обязаны принимать участие не только прелаты, каноники, деканы и всѣ приходы священники, но и всѣ монахи, не исключая даже монаховъ изъ „изъятыхъ“ монастырей. Торжественныя встрѣчи должны быть дѣлаемы епископу и при визитации имъ діоцеза. Нѣкоторымъ епископамъ, за ихъ особыя заслуги, папами жалуются иногда палліумъ (омофоръ). Въместѣ съ палліумомъ имъ дается обыкно-

венно и другое почетное право: въ торжественныхъ процесіяхъ имъ предносятся кресты, какъ и архіепископамъ. Почета этого имъ не дѣлается только въ Римѣ и въ присутствіи легата—кардинала. Въ своей епархіи епископы имѣютъ старшинство или—на языкѣ католической каноники— „предшествованіе“ не только предъ всѣми другими католическими епископами, старшими ихъ по службѣ и по лѣтамъ, но и предъ всѣми архіепископами, за исключеніемъ своего областного или провинціального архіепископа-митрополита. Всѣмъ католическимъ епископамъ дозволяется имѣть при себѣ переносный престолъ (*altare portatile*), чтобы они могли совершать мессу во время своихъ разъѣздовъ вездѣ, кромѣ мѣстъ, подвергнутыхъ интердикту. Затѣмъ они имѣютъ право избирать своимъ духовникомъ всякаго священника изъ чужого діцеаза, если только онъ одобренъ къ этому своимъ епархіальнымъ епископомъ. По всѣмъ церквамъ діцеаза на мессахъ возносятся ихъ имя. Погребаютъ епископовъ обыкновенно въ ихъ каѳедральныхъ соборахъ. Этого не воспретила даже и Баварія. Къ почетнымъ правамъ епископовъ нужно отнести, наконецъ, и присвоенную имъ титулятуру. Въ окружныхъ посланіяхъ къ своей паствѣ католическіе епископы пишутъ обыкновенно такъ: „Мы № (слѣдуетъ имя, полученное при крещеніи) милостію Божіею и апостольскаго престола епископъ №—скій“. Впрочемъ баварское правительство нашло, что выраженіе „Божіею милостію“,—*„durch Gottes Gnade“*,—приличествующее лишь коронованнымъ особамъ, не прилично епископамъ, и запретило употреблять его, дозволивъ епископамъ вмѣсто него писать „Божіимъ милосердіемъ“—*„durch Gottes Barmherzigkeit“*. Но Вюртембергское правительство пошло дальше: оно позволило Роттенбургскому епископу въ своихъ посланіяхъ къ паствѣ обозначать только свое крещальное имя и свою фамилію, безъ всякихъ добавленій, а слово „мы“ употреблять лишь въ текстѣ посланій. Частныя лица оказываются почти тельнѣе правительствъ. Когда католики обращаются къ своему епископу, они обыкновенно говорятъ: *reuerendissimus et illustrissimus*, папа же называетъ епископа—*„venerabilis frater“* (досточтимый братъ). Баварскіе чиновники въ своихъ бумагахъ пишутъ такъ, обращаясь къ католическому епископу: „высокопреосвященный господинъ епископъ“, а част-

ныя лица въ своихъ письмахъ вначалѣ пишутъ: „высокопреосвященнѣйшій господинъ епископъ“, а въ текстѣ письма: „ваша епископская милость“. Пруссакъ пишутъ только: „епископское высокопреосвященство“¹⁾. Вюртембергцы титулуютъ католическихъ епископовъ такъ же, какъ и баварцы. Нѣкоторыя государства предоставили католическимъ епископамъ даже политическія права и почести. Такъ,—въ Пруссіи католическіе епископы по рангамъ сравнены съ оберъ — президентами (начальники высшихъ правительственныхъ учреждений въ провинціяхъ), въ Вюртембергѣ и въ Гессенъ—Дармштадтѣ—съ президентами провинціальныхъ коллегій; въ Баваріи одинъ изъ шести суффрагановъ-епископовъ, по назначенію короля, состоитъ непремѣннымъ членомъ государственнаго совѣта; въ Вюртембергѣ Роттенбургскій епископъ, по должности,—членъ второй кемеры; Майнцкій епископъ—такой же членъ первой камеры Гессенскаго великогерцогства²⁾).

д) *Права и обязанности римско-католическихъ епархіальныхъ епископовъ по Русскимъ законамъ.* Все пространство Россійской имперіи, какъ мы сказали уже, раздѣлено на 2 архіепархіи или — что то же — на двѣ архіепископскія области: 1) *могилевскую*, обнимающую всю Европейскую Россію, Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и Финляндію и 2) *варшавскую*, область которой составляетъ пространство Царства Польскаго. Частнѣе: могилевскую архіепархію составляютъ римско-католическія епархіи: могилевская, самогитская или тельшевская, луцко-житомірская, виленская и тираспольская; сюда же относятся и всѣ живущіе въ Россіи римско-католическіе армяне, управляемые особымъ „апостольскимъ администраторомъ“; варшавскую архіепархію составляютъ епархіи: варшавская, кѣлецкая, люблинская, плацкая и августовская или сейнская. Границы польскихъ епархій почти совпадаютъ съ границами губерній. Къ виленской епархіи принадлежатъ римско-католическія церкви въ губерніяхъ виленской и гродненской; къ тельшевской — въ губерніяхъ ковенской и курляндской; къ луцко-житомірской — въ губерніяхъ — кіевской, волынской и подольской; къ тирасполь-

1) Silbernagl, стр. 274—275 подстроч. примѣч.

2) Ibid.

ской — въ губерніяхъ — херсонской, екатеринославской, таврической, саратовской, бессарабской, а также и въ кавказскомъ краѣ; къ могилевской — во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ Россійской имперіи и въ великомъ княжествѣ финляндскомъ. Во главѣ управленія каждой римско-католической епархіи стоитъ епархіальный епископъ. Русскій законодатель такъ опредѣляетъ права и обязанности католическихъ епархіальныхъ епископовъ. Духовный судъ и управленіе церковными дѣлами въ каждой епархіи принадлежатъ ея епископу, который въ точности соблюдаетъ все, что монаршими указами запрещено и повелѣно, и охраняетъ по долгу вѣрноподданнической присяги права самодержавной власти, государственныя узаконенія и высочайшій интересъ. Посему онъ имѣетъ въ предѣлахъ своей епархіи надзоръ, какъ за духовенствомъ бѣлымъ и монашествующимъ своего исповѣданія, такъ и за церквами, монастырями, семинаріями, и вообще за всѣми духовными того же исповѣданія установленіями и ихъ имуществами. Епархіальный епископъ управляетъ духовными дѣлами въ своей епархіи съ содѣйствіемъ своихъ епископовъ-суффрагановъ, кафедральнаго капитула, консисторіи, декановъ, настоятелей церковныхъ и мѣстныхъ начальствъ монастырскихъ и учебныхъ; но, какъ главный начальникъ всѣхъ въ его епархіи духовныхъ установленій римско-католическаго исповѣданія, онъ отвѣтствуетъ предъ высшимъ правительствомъ по исполненію правилъ о надзорѣ за дѣйствіями сихъ непосредственныхъ начальниковъ. Онъ самъ или чрезъ другихъ осматриваетъ церкви и другія духовныя установленія въ своей епархіи, уничтожаетъ злоупотребленія и исправляетъ нравы. Въ дѣлахъ, относящихся къ догматамъ вѣры и каноническимъ правиламъ, если встрѣтится нужда въ высшемъ духовномъ рѣшеніи, превышающемъ его каноническую власть, онъ сносится съ римскимъ престоломъ и его рѣшенія приводитъ въ исполненіе, но не иначе, какъ по установленному о сношеніяхъ съ римскою курією порядку, т. е., чрезъ посредство русскаго правительства (министерствъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ). Опредѣленіе во всѣ въ епархіи должности, о замѣщеніи которыхъ не постановлено никакихъ правилъ, зависитъ отъ собственнаго усмотрѣнія епархіальнаго епископа. Поступая въ раздѣлъ приходоу по

церковнымъ правиламъ, епархіальный епископъ не оставляетъ за собою ни одного изъ нихъ въ своей епархіи и не можетъ имѣть ихъ въ другихъ епархіяхъ. Епархіальный епископъ не можетъ собственною властью назначать повсемѣстное въ епархіи торжественное молитвословіе въ память какого либо изъ скончавшихся частныхъ лицъ, кромѣ обычной проповѣди при погребеніи, панихиды и поминовенія по церковному чину. До 26 апрѣля 1906 года на епархіальнаго начальника, на основаніи Устава о цензурѣ и печати, было возложено *предварительное* разсмотрѣніе всякаго рода духовныхъ книгъ римско-католическаго исповѣданія; но 26 апрѣля 1906 года законъ этотъ отмѣненъ, и къ обязанностямъ епархіальнаго начальника отнесено только вообще разсмотрѣніе церковныхъ, догматическихъ, гомилетическихъ и прочихъ духовнаго содержанія книгъ римско-католическаго исповѣданія. При этомъ какъ ему, такъ и вообще римско-католическому духовенству строго воспрещено въ своихъ поученіяхъ, проповѣдяхъ въ церквахъ, касаться предметовъ политическихъ, даже и въ общихъ выраженіяхъ, или издавать сочиненія о дѣлахъ политическихъ и особенно относящихся до внутренняго государственнаго правленія. На епархіальныхъ начальниковъ римско-католическаго исповѣданія съ 1-го іюля 1912 года возложена, наконецъ, обязанность, подъ личною ихъ отвѣтственностію, назначать цензоровъ рукописныхъ проповѣдей изъ членовъ капитуловъ, консисторій и декановъ, если послѣдніе находятся на дальнемъ разстояніи отъ епархіальнаго начальства, по предварительномъ сношеніи о благонадежности каждаго изъ нихъ съ главнымъ мѣстнымъ начальникомъ края, съ тѣмъ, чтобы эти цензоры представляли своему епархіальному начальнику экземпляръ каждой одобренной ими проповѣди. На самогитскомъ языкѣ, дозволено произносить проповѣди лишь напечатанныя; цензорованіе же рукописныхъ, возложено на самого тельшевскаго епископа. Изъ всѣхъ римско-католическихъ епископовъ въ Россіи выдающееся положеніе занимаетъ виленскій епископъ, какъ апостольскій администраторъ и апостольскій протоиерей. Годовое жалованье изъ Государственнаго казначейства католическіе епархіальные епископы получаютъ по пяти тысячъ рублей каждый. Прогонныя деньги имъ выдаются на десять лошадей.

2) *Епископскіе коадьюторы* ¹⁾. Ново-латинское слово *coadjutor* — значитъ „помощникъ“. Въ католической каноникѣ коадьюторами вообще называются епископы, назначаемые въ помощь епархіальному епископу какъ для совершенія епископскихъ священнослуженій, такъ и для управленія епархіальными дѣлами. Институтъ епископскихъ коадьюторовъ былъ установленъ папою Бонифаціемъ VIII, который сдѣлалъ распоряженіе, чтобы епископъ діецеа, отягченный старостью или продолжительной болѣзнію или обремененный сложными дѣлами по управленію обширной епархіею, съ согласія большинства членовъ своего капитула, принималъ себѣ въ помощь одного или двухъ коадьюторовъ (помощниковъ) изъ свободныхъ епископовъ. Если епископъ „по причинѣ болѣзни духа“ самъ этого не дѣлалъ, то пригласить одного или двухъ коадьюторовъ могъ и капитулъ, если только на это изъявили согласіе двѣ трети его членовъ. Впрочемъ, если приглашенію коадьютора упорно противился епископъ діецеа, то папа не давалъ права капитулу настаивать на своемъ рѣшеніи, только какъ о первомъ, такъ и о второмъ случаѣ онъ долженъ доводить до свѣдѣнія апостольскаго престола, который потомъ поступалъ уже по своему усмотрѣнію. Приличное содержаніе коадьютору должно быть доставляемо изъ доходовъ епархіальнаго епископа. Кoadьюторъ совершалъ за епископа всѣ богослуженія и управлялъ всѣми дѣлами діецеа, не имѣя лишь права отчуждать церковныя имущества. Впослѣдствіи, по окончаніи срока, на который коадьюторъ былъ приглашенъ для управленія дѣлами діецеа, онъ долженъ былъ представить обстоятельный отчетъ или епархіальному епископу, если онъ, выздоровѣвъ, могъ вступить въ отправление своихъ обязанностей, или, въ случаѣ его смерти, капитулу или преемнику умершаго епископа. Епископскихъ коадьюторовъ особенно много явилось въ католической церкви въ девятилѣтнее управленіе ея самого папы Бонифація VIII. Этотъ папа, оставившій по себѣ память бойкаго торгаша церковными должностями, за что Данте отвелъ ему приличное мѣсто въ своемъ адѣ, охотно раздавалъ (особенно въ Германіи) епископскія бенефиціи, за хорошее вознагражденіе, чюнымъ

11.

¹⁾ Срв. Grunau, De coadjutoribus episcoporum. Breslau, 1894.

принцамъ, еще не достигшимъ церковнаго совершеннѣтїа, и малолѣтнимъ дѣтямъ государственныхъ сановниковъ. Эти юные принцы, не принимая епископскаго рукоположенія и будучи мірянами, получали съ своихъ дієцезовъ епископскіе доходы и назывались только „администраторами“ дієцезовъ, а для совершенія епископскихъ священнослуженій и дѣйствительнаго управленія епархіальными дѣлами къ нимъ были приглашаемы въ качествѣ коадьюторовъ такъ называемые титулярные епископы, которыхъ, впрочемъ, чаще называли *episcopi nullatenses* или даже *annulages*. Въ настоящее время институтъ епископскихъ коадьюторовъ въ западной церкви существуетъ почти на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія были указаны для него еще папою Бонифациемъ VIII. Съ разрѣшенія папы и согласія капитула, епископъ дієцеза можетъ самъ пригласить къ себѣ коадьютора; можетъ исходатайствовать его капитулъ съ согласія епископа, а чаще и вопреки волѣ правящаго епископа; наконецъ, папа и самъ, по своему усмотрѣнію, не считаясь съ желаніями ни епископа, ни капитула, по одной только „апостольской полнотѣ власти“, можетъ назначить въ епархію коадьютора. Только теперь появилось уже два вида епископскихъ коадьюторовъ: временные коадьюторы (*coadjutores temporales*) и постоянные коадьюторы (*coadjutores perpetui*). Первые ничѣмъ не отличаются отъ средневѣковыхъ коадьюторовъ, а послѣдніе — это тѣ, которые приглашены въ помощь епархіальному епископу съ надеждою впослѣдствіи занять его кафедру (*cum jure successionis* — съ правомъ наслѣдованія, или „преемствія“). Такіе коадьюторы часто назначаются даже и не въ помощь здоровому епископу, а просто для избѣжанія выборныхъ распрей и интригъ. Въ этихъ видахъ, *cum jure successionis*, иногда бываютъ коадьюторами и аббаты. Когда постоянные коадьюторы назначаются къ здоровому епископу, который самъ исполняетъ свои обязанности и въ помощникѣ совсѣмъ не нуждается, они часто даже и не живутъ въ епископскомъ кафедральномъ городѣ, а иногда имъ даются правящимъ епископомъ какія либо неважныя порученія — просто для того, „чтобъ не сидѣли безъ дѣла“. Послѣ этого неохотно вѣрится словамъ католическихъ канонистовъ (Вальтера, Зильбернагла, Ленинга, Веринга и др.), будто бы „по теперешнему

праву (?) коадьюторы съ правомъ наслѣдованія (successio) назначаются только по самымъ настойчивымъ побужденіямъ, въ виду особой пользы, послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла и по глубокомъ обсужденіи со стороны папы, потому что такое назначеніе противно духу церковныхъ законовъ“ (очевидно, разумѣется постановленіе Тридентскаго собора противъ кандидатуры и зачисленія церковныхъ должностей вообще). Такъ какъ постоянные коадьюторы послѣ смерти епархіальныхъ епископовъ или оставленія ими кафедръ по иной причинѣ должны занять ихъ мѣсто, то, при назначеніи ихъ, обращается вниманіе на то, насколько они обладаютъ достоинствами, требуемыми отъ кандидата на епископство. Наконецъ, гдѣ, по принятому обычаю, епископы вообще назначаются государемъ страны, тамъ и постоянные коадьюторы опредѣляются только съ его согласія. Русскій законодатель допускаетъ римско-католическимъ епископамъ имѣть постоянно при себѣ коадьюторовъ (Св. зак. т. XI, ч. I, ст. 63).

3) *Титулярные епископы или викаріи* (Episcopi titulares). Эти епископы называются еще episcopi auxiliares (епископы-помощники), episcopi nullatenses или annulares (кольценосцы или кольцевые), suffragani extraordinarii (помощники экстраординарные), а въ Германскихъ государствахъ народъ зоветъ ихъ просто Weihbischöfe. Какъ помощники епархіальнаго епископа, они отличаются отъ коадьюторовъ тѣмъ, 1) что никогда не назначаются съ правомъ наслѣдованія (cum jure successionis), а 2) тѣмъ, что они оказываютъ помощь епархіальнымъ епископамъ только въ совершеніи епископскихъ священнослуженій и не принимаютъ никакого участія въ управленіи епархіальными дѣлами. Католическіе канонисты ставятъ этихъ титулярныхъ или викарныхъ епископовъ въ генетическую связь съ древнимъ, нынѣ уже исчезнувшимъ, институтомъ сельскихъ епископовъ или хорешисковъ, которые, кромѣ функций, въ послѣдствіи перешедшихъ къ обязанностямъ приходскихъ священниковъ, могли даже поставлять низшихъ клериковъ до субдіаконата включительно. Такіе епископы, съ ограниченными правами, по ихъ словамъ, существовали въ западной церкви еще во времена Карла Великаго, но съ IX вѣка начали постепенно исчезать, съ одной стороны, по отсутствію въ нихъ надобности, а съ другой вслѣдствіе тѣхъ злоупотреб-

лений, которыя, даже по свидѣтельству ложныхъ декреталій и Левита Бенедиктуса ¹⁾, они допускали. Но вѣрнѣе объясненіе тѣхъ канонистовъ, которые институтъ викарныхъ епископовъ ставятъ въ связь съ появленіемъ на западѣ множества епископовъ безъ епархій. Бывало, что иногда язычники или еретики изгоняли законныхъ епископовъ и отнимали ихъ каѳедры (такихъ случаевъ было много во время аріанскихъ смуть и въ эпоху иконоборчества). Изгнанные епископы бѣжали въ города безопасныя отъ преслѣдованія и тамъ проживали иногда всю жизнь свою, надѣясь на возвращеніе каѳедры. На западѣ такихъ епископовъ обыкновенно называли *episcopi in partibus infidelium*, а впоследствии ихъ стали называть просто *episcopi titulares*. Въ послѣднее время это названіе представляется особенно неудобнымъ и неточнымъ, потому что въ католической церкви дѣйствительными титулярными или титулованными епископами (какъ и у протестантовъ) должны быть называемы священники, которымъ въ видѣ отличія или награды, дано право называться „епископами“ (это сдѣлалось обычнымъ, напримѣръ, въ Венгріи). Въ католической церкви много появилось епископовъ, не имѣющихъ епархій, въ XIII вѣкѣ, послѣ крестовыхъ походовъ. Когда крестоносцы завоевали Византію, малоазіатскія провинціи и Палестину, папы изгнали съ каѳедръ не только православныхъ патріарховъ (о чемъ мы говорили выше), но и многихъ (если не всѣхъ) твердыхъ въ православіи епископовъ. На ихъ мѣста они нарукополагали своихъ латинскихъ епископовъ. Когда турки завоевали Палестину и Византійскую имперію, православные греки отняли каѳедры у папскихъ ставленниковъ, которые, по необходимости, прибыли сначала въ Римъ, но, за неимѣніемъ епископскихъ вакансій, разбрелись потомъ по разнымъ діоцезамъ, гдѣ только могли ожидать сочувствія и радушнаго пріема со стороны епархіальныхъ епископовъ. Эти бѣглецы также назывались *episcopi in partibus infidelium*, потому что въ глазахъ католиковъ всѣ православные — не только схизматики, но и невѣрныя. Пріютивъ ихъ у себя, епархіальные епископы, особенно французскіе и германскіе, жившіе рос-

¹⁾ Левитъ (т. е. діаконъ) Бенедиктусъ Майнцкій между 840—874 гг. составилъ сборникъ правилъ, въ которомъ есть сентенціи, напоминающія уже — исидоровскія декреталіи; поэтому нѣкоторые канонисты считаютъ его даже составителемъ и сборника ложныхъ декреталій.

кошно, подобно нѣмецкимъ баронамъ, и обладавшіе большими средствами, пользовались ими для различныхъ услугъ („для черной работы“) и иногда оставляли ихъ при себѣ навсегда, обеспечивъ ихъ хорошимъ содержаніемъ и удобствами жизни. Бывало, что этимъ пришлымъ епископамъ удавалось занять и кафедры своихъ покровителей (напр., послѣ ихъ смерти); но это случалось рѣдко. Когда епископы, изгнанные изъ Турецкой имперіи, сошли со сцены, епархіальные епископы, — престарѣлые, больные или просто разлѣнившіеся, — привыкшіе имѣть помощниковъ, оказались въ затруднительномъ положеніи. Но ихъ выручилъ изъ этого положенія тогдашній папа Климентъ V (1305—1314). Онъ узаконилъ институтъ помощниковъ епископскихъ, назвавъ ихъ *vicarii in pontificalibus* или *episcopi suffragani*, хотя по католической каноникѣ, суффраганами-епископами должны быть называемы въ митрополитской провинціи сами епархіальные епископы по отношенію къ своему архіепископу. Неудивительно поэтому, что русскій законодатель въ этомъ случаѣ допустилъ смѣшеніе наименованій, называя суффраганами и епархіальныхъ епископовъ въ ихъ отношеніи къ митрополитамъ (Св. зак. изд. 1896 г., по продолж. 1912 г., Т. XI, ч. I. ст. 23), и епископскихъ викаріевъ (*ibid.* ст. 24, 30, 50, 61). Въ настоящее время въ католической церкви епископскій викаріатъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ. У кардиналовъ-епископовъ Остіи и Сабинны викаріатства — должности обязательныя, хотя ихъ епархіи крайне не велики и находятся вблизи Рима. Всѣмъ остальнымъ кардиналамъ-епископамъ даются викаріи безъ всякихъ возраженій и по первому, ихъ желанію. Прочіе, епархіальные архіепископы и епископы, желающіе имѣть викаріевъ, обыкновенно подають папѣ прошеніе, которое предварительно разсматривается въ консисторской конгрегаци (*Congregatio consistorialis*), — и отказа почти не бываетъ. Только въ прошеніи должно быть указано, что викарный епископъ обеспечивается отъ кафедры приличнымъ содержаніемъ (квартира большею частью въ епископскомъ дворцѣ и не менѣе 300 дукатовъ, т. е., свыше 600 рублей ежегоднаго жалованья). Если по обширности діоцеза или по другимъ причинамъ, епархіальный епископъ находитъ недостаточнымъ одного викарія, ему легко можетъ быть данъ другой и даже третій. Чтобы увеличить содержаніе викарія, папа, по ходатайству епископа

дієцеа, можетъ предоставить ему еще какой либо доходный бенефиціумъ, на примѣръ, должность каноника въ кафедральномъ капитулѣ, регенса семинаріи и т. п. Въ Пруссіи всѣ викарные епископы обязательно состоятъ канонистами кафедральныхъ соборовъ, и по этой должности каждый изъ нихъ получаетъ годового жалованья 800 талеровъ (талеръ—92 коп. сер.). *Права викарныхъ епископовъ не велики*¹⁾. Какъ епископы, они непосредственно подчинены папѣ; но если они пользуются въ дієцезѣ какимъ-либо бенефиціумомъ, они подчинены своему епископу наравнѣ со всѣми клериками дієцеа. Какъ епископы, они по католической каноникѣ, могутъ участвовать на „вселенскихъ“ соборахъ съ правомъ рѣшающаго голоса (*votum decisivum*), но на провинціальныхъ синодахъ, они, какъ не управляющіе епархією, такого голоса не имѣютъ, если онъ не будетъ предоставленъ имъ самимъ синодомъ. Викарные епископы никогда не возводятся въ санъ архіепископа. Предъ ними имѣютъ старшинство всѣ епархіальные епископы, не исключая и тѣхъ, которые получили епископскій санъ гораздо позже ихъ. При совершеніи торжественной мессы викарный епископъ не можетъ входить на епископскій тронъ, равно какъ не можетъ имѣть ни епископскаго посоха, ни такъ называемаго „седьмого свѣтильника“. Не было случая, чтобы викарному епископу былъ пожалованъ палліумъ. Да и совершать мессы въ епископскомъ облаченіи викарные епископы могутъ только съ особаго разрѣшенія папы. Если умираетъ правящій епископъ (ординарій), викарный епископъ можетъ совершать епископскія священнослуженія не иначе, какъ съ согласія кафедральнаго капитула. Всѣхъ викарныхъ епископовъ въ римско-католической церкви насчитывается до 400.

Въ Россіи въ двѣнадцати римско-католическихъ епархіяхъ состоитъ двадцать два суффрагана, т. е. викарія, а именно: въ могилевской архіепархіи три суффрагана—могилевскій, ливонскій и полоцкій, въ варшавской архіепархіи два суффрагана—варшавскій и ловичскій, въ тельшевской епархіи три суффрагана—самогитскій, мѣдникскій и куроненскій, въ лучко-житомірской епархіи три суффрагана—житомірскій, луцкій и кіевскій, въ виленской епархіи три суффрагана—виленскій, тронскій и брестскій, въ тирасполь-

¹⁾ Срв. Hinschius, Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten, т. II, § 85.

ской епархіи два суффрагана—тираспольскій и саратовскій, въ кѣлецкой, люблинской, влоцлавской, сандомірской, плочкой и августовской епархіяхъ—по одному суффрагану. Русскій законодатель такъ опредѣляетъ положеніе римско-католическихъ епископовъ суффрагановъ въ Россіи: „епископы-суффраганы *вспомоществуютъ епископу, по его препорученіямъ, въ отпращиваніи тѣхъ службъ, кои потребуютъ архіерейскаго сана*“. И только. Объ участи ихъ въ управленіи епархіальными дѣлами—ни слова... Годовое жалованье католическіе суффраганы-епископы получаютъ изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ отъ 900 рублей до 1500 рублей каждый; прогоны—на 8 лошадей.

4) *Епископскіе генераль-викарии* (*vicarius generalis, vicarius episcopalis, vicarius in spiritualibus*)!). Должность эта не столько опредѣляется канонами римско-католической церкви, сколько личными потребностями, усмотрѣніемъ и довѣріемъ епархіальнаго епископа. Епископскій генераль-викарій это—alter ego римско-католическаго епископа, одно лицо съ нимъ, а по отношенію къ діцезу—своего рода временщикъ, калифъ, но—не на часъ, а на время жизни епископа, въ крайнемъ случаѣ—на время пользованія его довѣріемъ. По католической каноникѣ, если епископъ по чему-либо не можетъ проживать въ своемъ діцезѣ или чувствуетъ себя не въ состояніи надлежащимъ образомъ управлять епархіальными дѣлами,—онъ долженъ избрать себѣ генераль-викарія. Епископскій генераль-викарій это—не епископъ. Епископскими генераль-викаріями не могутъ быть ни міряне, ни женатые клерики, ни монахи, ни приходскіе священники, ни петитенціаріи, ни каноники, ни родственники епископа, ни лица, связанная съ діцезомъ происхожденіемъ или бенефиціями, хотя въ Германіи, по установившемуся обычаю, генераль-викарій всегда назначается изъ членовъ кафедральнаго собора, и папы напши это дозволи- тельнымъ. Діцезанскіе и діцезанскіе викаріи. По каноническимъ правиламъ римско-католической церкви, генераль-викарій долженъ имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, долженъ быть рожденнымъ отъ законнаго брака и обладать юридическою опытностью. Своего генеральнаго

!) Срв. Шмальца De instituto officialis sive vicarii generalis episcopi, Bresslau, 1899.

викарія епископъ долженъ назначить непременно особымъ письменнымъ декретомъ, въ которомъ должны быть точно указаны тѣ полномочія, которыми облакается генераль-викарій. Декретъ этотъ обнародывается ко всеобщему свѣдѣнію; правительство же о назначеніи генераль-викарія увѣдомляется особо. Хотя, по правиламъ каноники, и не требуется на назначеніе генераль-викарія согласія со стороны свѣтскаго правительства, такъ какъ за дѣйствія генераль-викарія отвѣтственнымъ остается епископъ діецеа, тѣмъ не менѣе, по новѣйшимъ церковно-государственнымъ законамъ многихъ государствъ, особенно нѣмецкихъ — Пруссіи, Вюртемберга, Бадена, Баваріи, Саксоніи, Гессенъ-Дармштадта и другихъ, только то лицо можетъ быть назначено генераль-викаріемъ, противъ котораго не протестуютъ правительства по своимъ гражданско-политическимъ соображеніямъ¹⁾. Обыкновенно генераль-викаріямъ даются полномочія: испытывать и ободрять духовниковъ, назначать и смѣщать второстепенныхъ духовныхъ лицъ, инвестировать (зводитъ въ должность) декановъ, приходскихъ священниковъ и бенефициатовъ, наказывать духовныхъ лицъ за неособенно важныя преступленія, разрѣшать случаи, подлежащіе свѣдѣнію епископа, дозволять бракосочетанія, освобождать (деспенсировать) отъ оглашеній, брачныхъ препятствій въ предѣлахъ епископской компетенціи, простыхъ обѣтовъ, за исключеніемъ тѣхъ, отъ которыхъ можетъ освобождать только папа, и отъ постовъ, уполномачивать приходскихъ священниковъ на освященіе параментовъ (т. е. торжественныхъ облаченій католическаго духовенства, а также облаченій для престоловъ и вообще церковныхъ украшеній) для ихъ церквей, дѣлать для епархіальнаго духовенства разъясненія, заимствованныя изъ обще-церковныхъ законовъ или уже раньше опубликованныхъ епископскихъ распоряженій и т. д.²⁾ Вообще нужно сказать, что полномочія генераль-викарія часто обнимаютъ почти всю епископскую юрисдикцію, хотя епископъ можетъ, по своему усмотрѣнію, и ограничивать ихъ. Зато когда епископъ умираетъ, перемѣщается, добровольно оставляетъ кафедру или лишается нея по суду, генераль-викарій сразу теряетъ всѣ свои полномочія и утрачиваетъ для епархіи

¹⁾ Silbernagl, § 115, стр. 285.

²⁾ Silbernagl, стр. 286.

всякое значеніе. Впрочемъ, и за епископомъ всегда остается право, по своему усмотрѣнію, отнять у викарія предоставленныя ему полномочія и права, равно какъ и самъ генераль-викарій всегда можетъ отказаться отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе генераль-викарій долженъ быть заблаговременно увѣдомленъ епископомъ о томъ, что ему предстоитъ увольненіе отъ должности, при чемъ точно должно быть указано—за что именно, такъ какъ онъ имѣетъ право апеллировать папѣ,—и до окончательнаго разсмотрѣнія его дѣла онъ не можетъ быть замѣненъ другимъ лицомъ. Бываютъ случаи, что епископскій генераль-викарій назначается и самимъ папою: тогда онъ только папою можетъ быть и лишенъ своей должности. Годовой окладъ жалованья генеральному викарію не можетъ быть меньше 50 золотыхъ гульденовъ (около 150 руб.); въ Пруссіи генеральный викарій, назначенный изъ кафедральныхъ канониковъ, получаетъ изъ государственнаго казначейства 800 талеровъ, въ Баваріи—500 флориновъ, въ Вюртембергѣ—1100 флориновъ, въ Гессенѣ—2500 флориновъ и т. д. ¹⁾ Къ почетнымъ правамъ епископскаго генераль-викарія относится то, что онъ имѣетъ старшинство предъ всеми канониками и сановниками кафедральнаго собора.

Должность епископскаго генераль-викарія была учреждена въ XIII вѣкѣ. Она явилась, такъ сказать, результатомъ борьбы епископовъ съ своими собственными архидіаконами. Католическіе канонисты о происхожденіи ея говорятъ слѣдующее ²⁾. Съ начала IV вѣка (?), по другимъ даже съ VII вѣка, помощникомъ епископа по управленію діоцезомъ былъ архидіаконъ, свободно избравшійся епископомъ изъ діаконовъ его епархіи. Въ IX вѣкѣ полномочія архидіаконовъ были очень велики, вслѣдствіе чего обширные діоцезы, особенно въ Германіи, были подѣлены на многие меньшаго размѣра округа или сельскіе архидіаконаты, надъ которыми все-таки главенствовалъ одинъ архидіаконъ, проживавшій въ епископскомъ городѣ, и имѣвшій старшинство предъ окружными архидіаконами. Онъ назывался *archidiaconus magnus* (великій архидіаконъ), а подвѣдомственные ему архидіаконы—*archidiaconi rurales* (архидіаконами сельскими). Скоро эти архидіаконаты превратились въ прелатуры, а сами

¹⁾ Зильбернагель, стр. 286—287.

²⁾ Вальтеръ § 145а, стр. 337; Зильбернагель, § 115, стр. 283.

архидіаконы—въ инфулатовъ, т. е. получали право надѣвать митры при богослуженіяхъ¹⁾. *Archidiaconus magnus* (сталъ препозитомъ (настоятелемъ или пропстомъ) кафедральнаго собора, а *archidiaconi rurales*—пропстами коллегіатскихъ соборовъ въ провинціальныхъ (уѣздныхъ) городахъ; они были уже, собственно, не діаконами, а священниками; вслѣдствіе этого они стали зависѣть не отъ воли епископа, а отъ выбора капитула, иногда даже были назначаемы свѣтскимъ правительствомъ. Поэтому архидіаконы уже управляли діэцезомъ лично отъ своего имени, а не по уполномочію епископа: по своему усмотрѣнію визитировали церкви, помимо епископа дѣлали различныя распоряженія, наказывали духовенство и т. п. Такимъ образомъ власть ихъ мало-по-малу оказалась самостоятельною—*jurisdictio propria et ordinaria*. Въ своихъ округахъ они ставили собственныхъ оффиціаловъ (должностныхъ лицъ), которымъ передавали свою юрисдикцію. Но такъ какъ архидіаконы часто злоупотребляли своимъ положеніемъ, то уже съ XII вѣка папы и соборы старались урѣзать ихъ полномочія, а съ половины XIII вѣка въ отдѣльныхъ округахъ и въ своемъ кафедральномъ городѣ, помимо архидіаконовъ, епископы увидѣли себя вынужденными назначать собственныхъ викаріевъ—*officiales, vicarii generales*, чтобы чрезъ нихъ осуществлять свою юрисдикцію. Изъ этихъ оффиціаловъ *officiaels foranei* въ провинціальныхъ городахъ соотвѣтствовали сельскимъ архидіаконамъ, а *officialis principalis* или генераль-викарій—великому архидіакону, потому что ему епископъ передавалъ всю свою юрисдикцію. Скоро *officiales foranei*, какъ и *archidiaconi rurales*, сами собою исчезли, а полномочія великаго архидіакона Тридентскій соборъ такъ урѣзалъ, что отъ нихъ, кромѣ почетнаго званія, ничего не осталось. Что же касается епископовъ, то они попали, такъ сказать, изъ огня въ полымя, такъ какъ ихъ генераль-викаріи, пользуясь почти епископскими правами, не имѣли даже тѣхъ іерархическихъ достоинствъ, которыя украшали архидіаконовъ. Русскій законодатель объ епископскихъ генераль-викаріяхъ ничего не знаетъ... Впрочемъ, теперь и на западѣ генераль-викаріевъ часто замѣняетъ

¹⁾ Въ Вильнѣ при епископѣ Георгіѣ Тышкевичѣ (1650—1656) бѣлорусскій архидіаконъ носилъ митру съ титуломъ суффрагана Бѣлорусскаго и жилъ не въ Бѣлоруссіи, а въ Вильнѣ, состоя членомъ капитула.

совѣтъ или коллегія духовныхъ совѣтниковъ при епископѣ. Такіе совѣты есть при нѣкоторыхъ римско-католическихъ епископахъ и въ Россіи, напримѣръ, при тираспольскомъ, влоцлавскомъ и др.

б) *Капитулы* ¹⁾ (лат. capitulum—главка). Въ католической каноникѣ слово „капитулъ“ имѣетъ различное значеніе: капитулъ кафедральный, капитулъ коллегіатскій, капитулъ провинціального духовенства, капитулъ монастырскій, капитулъ епископскій и т. д. Здѣсь мы имѣемъ въ виду только капитулъ кафедральный, который, какъ епархіальный совѣтъ, состоящій изъ канониковъ кафедрального собора, въ католической церкви служитъ органомъ управленія дѣлами епархіи.

Начало употребленія слова „капитулъ“, въ смыслѣ обозначенія совѣщательнаго института, положили католическіе монахи—*бенедиктинцы*. Они имѣли обыкновеніе ежедневно въ опредѣленный часъ собираться у себя въ большую комнату или залъ и выслушивать тамъ чтеніе по одной главкѣ, —capit, capitulum—своего устава; поэтому скоро они начали называть capitulum и свою залу, а потомъ и самое собраніе, которое тамъ происходило. Что же касается капитула, какъ органа епархіального учрежденія, то онъ, какъ и коллегія кардиналовъ, развился изъ пресвитерія, который существовалъ при епископахъ въ древнѣйшее время и состоялъ изъ пресвитеровъ и діаконовъ епископской или кафедральной церкви.

Историческій процессъ развитія кафедральныхъ капитуловъ въ католической церкви былъ таковъ: Составъ причта при епископской церкви на западѣ всегда отличался многочисленностію: въ него входили, очень многіе, священники, диаконы, иподиаконы, лекторы, канторы, кузтобы, сакристаны, целлераріи или селделаріи, портаріусы и т. д. Всѣ они были записываемы въ матрикулъ или канонъ (нѣчто вродѣ послужного списка) и потому вообще всѣ члены кафедральныхъ соборовъ назывались, и называются *канониками*. Во главѣ всего кафедральнаго причта или канониковъ стоялъ старшій священникъ, обыкновенно называвшійся *архипресви-*

¹⁾ *Schneider, Die Domkapitel, 2 Aufl. 1885. Pate, Der Bischof und das Domkapitel, 1875. Korn, Die rechtliche Stellung des Kapitularvicars, 1882. Hinschius, Kirchenrecht, 4. II, S. 79.*

теромъ, который слѣдилъ за порядкомъ богослуженія въ кафедральной церкви и за поведеніемъ канониковъ. Для облегченія его трудовъ, а иногда и въ виду его старости, назначался епископомъ, а впоследствии избирался самимъ причтомъ, другой священникъ, котораго называли *деканомъ* или *благочиннымъ*. Но наиболѣе важное значеніе въ жизни кафедральнаго причта долгое время имѣлъ старшій изъ діаконовъ, называвшійся архидіакономъ. Имъ, какъ мы видѣли, епископъ часто пользовался какъ своимъ непосредственнымъ помощникомъ даже по управленію епархіальныхъ церквей, экзаменовалъ ставленниковъ, разбиралъ тяжebныя дѣла и т. д. Вслѣдствіе этого епископы на должность архидіакона поставляли клериковъ не по старшинству ихъ службы, а по ихъ личнымъ достоинствамъ и способностямъ: установился даже обычай, что въ архидіаконы могло быть назначаемо лицо не моложе 25 лѣтъ и уже имѣющее степень доктора богословія или каноническаго права. Неудивительно послѣ этого, что архидіаконы, какъ мы видѣли, не теряя своего названія, превратились въ священниковъ, а потомъ и въ препозитовъ (соборныхъ настоятелей), подчинивъ своему вліянію, а потомъ и власти; даже архипресвитеровъ и декановъ. Кромѣ указанныхъ, такъ сказать, штатныхъ членовъ причта, при кафедральныхъ соборахъ всегда проживало очень много канониковъ экстраординарныхъ и сверхкомплектныхъ, которые замѣняли въ службѣ и хорѣ канониковъ отсутствовавшихъ, больныхъ и лѣнливыхъ. Впоследствии (въ средніе вѣка), при упадкѣ нравовъ и дисциплины, когда дѣйствительные каноники проводили время въ мірскихъ занятіяхъ и рыцарскихъ упражненіяхъ, на охотѣ и въ чувственныхъ удовольствіяхъ, всѣ обязанности при богослуженіяхъ за нихъ исполняли эти сверхкомплектные клерики. Кромѣ того, за неимѣніемъ специальныхъ духовныхъ школъ, при кафедральныхъ католическихъ соборахъ всегда проживало множество юношей, которые хотѣли практически подготовить себя для полученія въ будущемъ какой-либо церковной должности. Они также считались какъ бы уже принадлежащими къ кафедральному причту и также назывались вообще канониками. Ради нихъ въ причтѣ появился новый членъ—схоластеръ или схоластикусъ (учитель).

Матеріальныя средства и пребенды (доходы) католическихъ

каедральныхъ соборовъ всегда были достаточны для того, чтобы обезпечить жизнь канониковъ. Епископовъ озабочивала только мысль: какъ можно было бы наилучше устроить ихъ жизнь? Предъ ихъ глазами былъ примѣръ древнихъ епископовъ, напримѣръ, Евсевія Верселійскаго (371 г.) и бл. Августина (род. 353, ум. 430 г.), которые имѣли для своихъ клериковъ общежитіе, подобное монастырскому: общее жилище, столъ и одежду. Въ VIII вѣкѣ (около 760 г.) епископъ г. Меца *Хродогангъ* составилъ даже и уставъ такого общежитія для канониковъ, который такъ понравился Карлу Великому, что онъ даже потребовалъ, чтобы въ его царствѣ всѣ клерики были или монахами или канониками по уставу Хродоганга. Съ неменьшею настойчивостью того же потребовалъ впоследствии и Людовигъ Благочестивый. Вслѣдствіе этого при всѣхъ каедральныхъ соборахъ для канониковъ введено было общежитіе. Дѣлами его сначала управляли только постоянные члены каедральнаго собора, главнымъ образомъ, священники, діаконы и субдіаконы, которые-то и составили правящій совѣтъ или *капитулъ собора*. Такъ какъ членами собора были назначаемы по преимуществу лучшіе изъ клериковъ, наиболѣе образованные, начитанные, авторитетные, то за совѣтомъ къ соборному капитулу стали обращаться не только епископы, но и представители свѣтской власти. Кромѣ того, авторитетъ капитуловъ былъ узаконенъ Аахенскимъ соборомъ (въ 817 г.), который въ руководство имъ далъ обширный уставъ, составленный Мецкимъ священникомъ *Амалярусомъ*. Капитулы стали дѣйствовать теперь самостоятельно, независимо отъ епископовъ, а, такъ какъ въ ихъ средѣ были архидіаконы, часто въ званіи препозитовъ, то къ нимъ стали скоро переходить въ вѣдѣніе и дѣла епархіальныя, особенно по приготовленію ставленниковъ и по замѣщенію церковныхъ должностей. Общежитія канониковъ (*vita canonica*) на западѣ просуществовали однако же недолго: они показались каноникамъ стѣснительными и потому не понравились имъ. Первыми взбунтовались каноники Кельнской архіепископіи: уже въ 867 году они принудили своего архіепископа Гюнтера выдѣлить имъ соборныя имущества въ частныя владѣнія: Гюнтеръ исполнилъ ихъ требованіе: устроилъ имъ отдѣльные дома близъ собора, выдѣлилъ каждому члену причта земельные участки,

опредѣлили имъ „десятины“ и „начатки“, указавъ имъ способъ раздѣла между ними ихъ доходовъ и приношеній (стипендіи, пребенды, *elemosynae*) и т. д. Примѣру кельнскихъ канониковъ скоро послѣдовали и другіе. Впрочемъ, была и другая причина, содѣйствовавшая быстрому уничтоженію совмѣстной жизни канониковъ: епископы стали учреждать для приготовленія клериковъ спеціальныя школы—семинаріи, коллегіи, бурсы,—вслѣдствіе чего множество молодыхъ канониковъ отхлынуло изъ состава кафедральныхъ причтовъ. Но значеніе капитуловъ чрезъ это ничуть не пошатнулось: въ ихъ завѣдываніи находились громадныя церковныя и причтовые капиталы, проценты съ которыхъ отчасти шли на нужды кафедральныхъ соборовъ—ихъ ремонтъ и содержаніе (такъ называемыя церковныя фабрики), а отчасти были выдаваемы каноникамъ въ ихъ личное распоряженіе. Кромѣ того, епископы открывали спеціальныя школы обыкновенно на средства своихъ кафедральныхъ соборовъ, и заботы объ ихъ содержаніи также были возлагаемы исключительно на капитулы. Наконецъ, за капитулы энергично стояли и свѣтскіе государи, видя въ нихъ полезныя учрежденія для государства (по участию въ государственныхъ дѣлахъ, въ воспитаніи юношества и т. п.), равно какъ и наиболѣе вліятельные члены общества, потому что въ кафедральныя каноники обыкновенно были принимаемы дѣти дворянъ. Что же касается значенія капитуловъ, то оно только еще усилилось въ смыслѣ вліянія на епархіальныя дѣла. Тридентскій соборъ уже смотрѣлъ на капитулы, какъ на важный административно-судебный органъ епархіальнаго управленія и старался поднять ихъ до уравниенія съ епископскими правами. Въ этихъ видахъ онъ издалъ правила, которыя въ значительной степени измѣнили первоначальный составъ капитуловъ. По правиламъ Тридентскаго собора, членами капитула должны состоять уже не всѣ соборные каноники, а только тѣ, которые достигли 22-лѣтняго возраста и имѣли, по крайней мѣрѣ, субдіаконское посвященіе, но за лучшее соборъ почиталъ, чтобы хотя половина капитула состояла изъ священниковъ; кромѣ того Тридентскій соборъ далъ право епископамъ, при назначеніи въ капитулъ, не ограничиваться только клериками кафедральнаго собора, но приглашать и другихъ лицъ, въ особенности—магистровъ, докторовъ или

лиценціатовъ теологіи или каноническаго права, которые, имѣя въ капитулѣ рѣшающій голосъ и получая отъ него положенное содержаніе, могли лишь числиться канониками, не участвуя въ дѣйствительности въ каедральныхъ священнослуженіяхъ и занимая въ епархіи какія либо другія должности, соотвѣтствовавшія ихъ способностямъ и научному образованію,—и соборъ хотѣлъ видѣть въ капитулахъ, по крайней мѣрѣ, на половину такихъ членовъ. На ряду съ каедральными капитулами развивался и институтъ такъ называемыхъ коллегіатскихъ капитуловъ въ провинціяхъ при соборахъ провинціальныхъ городовъ. Коллегіатскими церквами въ католической каноникѣ называются церкви съ многочленнымъ причтомъ. Коллегіатскіе капитулы по своему устройству не отличаются существенно отъ каедральныхъ, но ихъ значеніе имѣетъ лишь мѣстный характеръ.

а) *Составъ капитуловъ* католическою каноникою точно не установленъ. Только въ германскихъ государствахъ существуютъ опредѣленные штаты канониковъ въ капитулахъ, и то—благодаря вмѣшательству правительствъ. Такіе капитулы съ опредѣленнымъ числомъ членовъ обыкновенно называются *capitula clausa*, т. е., запертыми капитулами. Но и эти капитулы заперты не особенно крѣпко: при опредѣленномъ числѣ постоянныхъ канониковъ въ 8—10 человекъ, въ нихъ бываетъ еще опредѣленное и неопредѣленное число канониковъ почетныхъ, какъ, на примѣръ, при соборныхъ капитулахъ Кельна, Познани, Трира, Падерборна, Мюнстера, Кульма и Эрмеланда, гдѣ бываетъ по четыре почетныхъ каноника, а въ Бреславлѣ—даже шесть. Эти почетные члены капитуловъ или каноники пользуются всѣми правами членовъ каедральныхъ причтовъ: получаютъ соотвѣтствующее содержаніе и казенное жалованье (100 талеровъ), никакихъ обязанностей по службѣ въ соборахъ не несутъ и даже занимаютъ штатныя должности внѣ епископскихъ городовъ. Что касается капитуловъ въ другихъ государствахъ, какъ, на примѣръ, въ Италіи, Франціи, Англіи, Швеціи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи, Бельгіи и Австріи, то число членовъ ихъ совершенно случайно и произвольно, почему и сами капитулы въ нихъ называются *capitula reservata* „капитулами умножаемыми“. При такихъ капитулахъ еще всегда бываютъ викаріи не для временной замѣны от-

существующихъ или больныхъ канониковъ, а съ опредѣленными постоянными обязанностями и приличнымъ содержаніемъ. Особенно важное значеніе въ капитулахъ по прежнему имѣютъ препозитъ (пропстъ или архипресвітеръ) и деканъ; но теперь эти достоинства часто соединяются въ одномъ лицѣ. Въ прежнее время они были избираемы самимъ капитуломъ, какъ и всѣ другіе каноники. Епископъ могъ подавать свой голосъ наравнѣ съ другими капитулами и только при равенствѣ голосовъ имѣлъ перевѣсъ; теперь же въ нѣкоторыхъ капитулахъ даже должности пропозита и декана замѣщаютъ архіепископы и епископы. Короли и императоры сначала удерживали за собою только *jus primatum presim*—право представлять кандидата въ капитулъ на первую вакансію, открывшуюся въ ихъ царствованіе; теперь же въ Баваріи, напримѣръ, декана въ капитулъ назначаетъ король по своему усмотрѣнію, въ Ганноверѣ онъ утверждаетъ одного изъ четырехъ кандидатовъ, представляемыхъ епископомъ или капитуломъ поочередно. Въ Австріи папа жалуетъ лишь первыя достоинства (пропста и декана), остальные—императоръ; въ Пруссіи папа назначаетъ пропста, король—декана, то же и въ Баваріи, въ Базельской епархіи, наоборотъ: деканъ назначается папою, пропстъ—королемъ, въ Италіи—поочередно: одинъ разъ пропста и декана назначаетъ папа, другой разъ король. Въ почетные члены капитуловъ прежде были избираемы заслуженныя лица или епископами съ согласія капитуловъ, или капитулами съ согласія епископовъ; теперь же они избираются королями, одабриваются архіепископами и утверждаются папами. Даже должности рядовыхъ канониковъ въ различныхъ странахъ были замѣщаемы и замѣщаются различно. Въ XI вѣкѣ должности (бенефиціи) при кафедральныхъ соборахъ и въ капитулахъ были раздаваемы самими капитулами совмѣстно съ епископами, потомъ—одними капитулами, иногда епископу было предоставляемо право участія въ избраніи канониковъ, но только въ видѣ одного рядового избирательнаго голоса; въ XII и XIII вѣкахъ вошло въ обычай при предоставленіи въ капитулъ бенефицій отдавать рѣшающее преимущество дворянскому происхожденію. Это дало поводъ королямъ и герцогамъ присвоить себѣ право такъ называемой коллатуры или патроната надъ ка-

питулами: капитулы едва не обратились въ пансіонаты для обнищавшихъ дворянскихъ родовъ. Почти одновременно съ королями предъявили свои права на назначенія капитуляровъ и папы (папская резервація). Явилась теорія, по которой папѣ должно принадлежать право жаловать высшія должности, а епископамъ—низшія. Въ оправданіе этой теоріи было дѣлаемо указаніе на то, что еще съ XIII вѣка вошелъ въ практику обычай, что если иностранный прелатъ умиралъ въ Римѣ, то преемникъ его тотчасъ былъ назначае́мъ папою. Право назначать членовъ капитула особенно упорно отстаивали папы Бонифацій VIII, Климентъ V, Іоаннъ XII и Бенедиктъ XII. На Констанцкомъ соборѣ папа Мартинъ V удержалъ за собою право замѣщать должности, освобождавшіяся въ капитулахъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ,—а именно—въ январѣ, февралѣ, апрѣлѣ, маѣ, іюлѣ, августѣ, октябрѣ и ноябрѣ, а въ остальные мѣсяцы должности капитуляровъ были замѣщаемы самими капитулами. Скоро папы отказались отъ двухъ мѣсяцевъ въ пользу епархіальныхъ епископовъ, но предъявили свои права императоры. Послѣ многихъ переговоровъ и конкордатовъ примиреніе, наконецъ, состоялось на томъ, что папы стали назначать канониковъ въ четные мѣсяцы, императоры—въ нечетные. Въ другихъ странахъ установились способы назначенія не одинаковые, такъ, на примѣръ, въ Пруссіи въ нечетные мѣсяцы (январь, мартъ, май, іюль, сентябрь и ноябрь) канониковъ назначаетъ король, въ четные—папа; также дѣлится назначеніе канониковъ въ Баваріи между королемъ и епископами съ архіепископомъ, въ Ганноверѣ—между епископомъ и капитулами поочередно; въ Мецѣ и Страсбургѣ канониковъ назначаетъ тольکو епископъ. Но всѣ назначенія вообще утверждаются папою. Государство же съ своей стороны требуетъ отъ епископовъ, чтобы на мѣста канониковъ были опредѣляемы лица, имѣющія ученія степени доктора или магистра, уже оказывавшія помощь епископу въ управленіи епархіальными дѣлами, пользующіяся въ обществѣ уваженіемъ за духовничество или проповѣдничество, бывшія профессорами въ академіяхъ, университетахъ или, по крайней мѣрѣ, семинаріяхъ, хорошо свѣдущія въ государственномъ правѣ, отличающіяся безупречнымъ поведеніемъ и состоящія подданными страны (таковы требованія зако-

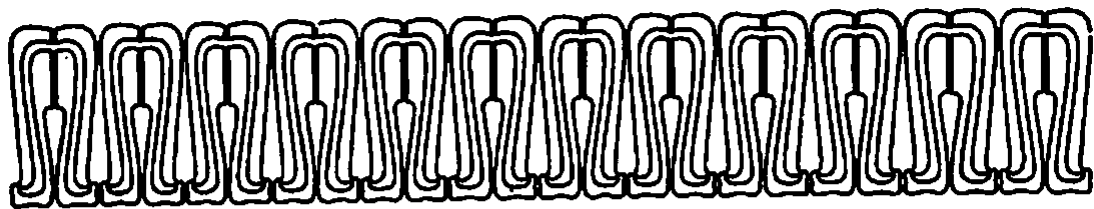
новъ въ нѣмецкихъ государствахъ). Предсѣдательствуетъ и руководить занятіями въ капитулахъ обыкновенно пропозитъ (пропстъ), а въ его отсутствіе—деканъ.

б) *Права и обязанности канониковъ*, какъ капитуляровъ и членовъ причта кафедральнаго собора, состоятъ въ слѣдующемъ. 1) Каноники имѣютъ право участвовать во всѣхъ засѣданіяхъ капитула съ правомъ рѣшающаго голоса, а въ храмѣ на хорѣ (возвышенномъ алтарномъ мѣстѣ) каждому изъ нихъ принадлежитъ опредѣленное мѣсто; 2) они пользуются церковными квартирами и всѣми принадлежащими имъ доходами, а въ старости имѣютъ право на пенсію изъ назначенныхъ на то суммъ; 3) они получаютъ изъ государственнаго казначейства жалованье въ установленномъ размѣрѣ; 4) каноникамъ принадлежитъ особое право быть духовниками, безъ ограниченія, во всѣхъ приходахъ діоцеза, хотя въ дѣйствительности обыкновенно бываетъ такъ, что каноники избираютъ изъ своей среды духовникомъ только одно опредѣленное лицо, одабриваемое епископомъ въ качествѣ капитулярнаго пенитенціарія, и въ помощь ему назначаетъ нѣсколько викаріевъ; 5) въ своихъ собственныхъ дѣлахъ каноники пользуются правами самоуправления, могутъ (и даже должны) составлять для себя статуты и инструкціи, не противныя только „апостольскимъ“ распоряженіямъ и декретамъ Тридентскаго собора; могутъ устраивать свои собранія, подъ предсѣдательствомъ своего пробста или декана, пользуясь равными голосами, за исключеніемъ предсѣдательствующаго, которому предоставляется два голоса; постановленія этихъ собраній, рѣшенныя абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, обявительны для всѣхъ членовъ капитула и обжалованію не подлежатъ.

Проф.-прот. Т. А. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

Не трудно отличить, такъ называемый, *праведный* гнѣвъ отъ неправеднаго. Послѣдній всегда вытекаетъ изъ оскорбленнаго самолюбія и соединяется съ нетерпѣливостію, съ крайнимъ самомнѣніемъ и недоброжелательствомъ къ ближнему; первый, напротивъ, въ основѣ своей имѣетъ благожелательство къ человѣку, возбуждающему его, и неотдѣлимъ отъ глубокой скорби по тому именно поводу, что видитъ зло тамъ, гдѣ желалъ бы видѣть добро. Потому-то евангелистъ замѣчаетъ объ І. Христѣ, что Его обличеніе закоренѣлыхъ въ лицемѣрїи фарисеевъ соединялось со скорбію о такомъ ихъ нравственномъ состояніи: „и, возрѣвъ на нихъ съ гнѣвомъ, скорбя объ ожесточеніи сердець ихъ“ (Марк. 3. 5). И такъ, христіанинъ не только можетъ, но и долженъ гнѣваться, негодовать на нарушителей закона добра и правды, долженъ братски обличать ихъ, всколько не заглушая въ себѣ благорасположенія къ несчастнымъ жертвамъ грѣха. Долгъ братскаго обличенія ближняго І. Христосъ высказываетъ, когда говоритъ: „если согрѣшилъ противъ тебя братъ твой; пойди, и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя; то приобрѣлъ ты брата твоего“ (Мѣ. 18, 15. Ср. 1. Тесс. 5, 14). Такой гнѣвъ, поставляющій своею цѣлью „приобрѣтеніе брата“, не можетъ быть дурнымъ и непозволительнымъ.

Между тѣмъ гр. Л. Толстой слова нагорной проповѣди Спасителя о негнѣвливости: „всякій, гнѣвающійся (*ὀργιζόμενος*) на брата своего напрасно (*εἰκῆ*), подлежитъ суду“ (Мѣ. 5, 22) истолковываетъ въ томъ смыслѣ, будто бы Онъ, чтобы обезпечить людямъ благо мира, воспрещаетъ здѣсь разъ навсегда всякій гнѣвъ противъ кого бы то ни было. Главнымъ основаніемъ для Толстого къ такому толкованію этихъ словъ Христовыхъ служитъ то обстоятельство, что слова „напрасно“ (*εἰκῆ*) нѣтъ въ *большой* части древнихъ списковъ Евангелія и въ цитатахъ церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства ¹⁾).

Уже изъ предыдущаго очевидно, что слова нагорной бесѣды Спасителя о негнѣвливости нельзя понимать въ такомъ безусловномъ смыслѣ, въ какомъ объясняетъ ихъ Толстой. Слово „напрасно“, съ которымъ приводится рѣчь Христова о гнѣвѣ, не только оправдывается образомъ дѣйствій Самого Богочеловѣка, какъ мы видѣли, *не напрасно* проявляшаго иногда праведный гнѣвъ Свой противъ тѣхъ, кто заслуживали его (Ср. Мѣ. 11, 20—25; 22, 2—7), такъ и тѣмъ, что говорятъ объ этомъ предметѣ Его непосредственные ученики (Іак. 1; 19—20; 2 Кор. 5, 13; 7, 11—12; Ефес. 4, 26) и св. отцы Церкви. *Св. Иринеѣ Лионскій* прямо и ясно различаетъ праведный, ненапрасный гнѣвъ отъ неправеднаго, напраснаго, одобряя первый изъ нихъ и осуждая послѣдній ²⁾. *Св. Василій Великій* пишетъ: „Раздражительная сила души пригодна намъ для многихъ дѣлъ добродѣтели. Приводимая въ дѣйствіе, когда должно и сколько должно, она производитъ мужество, терпѣніе и воздержаніе“; и въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „И заботившимся о кротости пригодно негодованіе... и кроткому можно разгорячаться съ разумомъ, но не повреждать въ себѣ совершенства кротости. Оставаться же неподвижнымъ, или не показывать негодованія, когда должно, есть признакъ недѣятельной природы, а не кротости“ ³⁾.

¹⁾ Его „Worin besteht mein Glaube?“ с. 81—88.

²⁾ Его „Сочиненія“ въ „Писаніяхъ мужей апостольскихъ“. Русск. переводъ о. Преображенскаго, стр. 457.

³⁾ Бес. 10 на гнѣвливыхъ, въ русск. переводѣ 1845 г., ч. IV, стр. 173—175 и Подв. Уст. гл. 13, ч. V, стр. 422.

Итакъ, слово „напрасно“, находящееся въ заповѣди Спасителя о негнѣвливости, не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній въ христіанской совѣсти. Запрещая гнѣвъ, І. Христосъ, конечно, разумѣлъ только грѣховный гнѣвъ, нечистый пагосъ, эгоистическую страсть (ср. Мрк. 10, 35—44). Потому-то Онъ и могъ въ Своей рѣчи о гнѣвѣ употребить слово *εἰκῆ* (напрасно), и такое чтеніе должно быть признано наиболѣе правильнымъ, тѣмъ болѣе, что коренное значеніе слова *ὀργίζομενος* (гнѣвающийся) не выражаетъ всей качественной стороны гнѣва, не указываетъ, напрасный онъ или нѣтъ. Если же въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ Евангелія (напр. въ синайскомъ кодексѣ Тишендорфа), дѣйствительно, не встрѣчается слова „напрасно“, то это удовлетворительно объясняется вариантами и ошибками переписчиковъ. Во всякомъ случаѣ подобнымъ спискамъ составляетъ достаточный противовѣсъ большинство другихъ, *древнѣйшихъ* евангельскихъ манускриптовъ, и цитацій церковныхъ писателей со словомъ „напрасно“ (такъ разсматриваемое слово есть въ древнѣйшихъ переводахъ Евангелія—Италійскомъ и Пешито, цитируется у св. Иринея Ліонскаго и др. ¹⁾). Впрочемъ, въ сущности самый вопросъ о томъ, сказалъ ли І. Христосъ „напрасно“, или не сказалъ, не имѣетъ особаго значенія. Хотя бы Онъ, дѣйствительно, не говорилъ этого слова, ученіе Толстого отъ того нисколько не выигрываетъ. Пусть Христосъ сказалъ: „на гнѣвайся“, не прибавляя слова „напрасно“. Слѣдуетъ ли отсюда, что этимъ воспрещается безусловно всякій гнѣвъ? Заповѣдь негнѣвливости при отсутствіи слова „напрасно“ становится лишь не совсѣмъ опредѣленно выраженной, но вовсе не категорической. І. Христосъ, при такомъ чтеніи Его словъ, видимо, только не поясняетъ, о какомъ гнѣвѣ Онъ ведетъ рѣчь. Но въ такомъ случаѣ точное пониманіе Его словъ должно вытекать изъ всего духа христіанскаго ученія. А это ученіе, какъ мы видѣли, говорить не въ пользу толстовскаго пониманія негнѣвливости.

Но хотя мы въ правѣ высказывать справедливое негодованіе ближнимъ, дѣлать имъ братскія обличенія, нисколько не измѣняя своей благопривѣтливости къ нимъ, тѣмъ не менѣе намъ должно быть крайне осторожными въ подоб-

¹⁾ См. у Проф. А. Гусова. „Основныя религіозныя начала графа Л. Толстого“. Казань, 1898 г., стр. 115—118. 43

номъ обхожденіи особенно, когда никакая необходимость не вынуждаетъ насъ къ этому, — напр., не лежитъ на насъ долгъ воспитателя или начальника. Само собою разумѣется, что во всѣхъ случаяхъ такого обращенія съ ближними мы не должны позволять себѣ всякаго рода насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ ними (Ефес. 4, 31; Колос. 3, 8; Тит. 3, 1). Наконецъ, надобно остерегаться выражать негодованіе и дѣлать обличенія ближнему по одному лишь предположенію и по наслышкѣ. „Не судите по наружности, — говоритъ Самъ І. Христосъ, — но судите судомъ праведнымъ“ (Іоан. 7, 24).

Съ благопривѣтливостію сродна взаимная *услужливость*, которая ограничивается по преимуществу кругомъ близкихъ между собою лицъ, проявляясь въ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ сношеніяхъ ихъ другъ съ другомъ. Услужливость есть охотная и безкорыстная готовность помочь другимъ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами, нужными имъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Услужливъ тотъ, кто, напр., выручить другого изъ денежнаго затрудненія льготною ссудою, или кто одолжитъ ему необходимую для какой-нибудь научной работы книгу, которую трудно было бы достать помимо нашей услуги, или кто, жертвуя своимъ временемъ, безмездно выполняетъ какое-либо дѣло за него.

Эта добродѣтель занимаетъ болѣе или менѣе второстепенное мѣсто въ ряду обнаруженій христіанской любви. Такъ какъ услужливость, сама по себѣ, имѣетъ значеніе лишь *средства* для цѣли ближняго, то, поэтому, бываетъ услужливость и для достиженія безнравственныхъ цѣлей. Надобно, чтобы она проистекала всегда изъ чистыхъ побужденій; никогда не должно угождать другимъ въ ихъ грѣховныхъ желаніяхъ (Дѣян. 12, 3). Мы не должны измѣнять истинѣ, добру и правдѣ, какъ бы ни казались великими выгоды, пріобрѣтаемыя преступными услугами (1 Кор. 7, 28; Гал. 1, 10). Бываетъ также услужливость и навязчивая, назойливая — для достиженія нравственныхъ цѣлей. Не слѣдуетъ навязывать другимъ своихъ услугъ, когда они не хотятъ принимать ихъ, или въ нихъ не вуждаются, или не умѣютъ правильно ими пользоваться. Вообще услужливость должна быть благоразумною. Мы поступили бы вопреки,

благоразумію, если бы стали услуживать другимъ къ ихъ вреду, или ко вреду собственному. Примѣръ предосторожности въ такихъ случаяхъ можно видѣть изъ притчи о десяти дѣвахъ. Когда неразумныя изъ нихъ просили у мудрыхъ масла, потому что свѣтильники ихъ гаснутъ, послѣднія отвѣчали; „чтобы не случилось недостатка и у насъ и у васъ, пойдите лучше къ продающимъ, и купите себѣ“ (Мѡ. 25, 8, 9).

При всемъ томъ, если услужливость составляетъ постоянный характеръ взаимныхъ отношеній нашихъ, то она имѣетъ весьма важное благотворное значеніе для насъ въ жизни общественной. Всѣ мы съ первыхъ минутъ жизни безпрестанно получаемъ отъ другихъ безчисленныя услуги, которыя, при всей незначительности каждой изъ нихъ, въ совокупности своей, однакожъ, составляютъ цѣнное благо человѣческой жизни. Поэтому всякій изъ насъ по возможности своею искреннею услужливостію другимъ долженъ нѣкоторымъ образомъ вознаградить ихъ за это и принести имъ дань благодарности. Въ такомъ случаѣ взаимная услужливость, какъ постоянная черта нравственнаго характера, показываетъ въ христіанинѣ правильно развитое чувство благородства и самоуваженія, безъ котораго невозможна никакая добродѣтель. Трогательный и назидательный примѣръ христіанской услужливости представляютъ намъ св. жены мученицы, сопутствовавшія Господу во время земной Его жизни и *служившія* Ему отъ имѣній своихъ (Лук. 8, 1—3).

Не столько положительно, сколько отрицательно, христіанская любовь выражается въ терпѣливой *снисходительности*, по которой христіанинъ дѣлаетъ уступки ближнимъ изъ правъ собственныхъ, умѣряетъ свои законныя требованія и великодушно относится ко всѣмъ болѣе или менѣе неприятнымъ для него нравственнымъ, несовершенствамъ или недостаткамъ) другихъ. „Любовь, по выраженію ап. Павла, долготерпитъ“ (1 Кор. 13, 4) и „Мы, сильные—говоритъ Апостоль,—должны сносить немощи безцѣльныхъ“ (Рим. 15, 1). Жизнь человѣческая потеряла бы настоящее свое значеніе, если бы каждый, не обращая никакого вниманія на свои собственные слабости и даже пороки, сталъ поступать съ другими по всей строгости внѣшняго закона. Господь ясно даетъ намъ видѣть это въ притчѣ о жестокосердечномъ должникѣ. Государь, изъ милости, простившій

рабу своему огромный долгъ его въ десять тысячъ талантовъ, узнавши объ его жестокой взыскательности по отношенію къ своему должнику, съ негодованіемъ сказалъ ему: „Злой рабъ, весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня. Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я помиловалъ тебя“? (Мѡ. 18, 33). Подобно евангельскому должнику жестокосердечному мы очень требовательны и взыскательны къ другимъ, забывая въ то же время свои неправды; часто видимъ „сучекъ“ въ глазѣ ближняго, не замѣчая цѣлаго „бревна“ въ своемъ собственномъ. Одно нравственное самонаблюденіе можетъ предостеречь насъ отъ подобной взыскательности. Чѣмъ больше мы наблюдаемъ за самими собою и яснѣе видимъ свои недостатки, тѣмъ снисходительнѣе дѣлаемся къ немощамъ другихъ, и наоборотъ.

Само собою разумѣется, что снисходительность наша никогда не должна допускать себя до уступчивости и поворота худымъ склонностямъ и порокамъ человѣческимъ (Лук. 6, 26), не должна быть равнодушною ко благу ближняго, и индифферентною ко злу; но должна сообразоваться съ правилами христіанскаго благоразумія, не простираясь далѣе надлежащихъ предѣловъ (Дѣян. 5, 29. Рим. 14, 15; 1 Кор. 9, 19—22; 10, 33; Гал. 1, 10; Фил. 2, 1—4). Прекрасный примѣръ того, когда, кому, въ чемъ и сколько надобно снисходить, безъ нарушенія святости нравственнаго закона, представляетъ *св. Василій Великій*, просившій у одного военачальника снисхожденія къ нѣкому Домитіану. „Этотъ Домитіанъ издавна близокъ ко мнѣ еще по родителямъ,—пишетъ св. отецъ къ военачальнику,—и потому ничѣмъ на разнится отъ брата. Ибо почему не сказать правды? Но узнавъ причину, по которой потерпѣлъ онъ это, сознался я, что стоилъ онъ, чтобы такъ потерпѣть... Впрочемъ, видя, что живетъ онъ въ стражѣ и безславіи, и что отъ твоего приговора зависитъ его спасеніе, почелъ я достаточнымъ для него сіе наказаніе, и прошу тебя посудить о немъ великодушно и вмѣстѣ человѣколюбиво... Домитіану достаточна и эта мѣра наказанія—страхъ ожидаемаго и сознаніе того, что терпитъ онъ по достоинству.—Разсуди и слѣдующее: и прежде насъ бывали многіе полными господами надъ обидѣвшими ихъ, но ни одно слово не перешло о нихъ къ потомству; а ко-

торые превзошли любомудріемъ многихъ и отложили гнѣвъ свой, о тѣхъ всѣмъ временамъ передается безсмертная память. Пусть же присовокуплено будетъ и это къ повѣствованію о тебѣ.“ и т. д. ¹⁾).

Болѣе предшествующей положительная добродѣтель— это *миролюбіе*. Чтобы жить въ мирѣ съ людьми, не достаточно самимъ заботливо избѣгать всякихъ поводовъ къ раздорамъ и несогласіямъ и дѣлать все то, что приводитъ къ миру и согласію, но необходимо по возможности стараться о томъ, чтобы и другіе не питали къ намъ вражды, которая можетъ чувствоваться и къ миролюбивымъ потому именно, что ненавидитъ миръ. Какъ быть въ этомъ послѣднемъ случаѣ? Надобно не только отказаться отъ мщенія, но и оказывать искреннее благорасположеніе къ немиролюбивому. Противоположное же этому средство къ примиренію враждующихъ съ нами, т. е. личная месть, не только не свойственна христіанину, какъ принадлежащая, въ смыслѣ праведнаго воздаянія за грѣхъ, одному Богу (Рим. 12, 19. Ср. Втор. 32, 35), но и производитъ, вмѣсто добра, зло—что и наблюдалось среди язычниковъ, у которыхъ месть даже требовалась, какъ выполненіе нравственнаго долга. „Не будь побѣжденъ, зломъ, но побѣждай зло добромъ“,—учитъ ап. Павелъ (Рим. 12, 21).

Миролюбивыхъ Самъ Господь называетъ блаженными, обѣщая имъ по преимуществу высокое наименованіе сыновъ Божіихъ: „Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божиими“ (Мѣ. 5, 9). Истинные миротворцы пріобщаются, такъ сказать, подвигу Самого Единороднаго Сына Божія, Который, „разрушивъ стоявшую“ между людьми „преграду вражды“, чрезъ „примиреніе ихъ съ Богомъ, благовѣствовалъ миръ намъ, дальнимъ и близкимъ“ (Еф. 2, 14—18. Ср. Ис. 6, 6—7). Изъ св. отцовъ Церкви особенно прекрасно и трогательно изображаетъ благодѣтельность миролюбія св. Григорій Богословъ въ своемъ словѣ о мирѣ ²⁾).

Впрочемъ, какъ ни велики блага и счастье мира, мы, однако, не обязаны пріобрѣтать и сохранять его во что бы то ни стало. Вѣдь для водворенія мира между нѣкоторыми людьми весьма часто требуется со стороны миротворцевъ

¹⁾ Творенія въ русск. пер. т. VI, стр. 252 и дал.

²⁾ Творенія въ русск. пер. т. I, стр. 229—236. М. 1843 г.

пожертвованіе даже высшими обязанностями (Мѡ. 5, 10—12), и потворство самымъ низкимъ склонностямъ и поступкамъ нашихъ ближнихъ. Миръ, покунаемый такою цѣною, есть гнусное явленіе. Не создать и не упрочить *такой* миръ между людьми приходилъ Спаситель, а разрушить и сдѣлать его навсегда невозможнымъ для истинныхъ Своихъ послѣдователей. Потому-то Онъ и говоритъ о себѣ: „думаете ли вы, что я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе (*διαμερισμὸν*). Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца; мать противъ дочери, и дочь противъ матери; свекровь противъ невѣстки, и невѣстка противъ свекрови своей“ (Лук. 12, 51—53. Ср. Мѡ. 10, 34—36). Изъ этихъ словъ Христовыхъ ясно, что возможно раздѣленіе даже въ кровной семьѣ во имя христіанской истины, добра и правды. Подобно І. Христу ап. Павелъ не могъ требовать отъ вѣрующихъ, чтобы они заботились о мирѣ другъ съ другомъ во что бы то ни было. Похваляя миролюбіе и прямо внушая его намъ, онъ, однако, выражается такъ: „если возможно, съ вашей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми“ (Рим. 12, 18). *Возможность*-же нашего мира съ людьми обуславливается, конечно, ихъ отношеніемъ къ требованіямъ истины, добра и правды. Хранить миръ съ близкими въ ущербъ всему священному и дорогому для насъ значило бы дѣлать зло. Праведное разногласіе съ людьми несравненно лучше неправеднаго мира. „Да не подумаютъ“,—говоритъ *св. Григорій Богословъ*,—„будто бы я утверждаю, что всякимъ миромъ надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласіе, и самое пагубное единомысліе; но должно любить добрый миръ, имѣющій добрую цѣль и соединяющій съ Богомъ“¹⁾.

Съ миролюбіемъ тѣсно соединяется *кротость*, какъ необходимое его условіе, безъ котораго невозможны сохраненіе мира и предотвращеніе раздоровъ и несогласій. Кротость обуславливается иногда естественными причинами, напр., врожденнымъ спокойнымъ темпераментомъ. Но если она не имѣетъ въ своемъ основаніи христіанской любви, то

¹⁾ Слово о мирѣ, въ русск. перев. т. I, стр. 237.

не имѣеть и достоинства христіанской добродѣтели. Какъ христіанская добродѣтель, кротость есть тихое расположеніе духа христіанина никого не раздражать и ничѣмъ не раздражаться, хотя бы иногда происходило и не по его желаніямъ, другими словами говоря, она есть сила любви христіанской умѣрять и подавлять въ себѣ всякіе порывы гнѣва и досады, при встрѣчающихся обидахъ и оскорбленіяхъ. Самъ Господь І Христосъ кротость внушаетъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ: „Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ“ (Мѡ. 11, 29. Ср. Гал. 5, 22—23; 6, 1; Кол. 3, 12—15; Тит. 3, 2). „Блаженны кроткіе,—говоритъ Онъ,—ибо они наслѣдуютъ землю“ (Мѡ. 5, 5).

Кротость служитъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ и отличительныхъ признаковъ христіанскаго духа въ чловѣкѣ. Естественная, рационалистическая мораль не признаетъ кроткаго отношенія къ ближнему, осуждая его, какъ слабость, недостойную будто бы чловѣка. Выразителемъ такого отрицательнаго взгляда на кротость является нѣмецкій больной философъ-поэтъ *Фр. Ницше*. Отголоски его слышны и у насъ¹⁾.

Въ до-христіанскія времена учили о кротости *стоики*, понимая ее въ смыслѣ житейскаго *самообладанія и хладнокровія* при перенесеніи обидъ. „Отрока,—говоритъ Сенека,—извиняетъ возрастъ, женщину—полъ, сторонняго—вольность, домашняго свойство. Другъ ли оскорбилъ? Онъ сдѣлалъ то, чего не хотѣлъ бы. Недругъ оскорбилъ? Онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Благоразумному уступимъ, глупому простимъ. Во всякомъ случаѣ будемъ говорить себѣ: и мудрые люди часто погрѣшаютъ: нѣтъ никого столько осмотрительнаго, кто бы никогда ни въ чемъ не ошибался. И благоразуміе требуетъ не раздражаться. Кто оскорбилъ тебя, тотъ или сильнѣе, или слабѣе тебя; если слабѣе, то пощади его; если сильнѣе, то побереги себя“²⁾ Опредѣленіе и повидимому всавыщеннѣе училъ о кротости одинъ изъ величайшихъ философовъ древности—Платонъ. Известно его изреченіе, что лучше самому перенести обиду, чѣмъ нанести ее другому („Республика“ Платона, кн. II). Но, признавая нѣкоторое

¹⁾ В. Розанова. „Пассивные идеалы“.

²⁾ См. у *от. Петра*. „Указаніе пути ко спасенію“ (Опытъ аскетика) Москва, 1872 г., стр. 76.

нравственное значеніе за кротостію, стоицизмъ, однако, не могъ и его достаточно обосновать, такъ какъ не могъ возвыситься надъ обычнымъ, земнымъ представленіемъ о ближнемъ. Стоическое самообладаніе и хладнокровіе проистекали большею частію изъ презрѣнія къ людямъ, частію же изъ опасенія унижить свое достоинство въ глазахъ другихъ. „Тотъ великъ и знатенъ,—пишетъ Сенека,—кто по примѣру великаго звѣря лаянье спокойно слушаетъ“¹⁾.

Христіанинъ съ твердостію переноситъ личныя обиды и оскорбленія въ ожиданіи лучшихъ отношеній къ себѣ со стороны своихъ ближнихъ, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти обиды и оскорбленія совершенно не унижаютъ его нравственнаго достоинства, такъ какъ это послѣднее измѣряется не измѣнчивымъ и ненадежнымъ мнѣніемъ о немъ людей, а вѣчною правдою Божіею. Онъ терпитъ обиды не изъ стоическаго презрѣнія къ обижающему, яко-бы не заслуживающему съ его стороны даже отмщенія, а, наоборотъ, изъ высокаго уваженія, какъ къ своей природѣ, такъ и къ природѣ ближняго, которыя одинаково цѣнны. „Новозможно кому—либо разгнѣваться на ближняго, если сердце его сперва не вознесется надъ нимъ; если онъ не уничижитъ его и не сочтетъ себя высшимъ его“²⁾ Никогда не забывая вѣчнаго назначенія ближняго, истинный христіанинъ не презираетъ его за причиненныя ему обиды, но всѣми мѣрами, вплоть до искренней молитвы за него Богу, старается избавить его отъ этого грѣха. „Рабу Господа—говоритъ ап. Павелъ,—не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ. Съ кротостію наставлятъ противниковъ, не дасть ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю“ (2 Тим. 2, 24—26). „Какое подлинно величественное, дивное и едва не превышающее человѣческую природу зрѣлище“,—пишетъ св. *Василій Великій*,—„если человѣкъ много злословимый... и перенесшій много другихъ оскорбленій отъ тѣхъ, кои словомъ и дѣломъ хотятъ довести до крайняго безчестія, не воскипитъ гнѣвомъ, не востаетъ на отмщеніе, но, ставъ кротко и безъ гнѣва, молится за обидчика, чтобы

¹⁾ Сенека, „О спокойной жизни“, кн. II, гл. 3.

²⁾ Преп. Дороевъ поуч. 19, стр. 200. См. „Черты дѣят. благочестія по ученію св. отцовъ церкви“. 1871 г., стр. 173.

прощенъ былъ ему всякій прежній грѣхъ и въ послѣдствіи удостоился онъ надлежащаго Божія попеченія и пересталъ быть наглымъ“¹⁾).

Итакъ, въ отношеніи личныхъ обидъ христіанская кротость обнаруживается, прежде всего, въ терпѣливомъ *перенесеніи* этихъ обидъ, при которыхъ надобно поставить себѣ за правило не тотчасъ говорить и дѣйствовать, а дать умолкнуть въ себѣ движеніямъ оскорбленнаго самолюбія (Пс. 37, 14—15). Сюда въ особенности относится столь часто неправильно понимаемое изреченіе нагорной проповѣди І. Христа: „Вы слышали, что сказано: око за око, зубъ за зубъ (Исх. 21, 24). А Я говорю вамъ: *не противься злomu* (*μη ἀντιστήναι τῷ πονηρῷ*). Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудилъ тебя идти съ нимъ одно попоше, иди съ нимъ два“ (Мѡ. 5, 38—41). Никоимъ образомъ нельзя понимать этого индифферентнаго изреченія Христова въ томъ смыслѣ, будто бы, какъ это думаетъ вслѣдъ за квакерами, 2) нашъ Л. Толстой, безусловно запрещается противиться злomu силой, т. е. запрещаются всякія мѣры физическаго насильственнаго противодействия враждебнымъ дѣяніямъ злыхъ людей и всѣ способы внѣшняго обузданія враждующихъ,—исходитъ ли все это отъ частныхъ лицъ или отъ государства,—тѣмъ болѣе, что всякое насиліе надъ злыми людьми будто бы только увеличиваетъ зло въ мірѣ, а отнюдь не уменьшаетъ его. 3) Такъ понимать разсматриваемыя выраженія Спасителя было бы въ высшей степени неразумно.

Самый греческій текстъ Христовыхъ словъ—*μη ἀντιστήναι τῷ πονηρῷ*—толкователи переводятъ различно. Слова *μη ἀντιστήναι* переводятся: „не противься злomu“, „или злыми, дурными средствами, 4) „не то, чтобы не уступить злomu человѣку“. 5)

¹⁾ Творенія въ русск. перев. т. 2, стр. 79—80.

²⁾ См. Фоберисона, „Исторія христіанской церкви“, въ перев. проф. А. П. Лопухина. Спб. 1891 г., т. II, стр. 1171.

³⁾ Толстой. *Worin besteht mein Glaube?* Leipzig, 1885 г., с. 12—15; 25—27; 288 и др. Ср. „Въ чемъ моя вѣра?“ 2 изд. *Этюдума*. Genève, 1891 г., стр. 47—68; 13—14 и др.

⁴⁾ Проф.-прот. Соллертинскій въ 1-мъ томѣ „Христ. Чтенія“ за 1887 г., стр. 456—461.

⁵⁾ Проф. Накрасовъ. „Чтенія греческаго текста св. Евангелій“.

Слова τῷ πονηρῷ понимаются въ смыслѣ зла или злого человѣка. Но во всѣхъ подобныхъ толкованіяхъ общая идея одна и та же, и она предполагаетъ въ словахъ І. Христа такую мысль.

Давая заповѣдь о непротивленіи *злу, злomu*, Христосъ говоритъ не о злѣ и злыхъ вообще, а объ оскорбительныхъ, обидныхъ, но не явно враждебныхъ, преступныхъ дѣйствіяхъ по отношенію *лично* къ христіанину, и указываетъ, что на такія дѣйствія христіанинъ долженъ отвѣчать не злобой местию, а кротостію и незлобіемъ, стараясь довести обидчика до сознанія своей неправды. Что Спаситель вовсе не имѣлъ намѣренія говорить здѣсь о преступленіяхъ въ собственномъ смыслѣ, о явныхъ насиліяхъ, это подтверждается всѣми тѣми примѣрами, которыми Онъ поясняетъ Свое изреченіе о непротивленіи злomu. Сказавши „не противься злomu“, Христосъ продолжаетъ: „но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно пополице, иди съ нимъ два“. Какъ видно, тутъ нѣтъ и рѣчи о собственно преступныхъ дѣяніяхъ, а говорится объ оскорбленіи дѣйствіемъ, о несправедливомъ сутяжничествѣ, о мелкомъ вымогательствѣ услугъ. Да и нельзя допустить, что здѣсь Спаситель разумѣлъ *всякое* зло, какъ то хотѣлось бы Л. Толстому. Вѣдь невозможно, напр., въ 41 стихъ вложить такое содержаніе: и кто принудитъ тебя идти съ нимъ на разбой, иди съ нимъ дважды. Было бы безуміемъ приписывать Евангелію подобныя наставленія. Значитъ заповѣдь І. Христа, о которой у насъ идетъ рѣчь, не имѣетъ всеобъемлющаго значенія, не охватываетъ *всѣхъ* проявленій *всякаго* зла. Если бы Христосъ хотѣлъ включить въ кругъ злыхъ дѣяній, противиться которымъ Онъ запрещаетъ, *всякія* насилія, всѣ преступленія въ обычномъ значеніи слова, то, конечно, Онъ это высказалъ бы ясно и опредѣленно, указавъ и соотвѣтствующіе примѣры—убійства, разбой, грабежа и т. п. Только ясное указаніе Спасителя на проявленія явнаго насилія въ перечнѣ случаевъ „непротивленія злomu“ давало бы Толстому право распро-

яній и посланій апостольскихъ“. Казань. 1892 г., стр. 89—90. У одного изъ западныхъ толкователей, *Achelisa*, эти слова значатъ: „игнорировать причиненную намъ обиду, несправедливость, насиліе (*Achelisi* „Die Bergpredigt nach Matthäus und Lucas“, 1875, p. 171).

странять смыслъ этой заповѣди до желательныхъ для него предѣловъ. При отсутствіи же подобныхъ указаній толстовское толкованіе совершенно произвольно и неосновательно.

Что касается словъ „не противься“, то указанный ихъ смыслъ также открывается изъ контекста рѣчи. І. Христосъ говоритъ: „Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злему“. Здѣсь новозавѣтная заповѣдь о непротивленіи злему сопоставляется съ ветхозавѣтнымъ фарисейско-книжническимъ допущеніемъ мести, какъ обязательнаго воздаянія за личныя обиды (Исх. 21, 23—25. Ср. Мѡ. 5, 43). Но месть вытекаетъ всегда изъ гнѣвнаго раздражительнаго настроенія обиженнаго. Противъ этого-то настроенія и направлена рѣчь Спасителя. Духу законнической мстительности Онъ противопоставляетъ идеаль христіанской настроенности—кротости и незлобія при нашихъ оскорбленіяхъ со стороны злыхъ людей. „Не противься“ въ такомъ случаѣ значитъ: будь терпѣливъ при перенесеніи обидъ отъ своихъ ближнихъ и старайся даже воздавать имъ за зло добромъ.

Такое пониманіе заповѣди о непротивленіи злему, несравненно превосходящее своею разумностію толстовское толкованіе ея, согласно и съ общимъ духомъ Христова ученія, проповѣдующаго кротость и незлобіе, а не безусловную уступчивость обидчику, не совершенную пассивность въ борьбѣ со зломъ. Самъ Спаситель всю свою жизнь боролся властнымъ словомъ Своимъ съ грѣхами людей и намъ заповѣдалъ: „если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его“ (Мѡ. 18, 15—18). Но І. Христосъ училъ насъ этому не только словомъ своимъ, но и примѣромъ собственныхъ дѣйствій. Что Онъ противился злымъ людямъ, съ величайшимъ терпѣніемъ перенося отъ нихъ разныя обиды и жестокости и благотворя имъ (Лук. 23, 34),—это всѣмъ извѣстно. Такъ, когда Спаситель видѣлъ, что Его терпѣніе и доброта могутъ причинить лишь нравственный вредъ Его обидчику, то Его противодѣйствіе выразилось въ воззваніи къ чувству справедливости послѣдняго и въ обличеніи его дурнаго поступка.

Какъ показываетъ исторія страданій Спасителя, на допросѣ у первосвященника, когда одинъ лѣстивый рабъ и грубый вои́нь дерзко ударилъ Господа по щекѣ съ нахальнымъ

укоромъ: „такъ отвѣчаешь Ты первосвященнику?“—Онъ не перенесъ этого грубаго насилія римскаго воина и не подставилъ ему другой щеки, а кроткой укоризной замѣтилъ: „если Я сказалъ худо, покажи что худо; а если хорошо, что ты, бьешь Меня?“ (Іоан, 18, 22—23. Ср. Дѣян. 22, 25). Очевидно, Господь сказалъ такъ потому, что та мѣра кротости, на которую Онъ указывалъ намъ въ нагорной бесѣдѣ, едва ли могла благотворно подѣйствовать на грубаго архіерейскаго слугу, во что бы то ни стало желавшаго угодить своему господину, и едва ли бы онъ, устыдившись кротости Спасителя созналъ грѣхъ противъ Богочеловѣка и раскаялся. Теперь же Господь словеснымъ протестомъ Своимъ остановилъ безумную дерзость забывшагося солдата и почему знать, можетъ быть, возбудилъ въ душѣ его сознаніе своей вины и раскаяніе. Такимъ образомъ ясно, что заповѣдую непротивленіе злу, Господь не пассивное потворство ему узаконяетъ, а именно активное, противодѣйствіе, и пусть не говорятъ, что активность эта по указанному примѣру Господа должна состоять лишь въ одномъ словѣ обличенія и увѣщанія; потому что въ томъ же Евангеліи рассказывается и о такомъ случаѣ, когда Господь, снѣдаемый ревностію о домѣ Божіемъ (Іоан. 2, 17. Ср. Пс. 68, 10), въ противодѣйствіе злымъ людямъ, попирающимъ общую для всѣхъ святыню, не ограничился лишь словомъ укоризны, а, „сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ и воловъ и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ (Іоан. 2, 13—16. Ср. Мѡ. 21, 12—13; Мрк. 11, 15—18; Лук. 19, 45—48). Ясное дѣло, что этотъ примѣръ Христа даетъ право Его послѣдователямъ въ крайнихъ случаяхъ полагать предѣлъ злу и путемъ противодѣйствія ему силой, во имя пламенной любви къ Богу. Такого вывода, какъ и самаго факта, не смѣетъ оспаривать и Л. Толстой, хотя онъ для очистки совѣсти замѣчаетъ, что этотъ фактъ исключительный и будто бы кѣмъ-то истолкованъ въ его пользу ¹⁾). Наконецъ, коль скоро злой человѣкъ грозитъ благосостоянію и самой жизни нашего ближняго, то, при совершенной безуспѣшности нашихъ увѣщаній мы, согласно съ завѣщаніемъ Спасителя (Іоан. 15, 13), не въ правѣ оставаться бездѣйственными, хотя бы намъ за это угрожала самая смерть. Мало того,

¹⁾ „Царство Божіе“, Берлинъ. 1894 г., ч. I, стр. 26.

намъ позволительно какой-либо силой защищаться и противъ нападающихъ на насъ. Только главный мотивъ личной самозащиты должна составлять любовь къ самому нападающему, а не себялюбіе. Нападающій можетъ причинить мнѣ только физическое зло, себѣ же онъ дѣлаетъ зло нравственное, губить душу свою. І. Христосъ не только училъ о позволительности личной самозащиты (Мѣ. 10, 23), но и освятилъ это Своимъ примѣромъ. Когда ему грозила опасность со стороны озлобленной толпы, Онъ пока еще не находилъ нужнымъ отдаваться въ ея власть, отдалялся отъ такихъ людей (Мѣ. 12, 14; 26, 45). Не лишено здѣсь значенія и слѣдующее соображеніе. Когда уже пришелъ часъ Сыну Человѣческому быть предану на распятіе, и іудейскія власти съ вооруженными людьми пришли взять Его, то Онъ обратился къ нимъ съ такими словами: „какъ будто на разбойника вышли вы съ мечами и кольями“ (Мѣ. 26, 55). Если бы люди никогда не были въ правѣ прибѣгать въ необходимыхъ случаяхъ къ физическому противодѣйствию для охраненія собственной жизни, то Онъ сказалъ бы: „даже противъ разбойника не слѣдуетъ вооружаться мечами и кольями, а вы на меня вышли съ ними“¹⁾.

Такимъ образомъ, не одобряя насилія вообще, поскольку оно преслѣдуетъ своекорыстныя цѣли и сознательно посягаетъ на интересы другихъ, христіанство, вопреки убѣжденію Толстого, не отрицаетъ и не можетъ отрицать законности физическаго воздѣйствія по отношенію къ злоумышленнику, готовому нанести вредъ или смерть нашему ближнему или даже намъ самимъ, когда мѣры терпѣнія и уступчивости оказываются недѣйствительными. Однако, допуская подобное воздѣйствіе, какъ необходимое средство для борьбы со зломъ, христіанство дозволяетъ прибѣгать къ нему только подъ непремѣннымъ условіемъ, если оно не переходитъ въ явную месть къ противнику, въ прямое желаніе вредить ему. Христіанская насильственная борьба со зломъ имѣетъ въ виду лишь отнять у злодѣевъ возможность совершать насилія. Само собою разумѣется, что предотвращать и пресѣкать нравственное зло, какъ дѣло свободной воли человека (Мѣ. 15, 18—19), разумнѣе всего такими мѣрами, ко-

¹⁾ Проф. А. Гусевъ. „Основные религіозныя начала графа Л. Толстого“. Казань, 1898 г., стр. 79.

торыя непосредственно вліяють на волю человѣка, т. е. при-мѣромъ, воодушевленнымъ словомъ наученія и обличенія. Ап. Павелъ такъ описываетъ оружіе христіанина въ борьбѣ со зломъ: опоясаніе его — истина, броня — праведность, щитъ — вѣра, шлемъ спасенія, его духовный мечъ — слово Божіе (Ефес. 6, 14—17). Эти мѣры противодѣйствія злу, не насилуя человѣка, соотвѣтствуютъ болѣе высокому понятію объ его человѣческомъ достоинствѣ и показываютъ, что онъ способенъ добровольно встать на путь правды. Кромѣ того, такого рода мѣры, разъ онѣ достигли успѣха, сопровождаются наиболѣе прочными результатами, потому что дѣйствуютъ на самый корень зла, а не на отдѣльныя проявленія его. Таковы преимущества духовныхъ мѣръ борьбы со зломъ предъ мѣрами принудительными, которыя или насилуютъ волю человѣка, или, не вліяя на его сердце, *принуждаютъ* его только къ добропорядочному поведенію. Но это не значитъ, что послѣдняго рода мѣры должны быть совершенно устранены: Самъ величайшій Проповѣдникъ мира повелѣваетъ своимъ друзьямъ — „продать одежду свою и купить мечъ“ (Лук. 22, 36). „Должно ли“ — спрашиваетъ *А. Гарнакъ*, „и въ виду врага, во всѣхъ случаяхъ, отказаться отъ преслѣдованія своего права, слѣдуетъ ли прибѣгать исключительно къ оружію кротости? Должно ли начальство не наказывать и вмѣстѣ исчезнуть съ лица земли? Должны ли народы махнуть рукой на защиту собственности въ случаѣ вражескаго нападенія и проч.? Я осмѣливаюсь утверждать, — замѣчаетъ берлинскій ученый богословъ, — что Іисусъ, произнося тѣ слова („не противься злему“...), совсѣмъ и не думалъ о такихъ случаяхъ, и что растяженіе ихъ въ этомъ направленіи свидѣтельствуешь о грубомъ и опасномъ недомыслии: Іисусъ всегда имѣлъ въ виду только отдѣльное лицо и настроеніе сердца въ любви. А что такое настроеніе будто не можетъ родиться въ случаѣ преслѣдованія своего права, при добросовѣстномъ судовореніи и при серьезномъ наложеніи наказанія, — это предразсудокъ, въ подтвержденіе котораго тщетно ссылаться на букву Христовыхъ изреченій, хотя послѣднія и не претендуютъ быть закономъ, слѣдовательно, юридическими установленіями“ ¹⁾).

¹⁾ *А. Гарнакъ*. „Das Wesen des Christentums“. Aufl. 2. Leipzig,

Если же Толстой, какъ мы знаемъ, высказываетъ ту мысль, будто бы принудительныя, насильственные мѣры противъ злодѣевъ и злодѣяній *нисколько* не уменьшаютъ, а, напротивъ, даже увеличиваютъ зло въ мірѣ, то эта мысль не подтверждается данными психологіи насилующихъ и насилуемыхъ. Какъ показываютъ эти данныя, насиліе далеко не всегда наталкиваетъ на новое насиліе, какъ это утверждаетъ Толстой. Насиліе вызываетъ какъ естественную реакцію, желаніе отвѣтить на него насиліемъ же въ томъ только случаѣ, когда оно ничѣмъ не было вызвано со стороны насилуемаго и, слѣдовательно, является сознательнымъ посягательствомъ на благополучіе послѣдняго. Что же касается того насилія, которое составляетъ необходимое противодѣйствіе умышленному попранію нашихъ правъ, ничѣмъ съ нашей стороны не вызванному, то такое насиліе совсѣмъ не обладаетъ свойствами преступнаго въ юридическомъ и общеупотребительномъ смыслѣ насилія. Терминъ „насиліе“ указываетъ на нарушеніе чужихъ правъ и, слѣдовательно, на преступленіе, неизбѣжно влекущее за собою возмездіе, тогда какъ силой иногда не нарушаются, а, напротивъ, охраняются права насилуемаго. „Если я вырву у человѣка принадлежащую ему вещь“, — рассуждаетъ *кн. Д. Цертелевъ*, — „я несомнѣнно совершу насиліе; но если я силой помѣшаю ворюшкѣ вырвать у меня бумажникъ, то тутъ, съ моей стороны, не будетъ никакого насилія“ ¹⁾. Потому-то насильники почти всегда сознаютъ свою преступность въ отношеніи къ насилуемымъ, равно какъ и право послѣднихъ на активную самозащиту отъ нихъ ²⁾.

Если преступное насиліе, действительно, увеличиваетъ зло въ человѣчествѣ, то обыкновенное физическое противодѣйствіе злу, напротивъ, способствуетъ уменьшенію его, будучи невольной сдержкой для преступнаго настроенія самихъ же насильниковъ и для причиненія людьми вообще всякаго зла другъ другу. Каждому извѣстно, отъ сколькихъ преступленій способствуетъ удерживать насъ перспектива грядущей общественно-государственной кары. Если же

¹⁾ „Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого“, 2-е изд., Спб. 1898 г., стр. 161.

²⁾ Б. Титлиновъ. „Христіанство гр. Л. Н. Толстого“, Спб. 1907 г., стр. 125.

иногда приходится слышать, будто при всѣхъ существующихъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣрахъ преступность все-таки существуетъ и повидимому нисколько не уменьшается, а даже увеличивается, то это нисколько не доказываетъ недѣйствительности этихъ мѣръ. Вѣдь если бы не существовало послѣднихъ, то безспорно было бы еще больше всякихъ преступленій. Преп. *Антоній Великій* утверждаетъ, что „наказывать злыхъ должно ради самого добра“ 1). Законодатель (т. е. Моисей),—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„предписалъ око за око не для того, чтобы мы другъ у друга вырывали глаза, но для того, чтобы мы удерживали свои руки отъ обидъ, ибо угроза, заставляющая страшиться наказанія, обуздываетъ стремленіе къ дѣламъ преступнымъ“ 2).

Вотъ что замѣчаетъ по этому поводу и современный ученый профессоръ *Гребенщиковъ*: „Устрашеніе имѣетъ значеніе элемента, задерживающаго ростъ преступности. До сихъ поръ польза наказанія еще никѣмъ въ дѣйствительности не опровергнута“ 3). Замѣчательно, что самъ же Толстой, безусловно отвергая насиліе, въ то же время допускаетъ его, не безъ очевидной измѣны своему принципу, въ отношеніи, напр., къ ребенку, котораго, по его словамъ, мы можемъ *насилно*, посредствомъ наказанія, удержать отъ угрожающей ему несомнѣнной опасности 4). Если позволительно удержаніе ребенка силою отъ грозящей ему бѣды, то почему нельзя удержать силою же и взрослого человѣка, напр., отъ опасности, угрожающей его жизни? Очевидно, Толстой самъ себѣ противорѣчитъ.

Какъ противодѣйствіе злу силой само по себѣ не ведетъ съ необходимостію къ умноженію зла въ мірѣ, такъ и непротивленіе насиліемъ не увеличиваетъ суммы добра въ немъ. Вопреки увѣренію защитниковъ непротивленія злу силою, оказывается, что этимъ способомъ едва ли можно исправить всякаго злодѣя. *Проф. А. Ѡ. Гусевъ* пишетъ: „не

1) „Добротолубіе“. Спб. 1877 г., стр. 64.

2) Творенія. Москва, 1843 г., стр. 368 и дал.

3) „Русское Богатство“ 1884 г., 5—6 кн., стр. 348. Ср. г. *Тардъ* „Преступленія толпы“, перев. 1893 г. стр. 42—43. *Эрль Хоранъ*. „Уголовная антропология“. Кіевъ, 1897 г., стр. 101.

4) Вл. Ильяшъ „Угроза“ Желтецькаго стр. 222

Иуда ли находился въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія и укрѣпленія въ немъ самаго возвышеннаго нравственнаго настроенія? Однако же, онъ оказался способнымъ предательски измѣнить даже своему Божественному Учителю и чрезъ то совершить одно изъ самыхъ возмутительныхъ и страшныхъ дѣлъ. Такихъ Іудъ было и есть немало среди человѣчества. Кто, затѣмъ, не знаетъ, что у самыхъ благородныхъ и высокихъ въ нравственномъ отношеніи родителей бывають дѣти, положительно отталкивающія отъ себя своими нравственными качествами. Благодѣянія, даже, не только не смягчаютъ людей дурныхъ и вредныхъ, но ожесточаютъ" 1). Все это несомнѣнные факты, которые заставляютъ насъ прибѣгать, кромѣ духовныхъ средствъ противодѣйствія злымъ людямъ, еще и къ принудительнымъ 2).

Но закончимъ рѣчь о христіанской кротости, прерванную апологетическими замѣчаніями по поводу толстовскаго „непротивленія злу силою“. Такъ-какъ мы, христіане, живемъ въ царствѣ мира, основанномъ пришедшимъ въ міръ Спасителемъ, то намъ слѣдуетъ быть всегда готовыми къ восстановленію братскаго общенія между собою, если оно нарушено, быть готовыми просить прощенія у своего ближняго, если мы сами обидѣли его, или простить его съ своей стороны. Отсюда очевидно, что христіанская кротость, кромѣ терпѣливаго перенесенія личныхъ обидъ, проявляется еще въ *прощеніи* этихъ обидъ, въ томъ, что называется христіанскою обязанностію *всепрощенія*.

Эту обязанность Господь І. Христось высказалъ въ своемъ извѣстномъ отвѣтѣ на вопросъ ап. Петра: „Сколько

1) „Основные религіозныя начала гр. Л. Толстого“, стр. 92—93

2) Кромѣ цитированныхъ сочиненій, въ нашей литературѣ есть и другія изслѣдованія, специально посвященныя объясненію заповѣди Спасителя о непротивленіи злу, въ виду именно искаженія ея толкованіемъ Л. Толстого. Таковы: В. Виноградова, „Теорія толстовскаго непротивленія, какъ доктрина анархизма“ („Странникъ“ 1911 г., январь); проф. Бердникова, „Не противься злу“ („Церк. Вѣдомости“ 1907 г., № 39); Л. Григорьева, „Къ вопросу о непротивленіи злу силою“ („Вѣра и Разумъ“ 1901 г., №№ 16 и 17. Ср. еще же, „Христіанство въ его отношеніи къ государству до возвращенія гр. Л. Н. Толстого“. Казань, 1904 г., стр. 48—75); О. Н. Елеонская „О новомъ евангеліи Толстого“ („Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщенія“ 1887 г., январь); объясненіе Христовой заповѣди „Вѣрова“ („Правосл. Собесѣдникъ“, 1886 г., т. II, стр. 38—42 и др.)

разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня?“ (Мѡ. 18, 21). Книжники и фариसेи учили, что грѣхи ближняго противъ насъ можно прощать только три раза. Петръ же, тогда еще привязанный къ іудейской виѣшней законности, думалъ уже возвыситься надъ нею, допуская возможность прощенія до семи разъ. Тогда Господь отвѣтилъ; „не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ“ (—ст. 22). Этимъ Онъ хотѣлъ сказать Апостолу, что сколько бы разъ ни согрѣшилъ противъ насъ ближній нашъ, мы должны прощать ему, помня, что намъ прощается Богомъ безконечно больше грѣховъ, чѣмъ сколько мы прощаемъ своимъ ближнимъ (Мѡ. 32—33). Потому то Спаситель, внушая намъ примирительное, прощающее настроеніе сердца, къ прошенію Своей молитвы („Отче нашъ“): „и остави намъ долги наша!“ присовокупляемъ слова „яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“, а къ самой молитвѣ—наставленіе: „Ибо если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ; то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. А если не будете прощать людямъ согрѣшеній ихъ; то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“ (Мѡ. 6, 12, 14—15. Ср. Мѡ. 5, 23—26; 18, 15—22; Мрк. 11, 25; Лук. 6, 37; 14, 4; Ефес. 4, 32). Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ говоритъ о такихъ людяхъ, которые, читая молитву Господню, послѣ прошенія: „и остави намъ долги наша“, слѣдующія затѣмъ слова: „яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“ выпускали въ томъ убѣжденіи, что нельзя этого произнести отъ „сердца“, а въ молитвѣ ничего не должно быть неискренняго. Подтверждая послѣднее, св. отецъ доказываетъ имъ въ то же время, что мы въ такомъ случаѣ читаемъ вовсе не молитву Господню и не можемъ надѣяться на услышаніе себя, такъ какъ искажаемъ Его молитву, разрывая то, что имѣетъ взаимную связь, а потому должны стараться о томъ, чтобы эти слова произносить отъ чистаго сердца ¹⁾).

„Обиды должны забываться, а благодаренія хранить въ памяти“,—говорили стойки ²⁾. Но едва-ли язычникъ, презиравшій кроткаго человѣка, какъ человѣка слабаго характера,

¹⁾ Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 270.

²⁾ Письма Сенеки, письмо 34. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., т. II, стр. 36.

съ неразвитымъ будто бы чувствомъ чести и самоуваженія, могъ забывать то, что сдѣлано противъ него обидчикомъ. Да и христіанская кротость располагаетъ наше сердце именно прощать, а не забывать личныя обиды. Христіанинъ не можетъ забыть собственно того, что обида есть грѣхъ противъ Самого Бога—Творца и Искупителя *всѣхъ* людей—слѣдовательно, губительна для души обижающаго и потому требуетъ не забвенія, а вразумленія и исправленія. Нравственное достоинство прощенія, при допущенія полного забвенія обиды, не возвышалось бы, а, напротивъ, понижалось, и легкомысленному было бы легче прощать, нежели серьезному. Прощеніе есть покрытіе возникшей неправды любовью, сохраненіе полной любви къ ближнему при полномъ сознаніи его грѣха, сердечное желаніе спасенія грѣшнику при сознаніи помраченія его богоподобнаго существа ¹⁾.

Непрощеніе обиды, возможное только при непониманіи истиннаго достоинства ближняго, въ высшей степени преступно и пагубно. Нельзя быть прощеннымъ, не примирившись, не простившись съ своими ближними (Мѡ. 5, 5, 7, 9; Пс. 36, 8—11). „Ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ“,—гласитъ пасхальная пѣснь; потому что всякая обида должна исчезнуть при мысли о вѣчномъ торжествѣ любви въ фактѣ Христова воскресенія. Такъ какъ въ раздорахъ и несогласіяхъ большею частію виновенъ бываетъ не только обижающій, но и обиженный, хотя не въ одинаковой степени, то прощеніе и примиреніе должны исходить со стороны обоихъ. Если каждый изъ насъ ожидаетъ, чтобы другой сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію, то это показываетъ, что оба они чужды того истиннаго величія души, которое присуще христіанской кротости и нелюбю (Притч. 16, 32). Правда, виновникъ разногласія первый долженъ подать руку примиренія. Но виновному обыкновенно труднѣе это сдѣлать, чѣмъ невинному. Потому обиженный долженъ облегчить обидчику возможность прощенія. Послѣ примиренія требуется большая осторожность во взаимныхъ отношеніяхъ примирившихся, чтобы не возобновилась прежній разладъ съ большею силою и опасностію для христіанскаго человѣколюбія.

¹⁾ Wuttke. „Die Christliche Sittenlehre“ Bd. II, s. 401.

Въ дѣлѣ взаимнаго примиренія и прощенія враждующихъ важную услугу могутъ оказать ихъ друзья. Потому, говоря о различныхъ обнаруженіяхъ христіанской любви къ ближнимъ, не можемъ не сказать здѣсь о христіанскомъ *дружествѣ* или дружбѣ. Она есть такая внутренняя и тѣснѣйшая связь между людьми, по которой одинъ человѣкъ видитъ въ другомъ какъ бы свое собственное—другое я. Связь эта основывается на взаимномъ сродствѣ и соответствіи душъ по своимъ мыслямъ, чувствамъ, естествамъ, склонностямъ, характерамъ и стремленіямъ, направленнымъ къ одной цѣли—достиженію взаимнаго нравственнаго совершенства и счастья.

Внутреннее сродство приводитъ единомыслящихъ и одинаково настроенныхъ между собою лицъ къ сближенію и связываетъ ихъ между собою тѣснѣйшими узами дружбы. Въ то время, когда развивается внутренняя душевная жизнь, она съ особенною силою ищетъ себѣ восполненія въ сродныхъ существахъ. Вотъ почему время заключенія дружбы есть именно юность, періодъ перехода отъ домашней жизни къ общественной, тѣ переходные годы, когда юношескій взглядъ устремляется на идеалы, когда обычно общая любовь къ идеалу связываетъ между собою сродныя души. Въ позднѣйшее время, когда личныя особенности устанавливаются и укрѣпляются, человѣкъ видитъ въ другомъ болѣе различій, чѣмъ сродства. Въ болѣе зрѣлые годы человѣкъ обычно живетъ уже собственнымъ домомъ, обремененный разнаго рода обязанностями, невольно воздвигающими на очередь болѣе реальныя запросы жизни. Все это дѣлаетъ образованіе дружбы въ эти годы болѣе или менѣе затруднительнымъ. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ зрѣлому человѣку выпадаетъ счастье находить себѣ друга въ полномъ смыслѣ слова. Завязавшаяся въ юности дружба нерѣдко поддерживается и продолжается и во все дальнѣйшее время. Чаще же случается, что съ измѣнившимися въ послѣдствіи возрѣніями на жизнь друзья охладѣваютъ другъ къ другу. Они замѣчаютъ что ихъ пути жизни разошлись, интересы существенно измѣнились потому ли, что натуры ихъ оказались несродными, или оттого, что характеры развились въ совершенно противоположномъ направленіи. Въ такомъ случаѣ дружба собственно прекращается

и переходитъ лишь въ простое внѣшнее отношеніе взаимной благосклонности ¹⁾. Случается также, что высшія обязанности, напр. долгъ нашего званія во Христѣ, или забота о спасеніи души, иногда не позволяютъ продолжать дружескія отношенія къ кому-либо (Мѡ. 10, 17). Въ такомъ случаѣ надобно остерегаться, чтобы, прерывая дружескій союзъ, ни въ чемъ не нарушить долга христіанской любви къ нему; надобно съ признательностію помнить тѣ выгоды, какія были получены отъ прерваннаго содружества; надобно также хранить и тѣ тайны, которыя ввѣрены были въ продолженіи дружескаго общенія, и, наконецъ, не забывать о прежнемъ другѣ въ молитвѣ своей къ Богу ²⁾.

Большое значеніе дружбы всегда признавалось въ достаточной мѣрѣ. Въ древнемъ мірѣ она играла особенно важную роль. Древніе греки и римляне считали ее однимъ изъ благороднѣйшихъ человѣческихъ общеній. Въ общеніи друзей имъ предносился идеалъ индивидуальной нравственной свободы, подавляемой государствомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ жизни. Другихъ высшихъ нравственныхъ принциповъ, кромѣ государственнаго закона, античная жизнь не знала. Религія была суммой внѣшнихъ предписаній, она не знала личной преданности божеству. Бракъ въ античномъ мірѣ слишкомъ подчиненъ былъ государственной точкѣ зрѣнія, почему и не давалъ личнаго удовлетворенія и нравственнаго возвышенія. На мѣсто отсутствующихъ началъ жизни тогда и выступала дружба. Древность называетъ намъ нѣсколько истинныхъ друзей (Сократа и Алкивіада, Эпаминонда и Пелопида, Ахиллеса и Патрокла, Александра Великаго и Гефестіона и др.), и ея выдающіеся мыслители дѣлали дружбу предметомъ своихъ разсужденій. Изъ десяти книгъ своей „Этики“ Аристотель посвятилъ дружбѣ не менѣе двухъ (8 и 9), и когда говоритъ о ней, возвышается почти до поэтическаго восторженнаго чувства. Дружба, по нему, есть нѣкій надежный якорь для человѣка и въ бѣдности, и въ несчастіи; она — руководящая нить для неопытнаго юношества, врачевство — для дряхлой старости. Въ основѣ дружбы лежитъ обыкновенно стремленіе найти въ

¹⁾ Мартенсенъ. „Христіанское ученіе о нравственности“, т. II, стр. 504—505.

²⁾ „Христ. чтеніе“ за 1849 г., ч. I, изд. 2, стр. 376—382.

другъ или съ его помощью что-либо пріятное и полезное. Но это стремленіе не можетъ сдѣлать дружбы постоянною: исчезаетъ возможность при ея посредствѣ достигнуть пріятнаго или полезнаго, исчезаетъ и дружба. Истинная дружба, имѣющая въ основѣ своей стремленіе къ нравственному благу, сравнительно рѣдка, такъ такъ вообще мало истинно-добродѣтельныхъ людей; способныхъ къ ней ¹⁾. И Цицеронъ (См. его „Laelius, s. de amic. dial.“), подобно Аристотелю, въ основу дружескаго общенія людей полагаетъ только благо или добродѣтель. Тѣмъ не менѣе, при отсутствіи въ античномъ язычествѣ истинныхъ основъ нравственности, не могло быть тамъ, вообще говоря, и нравственно—совершенной дружбы.

И христіанство, конечно, само по себѣ не дѣлаетъ людей друзьями, но оно есть та духовная сила, которая самымъ тѣснымъ образомъ связываетъ друзей между собою. Какъ всѣ человѣческія отношенія, такъ и дружба находитъ въ христіанствѣ черты своего нравственнаго совершенства; потому что въ немъ внушается и наиболѣе прочно связующее друзей начало, именно живая вѣра въ истиннаго Бога,—въ частности—сыновній страхъ къ Нему и благоволеніе къ святой волѣ Его. „Боящіеся Господа, по словамъ Премудраго, найдутъ его“ (т. е. вѣрнаго друга). „Боящійся Господа направляетъ дружбу свою такъ, что, каковъ онъ самъ, такимъ дѣлается и другъ его“ (Сир. 6, 16—17). Если друзья не имѣютъ страха Божія въ сердцахъ своемъ, не питаютъ живой увѣренности, что среди нихъ всегда присутствуетъ Богъ, и Онъ есть надежная опора и свидѣтель ихъ вѣрности; то дружба не можетъ быть вполне твердою, чистою, благотворною. Ветхозавѣтное откровеніе представляетъ намъ замѣчательный образецъ такой дружбы, по своей поэтической нѣжности и искренности чувства въ лицѣ Давида и Ионаана (1 Цар. гл. 18) и вообще говоритъ о ней съ особенною выразительностію. Другъ любить во всякое время,—пишетъ Премудрый,—и, какъ братъ, является во время несчастія... Не покидай друга твоего и друга отца твоего“ (Притч. 17, 17; 27, 10). Вѣрный другъ—крѣпкая защита; кто нашелъ его, нашелъ сокровище. Вѣрному другу нѣтъ цѣны, и нѣтъ

¹⁾ Проф. А. А. Бронзовъ. „Аристотель и Тома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“, СПБ. 1884, стр. 175—199.

мѣры добротѣ его. Вѣрный другъ—*врачевство для жизни*“ (Сир. 6, 14—16). Послѣднее изреченіе въ высшей степени поучительно: истинный другъ есть какъ бы зеркало нашей души, или лучше сказать, воплощенная совѣсть наша, въ которой отражаются и ясно видятся нами, какъ наши достоинства, такъ и недостатки.

Что касается новозавѣтнаго откровенія, то хотя въ немъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ заповѣдей о дружбѣ, однако на этомъ основаніи нельзя упрекать христіанство, какъ не разъ упрекали его, въ томъ, что оно будто недостаточно цѣнить дружбу, которую античный міръ умѣлъ—де цѣнить лучше ¹⁾ Въ примѣрахъ же истинной дружбы нѣтъ недостатка и въ Новомъ Завѣтѣ. Самъ Господь І. Христосъ, хотя любилъ всѣхъ учениковъ Своихъ, но къ нѣкоторымъ питалъ особенныя, дружескія чувства, напр., къ Лазарю и его сестрамъ (Іоан. II, 3—5, 11) и къ возлюбленному ученику Своему Іоанну (Іоан. 13, 23; 19, 25—27; 21, 20). На тайной же вечери Онъ назвалъ *всѣхъ* учениковъ Своихъ друзьями: „Вы, друзья мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ. Я уже не называю васъ рабами; ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его; но Я назвалъ васъ друзьями, потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего“ (Іоан. 15, 14—15). Если, поэтому, отношенія, въ какихъ І. Христосъ стоялъ къ Своимъ ученикамъ, были совершенно особаго свойства, то мы, не ограничиваясь ими, укажемъ здѣсь на взаимныя душевныя отношенія между Его учениками—Андреемъ и Петромъ, Филиппомъ и Нааинаиломъ—которые одинаково одушевлены, были стремленіемъ къ идеалу, провозглашенному ими въ общемъ исповѣданіи: „мы нашли Мессію, что значитъ Христосъ (Іоан. I, 41). А, какъ назидательны для насъ дружескія чувства ап. Павла къ ап. Тимофею (чит. посланія перваго къ послѣднему)! Что христіанство вовсе не устраняетъ, дружбы изъ сферы земныхъ человѣческихъ отношеній, а, напротивъ, освящаетъ это естественное отношеніе между людьми, основанное на взаимной симпатіи ихъ,—это доказываетъ намъ исторія церкви безчисленными примѣрами истинной дружбы. Всѣмъ извѣстна дружба между *св. Василиемъ Великимъ* и

¹⁾ *Katke*. „Theologische Ethik“ Bd. IV, 2. Auf., Wittenberg, 1870, s. 68 и дал.

св. Григоріемъ Богословомъ, трогательно и весьма поучительно описанная этимъ послѣднимъ, въ которой друзья искали взаимнаго поощренія въ служеніи Богу—цѣли ихъ жизни 1).

Многіе отцы Церкви, равно какъ и наши отечественные пастыри, съ великою похвалою отзываются объ истинной дружбѣ, считая ее выше всѣхъ земныхъ благъ 2). Тѣмъ не менѣе вѣрно то, что дружба въ христіанскомъ мірѣ уже не занимаетъ того исключительнаго положенія, какое она занимала въ античномъ мірѣ. Она уже не заключаетъ въ себѣ всей сущности нравственной жизни, какъ это было тамъ, будучи только однимъ изъ членовъ въ общемъ организмѣ этой жизни. Дружеская любовь теперь соподчиняется высшему идеалу христіанской любви со всѣмъ богатѣйшимъ вѣнкомъ ея добродѣтелей.

Христіанская любовь, индивидуализируясь, т. е. своеобразно проявляясь въ дружбѣ, украшаетъ ее искренностію, терпѣливою и самоотверженною преданностію, вѣрностію и другими свойствами. Но чѣмъ рѣже встрѣчается дружба съ такими свойствами, и чѣмъ выше мы цѣнимъ такую дружбу, тѣмъ необходимѣе употреблять всѣ зависящія отъ насъ средства для ея поддержанія и укрѣпленія. Одно изъ главныхъ *условій* при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы не льстить другъ другу, но откровенно говорить только правду, хотя бы иногда и горькую, и имѣть готовность выслушать ее. Та не есть дружба истинная, которая не смѣетъ или не выноситъ того, чтобы одинъ дѣлалъ другому нравственныя замѣчанія. Друзья должны быть терпѣливы по отношенію другъ къ другу, нелицемѣрно любить и прощать одинъ другого, не смотря на явныя и, быть можетъ, неискоренимыя слабости. Они должны быть способны на самопожертвованіе, и не забывать другъ друга ни при какихъ обстоятельствахъ, ни счастливыхъ, ни несчастливыхъ. Самое же главное, друзья должны хранить взаимную *вѣрность*, безъ которой невозможна самая дружба, и не измѣнять одинъ

1) См. Слово надгробное Василию, архіеп. Кесаріи Каппадокійскія. Творенія Григорія Б., ч. IV, М., 1844, стр. 73—74.

2) Творенія Григор. Бог., ч. I, стр. 299—300, М. 1848 г. Ср. Златоуста. Творенія, т. VIII, кн. Спб. 1902, стр. 526; т. XI, к. 2. Спб. 1905 г., стр. 489—492. „Воскр. Чтеніе“, 1843 г., № 14, стр. 182.

другому, не взирая ни на что вѣдшее, случайное, могущее разлучить ихъ. Для этого Премудрый совѣтуетъ не спѣшить съ заключеніемъ дружбы (Сир. 6, 8—12) и предварительно испытывать избираемыхъ друзей (Сир. 6, 7). Однакожъ, дружескую вѣрность нельзя смѣшивать съ партійнымъ духомъ. Когда друзья защищаютъ одинъ другого во всѣхъ дѣлахъ не только добрыхъ, но и худыхъ, то это будетъ уже не дружба, а нѣчто въ родѣ преступнаго сообщества. По *Аристотелю*, истинная дружба въ основѣ своей имѣетъ стремленіе людей къ достиженію блага: она сравнительно рѣдка, такъ какъ вообще мало истинно-добродѣтельныхъ людей, способныхъ къ ней. 1) Такой же высокій взглядъ на дружбу высказываетъ и *Цицеронъ*. Связующимъ началомъ въ дружбѣ онъ, подобно Аристотелю, считаетъ только благо, только добродѣтель; дружба, по нему, можетъ существовать только въ добрыхъ дѣлахъ 2)

То, что сказано о дружбѣ между лицами мужского пола, надобно сказать и о дружбѣ женской. Женщина, одинаково съ мужчиной способная къ дружбѣ, обыкновенно пріобрѣтаетъ друзей въ свои ранніе дѣвическіе годы. Если она можетъ еще имѣть ихъ и послѣ своего замужества, съ его совершенно иными обязанностями и интересами, то ее можно считать счастливою. Хотя дружба между лицами разнаго пола существенно отличается отъ супружеской любви, тѣмъ не менѣе она большею частію оказывается сомнительною, такъ какъ въ ней очень трудно соблюсти границы между дружескою и пологою любовью. Поэтому дружба между лицами одного и того же пола наиболѣе удобна 3)!

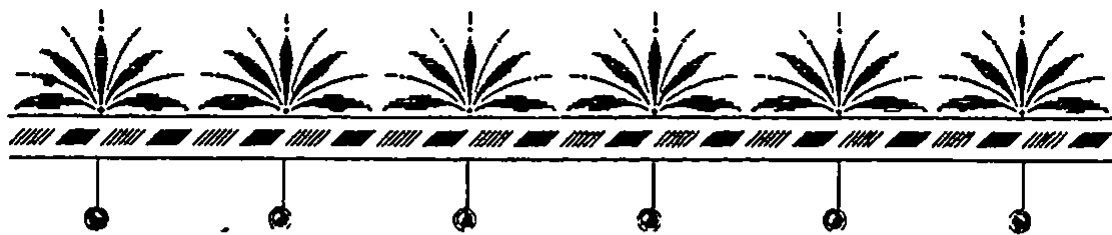
Проф.-прот. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

1) Проф. А. А. Брозовъ. „Аристотель и Ѳома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“, Спб. 1884 г., стр. 175—199.

2) *Мартенс*. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 507.

3) О христ. дружбѣ см. *Kubell's „Christliche Ethik“ Theil II, s. 191 f.*

Православно-христіанская теософія.

Ея восточно-подвижническое направленіе и значеніе въ отношеніи современной такъ называемой теософіи.

(Окончаніе *).

Въ библейско-отеческомъ языкѣ писаній уже чувствуется для „разумныхъ“ подвижниковъ и языкъ другой, сокровенный, внутренній. Это языкъ неизреченный, неописанный. Это языкъ духовнаго смысла и разумѣнія, языкъ видѣній и озареній. Это языкъ малаго и „большаго свѣта“ по св. Симеону, Новому Богослову, языкъ „духовнаго или сверхъестественнаго вѣдѣнія“ или „духовнаго созерцанія“ по св. Исааку Сиріянину. Этотъ мистическій языкъ—языкъ откровеній и тайнъ Св. Духа. Этотъ сокровенный языкъ Св. Духа не только чувствуется въ притчахъ, метафорахъ, образахъ и символахъ библейско-отеческаго языка писаній и преданій, но и самъ въ нихъ образуется, дѣйствуется, изрекается не въ буквальномъ или матеріальномъ смыслѣ содержанія, а въ иносказательномъ или духовномъ. Онъ такъ сказать самъ собою понимается и подсказывается, но только тѣмъ, кто достаточно приготовилъ себя для этого Божественными Писаніями и отеческими преданіями и на кого „снизшла сила Духа“ и кто „тайно учится у Духа“, какъ и говорить св. Исаакъ Сиріянинъ.

Въ библейско-отеческомъ языкѣ такому подвижнику теософу, этому ученику Духа Святаго, уже слышится то, что другимъ не понятно и не ощутимо.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12 за 1915 г.

„Божественное Писаніе, говоритъ св. Исаакъ, многое говоритъ, и часто употребляетъ именованія въ несобственномъ смыслѣ. Иное свойственно тѣлу, но сказуется о душѣ. И наоборотъ, свойственное душѣ сказуется о тѣлѣ. И Писаніе не раздѣляетъ сего; но разумный понимаетъ это“ 1).

Такъ по словамъ св. Симеона учится подвижникъ въ Божественномъ Писаніи „именованіямъ (въ несобственномъ смыслѣ“. И онъ не только понимаетъ ихъ, но, когда „сила Духа“ снисходитъ на него и Духъ тайно учитъ его, онъ чувствуетъ въ нихъ глубочайшій сокровенный смыслъ, переживаетъ въ нихъ реальное содержаніе. И, когда открывается ему Духъ и говоритъ въ откровеніяхъ и тайнахъ, онъ самъ уже говоритъ этимъ сокровеннымъ языкомъ, самъ изрекаетъ то, что непостижимо, сокровенно, внутренно, таинственно больше его реченій и наименованій. Божественная Софія выше словъ и наименованій, не вмѣщается въ нихъ, а потому она въ нихъ только предначертывается, поддается, символизуется. Но онѣ не безусловно обязательны для нея и она не безусловно съ ними соединяется. Поэтому тѣ, кто одарены теософической силой Духа Святаго и кто вошли въ Его Софійное, такъ сказать, пониманіе, тѣ изрекаютъ Божественную Мудрость въ словахъ и наименованіяхъ, указывающихъ не на точное и полное содержаніе и выраженіе Ея въ нихъ,—такихъ словъ и наименованій нѣтъ на человѣческомъ, бѣдномъ и скудномъ языкѣ,—а на то, что за ними, что выше ихъ содержанія, что въ нихъ только сокровенно и сверхчувственно предносится имъ самимъ, да и тѣмъ только, кто подобно имъ озаренъ софійнымъ пониманіемъ Св. Духа.

„Точность именованій, говоритъ отчасти и по этому поводу св. Исаакъ Сиріянинъ,—устанавливается для предметовъ здѣшнихъ, а для предметовъ будущаго вѣка нѣтъ подлиннаго и истиннаго названія, есть же о нихъ одно простое вѣдѣніе, которое выше всякаго наименованія и всякаго составнаго начала, образа, цвѣта, очертанія и всѣхъ придуманныхъ именъ. Поэтому, когда вѣдѣніе души возвысится изъ видимаго міра, тогда отцы въ означеніе онаго вѣдѣнія употребляютъ, какія хотятъ, названія, такъ какъ точныхъ

наименованій оному никто не знаетъ. Но чтобы утвердить на семь вѣдѣній душевныя помышленія, употребляютъ они наименованія и притчи, по изреченію святаго Діонисія, который говоритъ, что ради чувствъ употребляетъ притчи, слоги, приличныя имена и реченія. Когда же дѣйствіемъ Духа душа подвигнута къ Божественному, тогда излишни для насъ и чувства, и ихъ дѣятельность, равно какъ излишни силы духовной души, когда она, по неистижимому единству, содѣлывается подобною Божеству, и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта“ 1).

Итакъ, „точность наименованій“ по св. Исааку существуетъ только для предметовъ земнаго міра. Для предметовъ же высшаго міра, для Божественной Софіи „нѣтъ подлинныхъ и истинныхъ названій“. Здѣсь существуетъ и возможно одно только высшее вѣдѣніе, только софійное во святомъ Духѣ пониманіе.

Но подлинныхъ наименованій и основныхъ началъ здѣсь нельзя представить ни какимъ либо образомъ, ни цвѣтомъ, ни очертаніемъ, ни какимъ либо придуманнымъ словомъ. Но когда подвижники становятся выше помышленій и интересовъ земнаго міра, когда душа ихъ всецѣло углублена въ Божественную Софію откровеній и тайнъ Духа, тогда для обозначенія своихъ переживаній они употребляютъ подобно Отцамъ, какія угодно названія, такъ какъ все равно ни изречь, ни описать нашедшаго на нихъ внутренняго высшаго вѣдѣнія никто не можетъ. Однако, чтобы укрѣпить, углубить и воспитать душевныя помышленія всецѣло и единственно въ этомъ высшемъ вѣдѣніи, они употребляютъ для этого соотвѣтствующія приличныя наименованія, притчи, метафоры, аналогіи, образы и символы, какъ объ этомъ говоритъ еще св. Діонисій.

Такимъ образомъ, въ этихъ приличныхъ наименованіяхъ, притчахъ, метафорахъ, аналогіяхъ, образахъ, символахъ и другихъ соотвѣтствующихъ реченіяхъ—устанавливается нѣкоторый сокровенный, внутренній, таинственный, религіозно-мистическій языкъ, который подъ внѣшнимъ содержаніемъ для лицъ, одаренныхъ софійностью св. Духа,

1) Сл. 16-ое, 63.

раскрываетъ глубочайшій міръ высшихъ Божественныхъ откровеній и тайнъ. И эти всё приличныя наименованія и соотвѣтствующія реченія, не точныя, не подлинныя и несобственнаго смысла, но вмѣстѣ глубокія и мистическія,—суть священный языкъ подвижнической теософіи. Онъ имѣетъ условное значеніе и становится излишнимъ, когда подвижникъ подъ дѣйствіемъ Духа Святаго вырастетъ изъ него, приблизится къ Божественнымъ сферамъ и сдѣлается самъ какъ бы подобнымъ Божеству и весь осяется лучами высшаго свѣта. Но до этого высшаго и совершеннѣйшаго состоянія, до этого предѣла, на которомъ кончается духовное вѣдѣніе насъ земныхъ, ограниченныхъ и ничтожныхъ людей, священный языкъ подвижнической теософіи имѣетъ безусловно важное значеніе. Онъ останавливаетъ на себѣ наши душевныя помышленія и манитъ насъ къ великимъ и сокровеннымъ путямъ Божественной Софіи, открывающейся въ глубинахъ подвижнической теософіи. Вотъ въ виду этого то и важно нѣсколько остановиться на немъ и рассмотреть его въ возможныхъ для насъ предѣлахъ.

Какъ видно изъ словъ св. Исаака о томъ, что „Отцы въ означеніе вѣдѣнія употребляютъ, какъ хотятъ, названія“, этотъ особенный языкъ чрезвычайно разнообразенъ, уже въ силу индивидуальных особенностей духовной жизни того или другого изъ отцовъ. И въ предѣлахъ нашего изслѣдованія нѣтъ возможности прослѣдить подробно и детально его, со всѣми отличіями индивидуальных особенностей хотя бы и самыхъ видныхъ и главныхъ отцовъ подвижнической теософіи. Мы будемъ разсматривать его обще въ отношеніи этихъ отцовъ, да и при этомъ остановимся лишь на нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, болѣе или менѣе характерно обозначающихъ тотъ или другой смыслъ теософическаго употребленія ихъ. Мы остановимся на притчахъ, метафорахъ, аналогіяхъ, образахъ и символахъ, такъ какъ ими болѣе всего въ подвижнической теософіи выражаются высшія переживанія всего божественнаго, всѣхъ откровеній и тайнъ Духа и такъ какъ, намъ кажется, ихъ то и имѣетъ въ виду болѣе всего св. Исаакъ Сирійянинъ, осылаясь на авторитетное свидѣтельство св. Діонисія, который говоритъ, „что ради чувствъ употребляемъ притчи, слоги, приличныя имена и реченія“.

Итакъ, что же это за таинственныя реченія, что онѣ обозначаютъ и о чемъ говорятъ въ подвижнической теософїи?

Прежде всего, конечно, притчи?

Несомнѣнно они имѣютъ своимъ прототипомъ притчи Господа, которыя обращали на себя особенное вниманіе подвижниковъ. Это видно уже изъ слѣдующаго замѣчанія преп. Аввы Исаи о притчѣ зерна горчичнаго.

„Есть, говоритъ онъ, таинство (въ словѣ) о зернѣ горчичномъ, какъ сказали Отцы, чтобъ (возбудить насъ) изслѣдовать значеніе его, судя по тому, что (о немъ) написано: „подобно есть царствіе небесное зерну горюшину“. Таково зерно горчичное, таковы добрыя свойства его... Сказавъ, что оно малѣйше есть отъ всѣхъ сѣмянъ, Господь внушаетъ намъ смиренномудріе; (говоря), что оно стало совершенно (возрасло), напоминаетъ о кротости и долготерпѣнїи, что оно огненнаго цвѣта,—напоминаетъ о чистотѣ, чтобъ не имѣть никакой скверны въ плоти; что внутреннее его горько,—внушаетъ ненависть къ страстямъ, ибо горько тѣмъ, кои желаютъ міра... Уразумѣемъ же значеніе его, и будемъ послѣдовать свойствамъ его,—и члены свои повредившіеся намажемъ имъ (горчицею изъ него), чтобъ не испортились и не закишѣли червями. Ибо это и есть вочеловѣчивать, воображать въ себѣ Господа Іисуса, чтобъ заботиться по силѣ нашей настроить себя по нему (по свойству горчичнаго зерна)“ 1).

Мы сокращенно привели разсужденіе Пр. Аввы Исаи о „таинствѣ зерна горчичнаго“, какъ онъ называетъ эту притчу Спасителя. И самое названіе ея „таинствомъ“ несомнѣнно имѣетъ тотъ смыслъ, что притча носитъ въ себѣ таинственное духовное ученіе. И, какъ видно изъ словъ Св. Отца, отцы потому такъ и назвали притчу, чтобы ужъ самое одно названіе побуждало къ глубочайшему изслѣдованію ея значенія. И дѣйствительно, Св. Отецъ усматриваетъ глубочайшій сокровенный смыслъ ея теософическаго пониманія. Онъ видитъ въ ней указаніе и на смиренномудріе, и на кротость и долготерпѣнїе, и на душевную чистоту, и на ненависть къ страстямъ, и на злостраданіе и скорбность подвижническихъ трудовъ. Разсматривая ея сокровенный

1) Доброт. Т. I, 333—334.

смысль и призывая къ уразумѣнію ея, св. отецъ самъ уже заражается языкомъ ея. Его слова: „и члены свои повредившіеся намажемъ“ и т. д. имѣютъ сами въ себѣ приточный характеръ. Мы видимъ далѣе, какъ притча высоко и софійно его настраиваетъ. Онъ говоритъ, что уразумѣть ея, — „это есть вочеловѣчивать, воображать въ себѣ Господа Исуса“...

Вотъ какое глубочайшее таинство можетъ скрывать въ себѣ притча. Неудивительна поэтому любовь подвижниковъ къ притчѣ. Въ ней они могли читать и чувствовать то, что было внутреннимъ содержаніемъ ихъ души, что было сокровенной потребностью ихъ жизни. Во свѣтѣ притчи имъ предносились стремленія воплотить въ себѣ Божественную Софію.

„Хочу, говоритъ св. Антоній Великій, сказать вамъ и то, чему подобна душа, въ которую вселился огонь Божій. Подобна двухкрылой птицѣ, горѣ возносящейся по небесному воздуху“ 1)...

Мы можемъ, сколько угодно, умножать нашу рѣчь различными приточными выдержками изъ твореній подвижниковъ, выдержками, подобными приведенной изъ св. Антонія, но это будетъ излишне и утомительно. Достаточно и того, что говоритъ о притчѣ пр. Авва Исаія и что составляетъ подвижническую традицію выражать притчей глубочайшее сокровенное ученіе и настраиваться въ ней Божественнымъ разумѣніемъ, — традицію, которая идетъ отъ отца монашества, св. Антонія Великаго.

Переходимъ къ метафорамъ, реченіямъ въ несобственномъ смыслѣ, дающимъ картинное уясненіе предметовъ на основаніи сходства между понятіями. Метафорами мысль усиливается, дѣлается выпуклой и быстрѣе дѣйствуетъ на воображеніе и чувство. Языкъ метафоръ — языкъ сильный, бьющій, разбрасывающій мириады яркихъ мыслей. Онъ необходимъ въ подвижнической теософіи и какъ нельзя лучше отбѣняетъ чрезвычайное богатство ея сокровеннаго содержанія. И весьма многіе подвижники теософы обычно говорятъ языкомъ метафоръ, а нѣкоторые прямо блещутъ имъ.

Вотъ сильный и блестящій языкъ метафоръ св. Исаака Сиріянина. Довольно немного послушать его, чтобы убедиться въ этомъ.

Заповѣди Божіи, говоритъ онъ, выше всѣхъ сокровищъ міра. Кто стяжалъ ихъ, тотъ внутри себя обрѣтаетъ Бога. Кто успокаивается всегда въ попеченіи о Богѣ, тотъ Бота приобрѣлъ домоприставникомъ. Кто вожделѣваетъ исполненія воли Божіей, тотъ небесныхъ ангеловъ будетъ имѣть путеводителями. Кто боится грѣховъ, тотъ безпретковенно совершить страшное шествіе и во время мрака обрѣтетъ свѣтъ предъ собою и внутри себя...

Посѣвай милостыню на смиреніи, и пожнешь милость на судѣ. Чѣмъ погубилъ ты доброе, тѣмъ снова приобрѣтай оное. Оволъ задолжалъ ты Богу: вмѣсто него не возьметъ Онъ съ тебя жемчужины; напимѣръ, погубилъ ты цѣломудріе, — Богъ не приметъ отъ тебя милостыни, если пребываешь въ блудѣ, потому что хочетъ отъ тебя святости тѣла, такъ какъ преступилъ ты заповѣдь. Ужели, думая оставить стяжаніе міра, будешь ли вести брань за что-либо иное? Оставилъ ты насажденное, и съ другими развѣ пришелъ ратовать?" 1)

Мы видимъ, какое сильное впечатлѣніе можетъ произвести эта небольшая рѣчь переливающихся метафоръ. Здѣсь одно выраженіе сильнѣе другого, одна мысль ярче другой, одно чувство выше другого. И, намъ кажется, его рѣчи, полныя самыхъ чудныхъ метафоръ, производятъ и по настоящее время прямо неотразимое впечатлѣніе. Вѣдь прямо въ восторгъ приходишь отъ такихъ его во-истину чудныхъ, можно сказать, метафорическихъ озареній.

Тогда, говоритъ онъ о духовномъ вѣдѣніи; можетъ воспарять оно на крыльяхъ въ области безплотныхъ, касаться глубинъ неосязяемаго моря, представляя въ умѣ Божественныя и чудныя дѣйствія правленія въ естествахъ существъ мысленныхъ и чувственныхъ, и изслѣдуетъ духовныя тайны, постигаемая мыслью простою и тонкою" 2)...

И нужно сказать, что эти, приведенныя нами выдержки изъ св. Исаака — однѣ изъ безчисленныхъ метафорическихъ жемчужинъ въ его твореніяхъ, полныхъ самаго глубокаго теософическаго содержанія.

1) Сл. 57, 293.

При этомъ необходимо сказать, что сильный и блестящій метафорическій языкъ св. Исаака въ подвижнической теософіи не единственный. Рядомъ съ нимъ стоитъ не менѣе блистательный въ этомъ отношеніи и св. Симеонъ Новый Богословъ. Но мы уже не будемъ на немъ останавливаться, считая, во-первыхъ, достаточнымъ для образца метафорическаго языка св. Исаака, а, во-вторыхъ, полагая, что чудный и сильный языкъ метафоръ св. Симеона уже могъ останавливать на себѣ вниманіе тамъ, гдѣ нами говорилось объ источникахъ подвижнической теософіи и о чтеніи Свящ. Писанія, какъ метода подвижническаго дѣланія. Его изумительно-чудныя метафорическія выраженія: „оросалъ и омывалъ меня“ водами свѣтовиднѣйшими и блестящими ¹⁾ производятъ навсегда неизгладимыя впечатлѣнія, поражаютъ своей образной глубиной и даже въ нашемъ мірскомъ и превратномъ сердцѣ, какъ будто навѣваютъ тонкія теософическія чувствованія непостижимо высшаго и таинственнаго міра. Намъ думается, что всѣ, кому пришлось познакомиться со св. Симеономъ по его твореніямъ, испытали это чарующее впечатлѣніе его чудныхъ метафоръ, его особеннаго языка.

Далѣе рѣчь объ аналогіяхъ. Это обычный религіозный языкъ, языкъ религіознаго мышленія на основаніи сходства или соотвѣтствія въ предметахъ и явленіяхъ. Въ подвижнической теософіи онъ занимаетъ прямо исключительное, и можно сказать, преобладающее, если даже не господственное, положеніе. Всѣ подвижники говорятъ аналогіями и говорятъ очень много. Аналогія — самый простой и самый легкій методъ и передать и запечатлѣть свою мысль въ душѣ другого. Для подвижническихъ теософическихъ вдохновеній — это болѣе удобный и естественный способъ выраженія въ словахъ и представленіяхъ. Сила теософической мысли, ея сокровенный смыслъ въ аналогіяхъ какъ то быстрѣе схватывается и какъ то ощутительнѣе становится въ душѣ. Теософическія аналогіи подвижниковъ легко усваются, глубоко и неотразимо дѣйствуютъ на душу. Поэтому подвижники и любятъ этотъ способъ выраженія мыслей и болѣе всего имъ пользуются.

¹⁾ Сл. 81-ое, 458.

И въ смыслѣ аналогій, ихъ силы и теософической дѣйственности на душу, намъ кажется, надо отдать преимущество святому Макарію Великому. Его аналогіи особенно хороши. Возьмемъ для образца слѣдующую. Вопросъ идетъ о дѣйствии благодати на душу. Это животрепещущій вопросъ подвижническаго дѣланія и теософическаго вдохновенія.

Неопытные въ дѣлѣ, говоритъ св. Макарій, какъ скоро, хотя нѣсколько, воздѣйствовала на нихъ благодать, думаютъ, что побѣдители они уже и стали совершенными христианами. А по моему, — дѣло бываетъ такъ: когда на небѣ при чистомъ воздухѣ сіяетъ солнце, и найдутъ на него облака, и закроютъ его и сгустятъ воздухъ, — солнце, будучи за облаками, не терпитъ никакого ушерба ни въ свѣтѣ, ни въ существѣ своемъ. Такъ бываетъ и въ тѣхъ, которые не достигли совершенной чистоты. И въ благодати Божіей пребывая, и въ глубинѣ души одержимые еще грѣхомъ, они имѣютъ въ себѣ и естественныя движенія, и помыслы укрѣпляющіе ихъ въ стремленіи къ Богу, хотя и не всецѣло утверждены въ добрѣ“ 1).

Своей прекрасной аналогіей благодати и солнца св. Макарій весьма убѣдительно говоритъ о благодати въ душѣ человѣка-христианина и ея возможныхъ дѣйствіяхъ при его еще естественномъ состояніи.

Замѣчательна и высоко теософична его аналогія сердца и колесницы.

„Люди, запрягши коней, правятъ колесницами и устремляются другъ противъ друга; каждый старается низринуть и побѣдить противника. Такъ сердце подвижниковъ представляетъ изъ себя зрѣлище: тамъ лукавые духи борются съ душою, а Богъ и Ангелызираютъ на подвигъ“ 2)...

Въ этой аналогіи, какъ нельзя лучше, рисуется состояніе сердца подвижника, стремящагося къ совершенствованію, и вмѣстѣ какъ бы вскрываются внутренніе поводы (Богъ и ангелы,зирающіе на подвигъ), способные оживить вдохновеніе и энергію подвижника на большій и дальнѣйшій подвигъ совершенствованія.

Можно указать и массу другихъ аналогій у св. Макарія, также интересныхъ, также убѣдительныхъ и сильныхъ.

1) Доброт. Т. I, 246.

2) Ibid. 243.

Но и приведенныхъ, намъ думается, достаточно, чтобы убѣдиться, какъ можетъ въ разнообразныхъ аналогіяхъ выражаться языкъ подвижнической теософіи, какъ въ нихъ могутъ вскрываться ея мотивы и поводы, дающіе смыслъ и жизнь всѣмъ усиліямъ и стремленіямъ подвижниковъ. Какъ видно изъ аналогій св. Макарія, въ аналогіяхъ религіозно-сокровенная мысль теософовъ-подвижниковъ движется многоводной и быстро текущей рѣкой, увлекающей за собой все, что встрѣчается на пути, затопляющей и умъ, и сердце, и всю душу подвижника.

Аналогіи св. Макарія не могли не дѣйствовать на подвижниковъ. И мы видимъ, какъ они дѣйствуютъ на св. Григорія Паламу, Архіепископа Солунскаго, который, говоря о сердцѣ, приводитъ слова св. Макарія: „сердце править всѣмъ органомъ“ и т. д. 1)... Тутъ нельзя не замѣтить сильнаго вліянія извѣстной аналогіи св. Макарія о сердцѣ и колесницѣ.

Но достаточно объ аналогіяхъ. Перейдемъ къ тому, что имѣетъ съ ними близкое родство,—къ образамъ.

Образы, какъ и аналогіи, весьма обычны въ подвижнической теософіи. Въ образахъ, какъ въ картинахъ и краскахъ, выражаются самыя глубокія и высшія теософическія ученія, идея и мысли подвижниковъ. Въ образахъ теософическое сокровенное ученіе облекается какъ бы въ плоть и кровь. Въ образахъ оно сходитъ съ неба на землю и становится доступнымъ и яснымъ, насколько это возможно въ земныхъ условіяхъ для человѣка, обращающаго свой взоръ къ Небу.

Образовъ много въ подвижнической теософіи того же св. Макарія. Мы приведемъ одинъ изъ нихъ.

„Какъ земледѣлецъ, когда идетъ обрабатывать землю, долженъ взять приличныя для воздѣлыванія орудія и одежды, такъ и Христось, Царь Небесный и истинный Дѣлатель, когда пришелъ къ заустѣвшему отъ пороковъ человѣчеству, облекшись въ тѣло и вмѣсто орудія понесши крестъ, воздѣлалъ заустѣвшую душу, изъялъ изъ нея тернія и волчцы, исторгъ плевелы грѣха и вселобиліе грѣховъ пожегъ въ немъ. И такимъ образомъ, воздѣлалъ ее древомъ креста, насадилъ въ ней прекраснѣйшій духовный садъ, который всякаго рода сладкіе и возделѣнные плоды приноситъ Богу, какъ Владыкѣ“ 2).

1) Доброт. Т. V, 292.

Въ образѣ Христа-Земледѣльца св. Макарій изобразилъ всю картину спасенія человѣчества. А въ образѣ прекраснаго духовнаго сада Христа Спасителя, приносящаго сладкіе и вожделѣнные плоды Богу, заложилъ глубокую и сокровенную мысль о высшихъ совершенствованіяхъ человѣчества въ Богѣ и вожделѣнныхъ теософическихъ достиженіяхъ, чувствованіяхъ и переживаніяхъ.

Св. Макарій въ изображеніи теософическихъ образовъ, такимъ образомъ, не менѣе былъ искусенъ, чѣмъ въ аналогіяхъ.

Но особенно замѣчательнъ былъ своими исключительно теософическими образами св. Симеонъ, Новый Богословъ. У него это какъ будто и не образы, а ясновидѣнія въ образахъ.

Выдержки изъ твореній св. Симеона, въ которыхъ описываются эти образы, мы уже приводили ранѣе, когда говорили о высшемъ духовномъ экстазѣ. Но ради описанія образовъ намъ хочется повторить ихъ и здѣсь, хотя бы въ сокращенномъ видѣ. Вотъ эти чудные образы.

„Ты благоволилъ,—описывается его бесѣда съ Богомъ въ видѣніи,—показать мнѣ горѣ, на небесахъ, отверзшихся, лице Свое, какъ солнце, безъ образа и вида“...

„Я, видя въ водахъ, какъ видалъ прежде, молніи и блистанія лица Твоего, которыя меня окружали, которыхъ однакожь я не могъ ухватить... все искалъ и искалъ со слезами увидѣть Тебя“...

„О, Владыка, мнѣ казалось, что Ты,—недвижимый грядешь, неизмѣняемый увеличиваешься, не имѣющій образа приѣмлешь образъ“ 1)...

Мы не будемъ продолжать описаніе св. Симеона. Изумительные образы его, полные самаго глубокаго теософическаго вдохновенія и переживанія, ясны и изъ приведенныхъ словъ его. Они останавливаютъ на себѣ вниманіе изслѣдователей подвижнической теософіи и поражаютъ своей исключительностью. Они какъ бы преодолеваютъ, по словамъ М. В. Лодыженскаго, самую неизреченность теософическихъ тайнъ 2).

1) Сл. 91-ое, 459, 460.

2) Свѣтъ Незримый. Сп. 1912 г. Изд. 1-ое 192.

Вообще, нужно сказать, образы сильно занимаютъ умъ и сердце подвижниковъ. Они даже стараются иногда реализовать ихъ въ умѣ и сердцѣ до самыхъ методовъ своего совершенствованія. Напримѣръ,—образъ дыхательнаго процесса. Приведемъ его въ словахъ иноковъ Каллиста и Игнатія.

„Извѣстно тебѣ, брате, говорятъ они словами подвижника Никифора,—какъ мы дышемъ: втягиваемъ въ себя воздухъ и выпускаемъ его. На семъ жизнь тѣлесная держится и отъ сего зависитъ теплота тѣла.—Итакъ, сѣдши въ безмолвной келіи, собери умъ свой, введи его въ путь дыханія, коимъ воздухъ входитъ внутрь, и принудь его вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ сойти въ сердце, и держи его тамъ; держи, но не оставляй его молчащимъ и празднымъ, а дай ему слѣдующую молитву: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя“¹⁾).

Образъ дыхательнаго процесса, занимавшій умъ и сердце подвижниковъ, здѣсь обратился въ реальное усиліе, къ методѣ умной молитвы Іисусовой.

Образы усиливаютъ воображеніе подвижниковъ, заполняютъ ихъ чувства, восторгаютъ ихъ умъ и сердце, плѣняютъ ихъ душу. И неудивительно, что подвижники стараются ихъ сдѣлать самыми и возвышенными и наполнить ихъ глубокимъ теософическимъ содержаніемъ. И чѣмъ выше, глубже и совершеннѣе подвижникъ, тѣмъ его языкъ образнѣе и картиннѣе.

Наконецъ, надо сказать и о символахъ.

Символь и символизмъ также необходимый языкъ подвижнической теософіи. Символь необходимъ для самыхъ высшихъ и сильныхъ теософическихъ озареній или созерцаній. То, что непостижимо, неизъяснимо, неизреченно и не описанно до послѣдней степени, что есть Божественное одареніе Св. Духа, что составляетъ состояніе „безпредѣльной безпредѣльности“, то подвижническая теософія можетъ выражать только въ символѣ. Недаромъ символъ называютъ языкомъ боговъ. Божественное доступно только въ символѣ. И для подвижнической теософіи, какъ высшемъ выраженіи Божественной Софіи на землѣ символъ также необходимъ,

какъ необходимо небо для обитанія боговъ, какъ необходимо оракулъ для выраженія ихъ воли, говоря миеологическимъ языкомъ.

Мы вовсе не сравниваемъ символы подвижнической теософіи съ символами миеологическихъ религій. Мы хотимъ только сказать, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, болѣе или менѣе развитыхъ, символы служили лучшимъ и высшимъ воплощеніемъ божественныхъ откровеній людямъ. Отсюда, символы являются природнымъ и присутствующимъ самому естеству человѣчества въ его земныхъ условіяхъ интимнаго общенія съ божествомъ. И поэтому подвижническая теософія не могла безъ символовъ и внѣ символовъ приближать къ человѣческому пониманію и воспріятію своей высшей объектизации сокровеннаго и Божественнаго.

Въ общемъ въ подвижнической теософіи все символично отъ перваго до послѣдняго состоянія. Все подвижничество въ широкомъ смыслѣ можетъ служить символомъ напряженнаго стремленія къ Богу и ко всему Божественному. Подвижническая же теософія въ этомъ же смыслѣ можетъ служить символомъ реального достиженія Божества и неизреченнаго достиженія и общенія съ Нимъ. Но мы будемъ имѣть дѣло съ конкретными символами подвижнической теософіи. Само собою понятно, ихъ здѣсь чрезвычайно много. Но мы остановимся на самомъ высшемъ и, какъ намъ кажется, главномъ изъ нихъ. Этотъ символъ—свѣтъ, какъ форма высшаго мистическаго откровенія Бога, Духа и Божественнаго. Озареніе и созерцаніе во свѣтѣ есть, какъ символъ глубочайшаго, интимнѣйшаго и сверхъестественнаго воспріятія въ себя Божества, сліянія, соединенія и общенія съ Нимъ.

Изъ подвижниковъ весьма многіе говорятъ и учатъ о свѣтѣ, какъ символѣ откровенія Божества и общенія съ Нимъ. Мы остановимся на св. Макаріѣ Великомъ и св. Симеонѣ, Новомъ Богословѣ, у которыхъ наиболѣе характерно это ученіе о свѣтѣ.

„Дѣйствія Духа, говоритъ св. Макарій, достигаютъ большей мѣры въ близкихъ къ совершенству... Когда душа взойдетъ къ совершенству Духа, совершенно очистившись отъ всѣхъ страстей, и въ неизреченномъ общеніи пришедши въ единеніе и сраствореніе съ Духомъ Утѣшителемъ и

срастворяемая Духомъ, самасподобится стать духомъ: тогда дѣлается она вся свѣтомъ, вся окомъ, вся духомъ, вся радостью, вся упоеніемъ, вся радованіемъ, вся любовію, вся милосердіемъ, вся благостію и добротою“.

„Иногда огонь сей (благодати Духа) возгарается и воспламеняется сильнѣе, а иногда какъ бы слабѣе и тише; въ инныя времена свѣтъ сей возжигается и сіяетъ болѣе, иногда же умалывается и меркнетъ; и свѣтильникъ сей, всегда горя и свѣтя, иногда дѣлается яснѣе, болѣе возгорается отъ упоенія Божіею любовіею, а въ другое время издаетъ сіяніе свое бережливо, и соприсуцій въ человѣкѣ свѣтъ бываетъ слабѣе“.

„Иногда являлось какъ бы свѣтоносное нѣкое дѣяніе, какого нѣтъ на землѣ въ вѣкѣ семь и какого не могутъ приготовить руки человѣческія. Ибо какъ Господь, съ Іоанномъ и Петромъ восшедши на гору, преобразилъ ризы Свои и содѣлалъ ихъ молніевидными, такъ бывало и съ онымъ одѣяніемъ и облаченный въ оное человѣкъ удивлялся и изумѣвалъ. Въ иное же время свѣтъ сей, являсь въ сердцѣ, отверзалъ внутреннѣйшій, глубочайшій и сокровенный свѣтъ, почему человѣкъ, всецѣло поглощенный оною сладостію и онымъ созерцаніемъ, не владѣлъ уже собою, но былъ для міра какъ бы буимъ и варваромъ“ ¹⁾.

Таково символическое въ Духѣ Святомъ перерожденіе души подвижника въ различныя сферы свѣта, а также и свѣтоносное переживаніе душою его Господа Іисуса Христа, какъ бы въ Фаворскомъ свѣтѣ, отверзающемся въ сердцѣ подвижника внутреннѣйше, глубочайше и сокровеннѣйше.

Къ этому прекрасному ученію св. Макарія о символахъ свѣта необходимо присоединить прямо чудное ученіе объ этомъ св. Симеона, Новаго Богослова.

„Невозможно инымъ способомъ, говоритъ св. Симеонъ, познать кому-либо Бога, кромѣ созерцанія свѣта, посылаемаго отъ сего самого свѣта (т. е. Бога). Какъ тотъ, кто рассказываетъ другимъ о какой-либо странѣ, или какомъ человѣкѣ, рассказываетъ то, что видѣлъ и что знаетъ, а тѣ, которые слушаютъ его, не могутъ по одному слуху познать того человѣка или ту страну такъ, какъ знаетъ ихъ

¹⁾ Доброт. Т. I, 257—58.

видѣвшій и рассказывающій: такъ и о небесномъ Иерусалимѣ, о Богѣ, невидимо въ немъ обитающемъ, о пресвѣтлой славѣ лица Его, о дѣйстви и силѣ Святаго Духа, т. е. свѣта, никто ничего не можетъ сказать вѣрнаго, если не увидитъ напередъ умными очами души своей сего свѣта и не познастъ точно осіянія и дѣствія его внутри себя самого. Тотъ же, кто слышитъ изъ Божественнаго Писанія о тѣхъ, кои видѣли Бога благодатию Св. Духа и говорятъ о Богѣ, то одному научается, что видитъ написаннымъ въ Писаніи; почему не можетъ сказать о себѣ, чтобы позналъ Бога чрезъ одно слышаніе написаннаго. Ибо какъ можно познать того, кого не видишь? Если не можемъ мы чрезъ одно видѣніе познать человѣка, котораго видимъ; то какъ возможно намъ познать Бога чрезъ одинъ слухъ? Свѣтъ есть Богъ, и созерцаніе Его есть какъ свѣтъ; почему чрезъ узрѣніе свѣта бываетъ первое вѣдѣніе, которымъ познается, что есть Богъ“ 1).

Такимъ образомъ, по св. Симеону, свѣтъ есть высшій символъ Божества, высшее откровеніе Бога и высшее познаніе, соединеніе и воспріятіе Его можетъ быть созерцаніемъ Бога, какъ свѣта. Познаніе Бога чрезъ Божественное Писаніе ниже созерцаніе Его во свѣтѣ и близкое, интимное, личное и собственное познаніе Его невозможно инымъ способомъ, кромѣ созерцанія Его, какъ именно свѣта.

Самое описаніе свѣта, какъ символа Божества, у св. Симеона чрезвычайно высоко и тонко.

„Я получилъ, говоритъ онъ, благодать на благодать и благодѣяніе на благодѣяніе, огонь [на огонь, и пламень на пламень. Къ моему восхожденію и преуспѣянію даны были и другія восхожденія и преуспѣянія,—а въ концѣ восхожденія свѣтъ; къ этому свѣту—другой свѣтъ свѣтлѣйшій; среди сего свѣта возсіяло блестящее Солнце, изъ котораго явился лучъ, исполнившій всяческая. Что-бы это значило, было недомыслимо. Въ это время я только проливалъ сладкія слезы, удивляясь неизреченному“ 2).

Такимъ образомъ, символы свѣта могутъ быть разнообразными, смотря по степени и совершенству подвижниковъ. Объ этомъ говорилъ еще св. Макарій.

1) Сл. 63-ое, 106—7.

2) Сл. 92-ое, 465.

Свѣтъ даруется, по св. Симеону, послѣ всѣхъ восхожденій и преуспѣяній, въ самомъ концѣ ихъ, и означаетъ самую вершину подвижническаго совершенства. Сначала вообще свѣтъ, такъ называемый у св. Симеона, „малый свѣтъ“¹⁾, какъ награда за чистоту и совершенство души и какъ начало приближенія къ Богу въ свѣтѣ. Далѣе,— „свѣтъ свѣтлѣйшій“, какъ продолжающееся и все больше и больше увеличивающееся познаніе Бога и единеніе съ Нимъ. Наконецъ, „среди свѣта блестящее солнце“—самое высшее и личное откровеніе Бога во свѣтѣ, такъ называемомъ у св. Симеона „большомъ свѣтѣ“, когда Богъ, являясь подвижнику, интимно и непосредственно соединяется съ нимъ, „вовлекаетъ всего его въ Себя“, такъ что онъ бываетъ весь во глубинѣ Духа“²⁾.

Это совершеннѣйшее и личное и непосредственное откровеніе Бога во свѣтѣ, недомыслимое, неизъяснимое и неизреченное,—составляетъ самую вершину подвижнической теософіи. Свѣтъ и созерцаніе во свѣтѣ,—это неизреченные символы высочайшаго и совершеннѣйшаго достиженія и восхожденія въ подвижнической теософіи. Созерцаніе Бога „во свѣтѣ Святаго Духа“³⁾, „во глубинѣ Духа“—весь смыслъ, вся сущность, вся цѣль этой теософіи. И поэтому то мы такъ долго останавливались на символахъ свѣта. Символы свѣта—высшій языкъ подвижнической теософіи, ея высшія Божественно-софійныя сферы, ея высшее въ земныхъ условіяхъ въ Духѣ пребываніе, единеніе и собесѣдованіе съ Богомъ.

Символами—этимъ послѣднимъ и высшимъ выраженіемъ теософическаго содержанія подвижничества, мы заканчиваемъ характеристику сокровеннаго языка подвижнической теософіи. Болѣе или менѣе детальное разсмотрѣніе этого языка показало намъ все его высокія достоинства.

Выросшій на почвѣ библейско-отеческаго языка, близко къ нему примыкающій и изъ него формирующійся, сокровенный языкъ подвижнической теософіи—есть языкъ высокаго и индивидуальнаго переживанія подвижниковъ „во свѣтѣ и во глубинѣ Св. Духа“.

1) См. 91-о, е 458.

2) Дѣят. и богосл. кн. 518.

3) См. 91-о, е, 460.

Языкъ подвижнической теософіи—языкъ священныхъ вдохновеній и переживаній „во свѣтѣ“ и „во глубинѣ Св. Духа“. Съ нимъ не можетъ поэтому стать ни въ какое сравненіе языкъ современной теософіи. То, что мы находимъ въ языкѣ послѣдней нѣкоторыя извлеченія изъ библейско-отеческаго языка, кажущееся временами хотя бы и отдаленное сходство притчей, метафоръ, аналогій, образовъ и символовъ въ подвижнической и современной теософіяхъ—все это лишь случайное и всецѣло формальное соприкосновеніе между ними. Здѣсь нѣтъ ни родства, ни сближенія, ни тождества между ними, въ силу противоположнаго содержанія этихъ кажущихся точекъ соприкосновенія между ними. Здѣсь лишь внѣшнія и случайныя встрѣчи, необходимыя въ условіяхъ смежнаго человѣческаго бытія и развитія на землѣ. Но у той и другой теософіи совершенно противоположныя сущности содержанія ихъ, смысла и цѣли бытія и развитія ихъ, а поэтому и языкъ той и другой различенъ и не сравнимъ.

При этихъ отличительныхъ и совершенно противоположныхъ свойствахъ той и другой теософіи и всѣ дѣйствительныя, хотя и отдаленныя, отголоски въ языкѣ подвижнической теософіи вліяній неоплатонизма,—напримѣръ, у св. Исаака Сиріянина въ изображеніи высшей ступени молитвеннаго экстазическаго созерцанія¹⁾, совершенно слабѣютъ и утрачиваются. Подъ дѣйствіемъ Духа Святаго, въ Его вдохновеніяхъ и переживаніяхъ въ языкѣ подвижнической теософіи все внѣшнее, земное, вещественное и мозговое претворялось не только во внутреннее и духовное, сокровенное и таинственное состояніе, но и въ сверхъестественное совершеннѣйшее состояніе. Поэтому языку подвижнической теософіи нѣтъ ничего родственнаго и равнаго въ земныхъ и человѣческихъ по существу теософіяхъ всѣхъ временъ и народовъ земнаго существованія, приемницей которыхъ считаетъ себя современная теософія.

Языкъ подвижнической теософіи—языкъ божественный, языкъ вдохновеній и озареній Св. Духа, языкъ софійныхъ въ Немъ переживаній, языкъ неизъяснимыхъ сладостныхъ ощущеній и неизреченныхъ изумѣваній. Языкъ современ-

¹⁾ Проф. С. Заринъ. Аскетизмъ. Кн. 2. 467.

ной теософiи, языкъ земной, языкъ безчисленныхъ суевѣрій и научныхъ скитанiй, языкъ мозговой и мозговыхъ напряженiй, языкъ неопредѣленныхъ и смутныхъ человѣческихъ исканiй.

Печать Божественная на языкѣ подвижнической теософiи. Печать человѣческая на языкѣ современной теософiи. Языкъ подвижнической теософiи открываетъ Бога въ чловѣкѣ. Языкъ современной теософiи скрываетъ Бога въ чловѣкѣ. Языкъ подвижнической теософiи—языкъ святыхъ Божiихъ, совершенныхъ и духоносныхъ людей. Языкъ современной теософiи—языкъ мудрыхъ людей, философовъ, ученыхъ и писателей.

И чѣмъ ни больше мы будемъ продолжать сравненiе между языками подвижнической и современной теософiи, тѣмъ больше мы будемъ находить различiй между ними, тѣмъ больше мы будемъ выяснять превосходство перваго и относительность втораго.

Языкъ подвижнической теософiи—языкъ Духа Святаго и ни съ какимъ человѣческимъ языкомъ не сравнимъ.

ЗАКЛЮЧЕНIЕ.

Заканчивая описанiемъ языка подвижнической теософiи ея первоначальное изложенiе, въ качествѣ настоящей, истинной, положительной теософiи, выдвигаемой нами въ противовѣсъ современной язычествующей теософiи, мы изложили только еще вводную и пропедевтическую часть изъ великихъ и необъятныхъ „глубинъ неосязаемаго моря“ нашей теософiи. Сознаемъ, что и эту часть нашей теософiи мы изложили, можетъ быть, не съ достаточной полнотой и ясностью. Причины этого лежатъ не въ существѣ подвижнической теософiи, а въ той нашей душевной неподготовленности, которая уже сама по себѣ ослабляетъ проникновенiе въ духовное вѣдѣнiе теософiи. Очень часто испытывая непреодолимая затрудненiя въ пониманiи подвижнической теософiи и путаясь въ изложенiи ея методовъ мы невольно вспоминали св. Исаака Сирiянина въ его разсужденiяхъ объ особенномъ духовномъ воспитанiи своемъ для теософическихъ изслѣдованiй. „Можетъ быть, говорить св. Отець, ты думаешь, что такое духовное вѣдѣнiе приобретаетъ кто-либо отъ душев-

нымъ видѣніемъ“? (Разумѣется обычное несовершенство человѣческой природы и отсутствіе духовнаго опыта). „Не только невозможно симъ душевнымъ вѣдѣніемъ пріять оное духовное, но даже нѣтъ возможности ощутить его и чувствомъ и сподобиться его—кому-либо изъ ревностно упражняющихся въ вѣдѣніи духовномъ. И если нѣкоторые изъ нихъ желаютъ приблизиться къ оному вѣдѣнію Духа, то, пока не отречутся отъ сего душевнаго, и отъ всякихъ изво-ротовъ его тонкости, и многосложныхъ его способовъ, и не поставятъ себя въ младенческій образъ мыслей, дотолѣ не возмогутъ приблизиться, хотя мало, къ вѣдѣнію духовному. Напротивъ того, великимъ препятствіемъ бываютъ для нихъ навѣкъ и понятія душевнаго вѣдѣнія, пока не изгладятъ сего мало-по-малу. Оное вѣдѣніе Духа просто, и не про-сіяваетъ въ помыслахъ душевныхъ. Пока разумъ не освобо-дится отъ помысловъ многихъ и не придетъ въ единую простоту чистоты, дотолѣ не возможетъ ощутить онаго ду-ховнаго вѣдѣнія“ 1).

Отлагая на болѣе зрѣлый духовный возрастъ, болѣе совершенную разработку вопроса о подвижнической теософіи, мы въ нашемъ настоящемъ очеркѣ даемъ лишь то, что могли мы порою усвоить изъ этой теософіи сквозь толщу „душевнаго вѣдѣнія“. Но, пребираясь къ духовному вѣдѣнію подвижнической теософіи и „гадательно“ и „сквозь тусклое стекло“ нашего душевнаго одебеленія, мы всетаки могли постигнуть ея несравненную красоту и ея безконечное превосходство въ сравненіи съ такъ называемой современной теософіей. Несовершенство нашей духовной эруди-ціи не останавливало насъ въ изслѣдованіи нашей теософіи. Мы стремились сдѣлать, что могли, такъ какъ всѣмъ нашимъ существомъ чувствовалъ истину въ этой послѣдней. И по мѣрѣ того, какъ выяснялась намъ эта истина, мы пости-гали всю неправоту современной теософіи, которую вмѣстѣ съ св. Исаакомъ можно назвать низшей и первой степенью душевнаго неочищеннаго вѣдѣнія 2). Вмѣстѣ съ св. Исаакомъ намъ думалось, что въ семъ вѣдѣніи современной теософіи „насаждено древо познанія добра у лукаваго, искореняющее любовь“... „Въ немъ надменіе и гордыня, потому

1) Сл. 49-ое, 216.

2) Сл. 20-ое, 125—26.

что всякое доброе дѣло присвоаетъ себѣ, а не Богу приписываетъ“. „Разумъ кичить“ (1 Кор. 8, 1), изрекъ блаженный Апостоль „о семъ вѣдѣніи, не растворенномъ вѣрою въ Бога и надеждою на Него“ 1). Современная теософія дѣйствительно всю силу и мощь своего познанія полагаетъ въ разумѣ человѣческомъ, а не въ разумѣ Божіемъ“. И въ этомъ весь трагизмъ ея религіозно-философскаго вождѣлѣнія.

Вдумываясь въ чудовищную претенціозность разума современной теософіи на вселенское религіозное всевѣдѣніе, мы спрашивали себя, правда ли, что вся теософія можетъ заключаться въ человѣческомъ разумѣ. И тогда внутренній голосъ звалъ насъ къ глубинамъ подвижническаго разумѣнія. И вотъ мы спрашивали у св. Исаака: „Гдѣ предѣлы стремленій у послѣдователя премудрости, и чѣмъ оканчивается обученіе оной“? И св. Отець отвѣчалъ намъ: „Подлинно невозможно въ шествіи своемъ достигнуть сего предѣла, потому что и Святые не дошли въ этомъ до совершенства. Пути премудрости нѣтъ конца, она шествуетъ выше и выше, пока не соединитъ послѣдователя Своего съ Богомъ. То и составляетъ ея признакъ, что постиженіе ея безпредѣльно, потому что Премудрость есть самъ Богъ“ 2).

И этотъ отвѣтъ св. Отца не только сразу освѣщалъ намъ всю тщету и суетность вселенскаго знанія современной теософіи, но и заставлялъ насъ углубляться въ подвижническое теософическое вѣдѣніе, чтобы яснѣе и лучше уразумѣть все его построеніе и на основаніи его такъ или иначе оцѣнивать положеніе современной теософіи. Въ этомъ отвѣтѣ слышалось намъ и одобреніе не останавливаться и не смущаться душевнымъ одебелеваніемъ, а стремиться при помощи Божіей къ возможному для насъ уясненію Божественной Премудрости.

Мы не знаемъ, суждено ли намъ: будетъ когда-нибудь наложить болѣе совершенную и болѣе полную систему подвижнической теософіи. Но въ томъ, что мы сдѣлали сейчасъ въ этомъ нашемъ очеркѣ, мы стремились преодолѣть душевный туманъ современной теософіи и пробиться къ прекраснымъ и неувыдающимъ зорямъ подвижнической теософіи.

1) Ibidem.

2) Ст. 21-го, 81.

И вотъ, скажемъ словами новой и до извѣстной степени теософической по внутреннему содержанию и освѣщенію книги свящ. П. А. Флоренскаго, „изъ мглистой бездны вѣковъ, изъ тумана исторіи сіяютъ намъ отцы святые, какъ живыя, нетлѣнныя звѣзды, какъ Богозрительныя очи церковныя“...

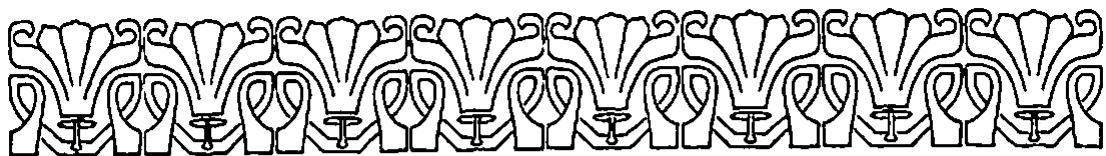
За ними являются „новые, доселѣ почти невиданные, розовые лучи грядущаго Дня Немеркнущаго“... Симеонъ Новый Богословъ, Григорій Палама и многіе другіе. „Сквозь нихъ, какъ сквозь далеко-зрительныя стекла виднѣется Грядущій. Весь оттѣнокъ ихъ тутъ новый, особый, апокалипсическій. Только слѣпые могутъ не видѣть этого“. И только слѣпые могутъ искать теософическое настроеніе, познание и переживаніе внѣ ихъ теософическихъ тоновъ и путей. Богозрительныя очи ихъ сіяютъ, неизреченной и неизглаголанной Божественной Софіей. И нѣтъ на землѣ, и не было и не будетъ иной, высшей, истинной и несравненной теософіи,—теософіи всѣхъ этихъ божественныхъ тайнозрителей. И легкомысліе или безуміе итти „дальше не за ними, а помимо ихъ, потому что это значило бы самовольно стремиться сократить отъ вѣка намѣченный ходъ міровой исторіи. Это значило бы отвергнуть слова Господа Иисуса: „Кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту на одинъ локоть“ (Мѡ. 6, 27. Лук. 12, 25) 1).

Воистину все проарѣніе и существа человѣка и всей міровой исторіи въ одной огнепальной теософіи подвижниковъ, стяжавшихъ Св. Духа! Святымъ Духомъ всяка душа живится“...

Свящ. Н. Ремизовъ.

1) Столпъ и утвержденіе истины. Опытъ православной Теодицеи въ двѣнадцати письмахъ. Свящ. Павла Флоренскаго. Москва. 1914 г. 124--125.

Библиографическія замѣтки:

1. Библия съ 208 картинами. Ц. 5 руб.

Недавно, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ поступила въ продажу русская библия синодальной печати съ 208-ю картинными, изданная въ Петроградѣ Е. П. Масленниковымъ. Появленіе „книги книгъ“ въ такомъ изданіи можно встрѣтить съ большимъ удовольствіемъ. Нужда въ иллюстрированной библии сознавалась давно и сознается теперь. Священно-историческіе рассказы всегда лучше запечатлѣваются въ памяти въ томъ случаѣ, если ихъ при передачѣ не просто приходится излагать теоретически, но еще и наглядно; значить, появленіе иллюстрированной библии вызывалось прежде всего вопросами нагляднаго преподаванія Закона Божія. Необходимость нагляднаго изложенія священно-историческихъ сказаній указывается и программами по священной исторіи, напр., въ объяснительной запискѣ для преподаванія Закона Божія въ одноклассной церковно-приходской школѣ мы читаемъ: „оживленію рассказа могутъ способствовать картины изъ священной исторіи, въ особенности въ первое время ученія, когда дѣти, не умѣя читать, не могутъ пользоваться книгой для повторенія рассказовъ законоучителя“ (стр. 13). А такія-то картины и должны быть необходимо подъ рукой законоучителя, когда онъ передаетъ дѣтямъ священные рассказы. Въ этомъ отношеніи иллюстрированная библия замѣнитъ тѣ разрозненныя картины различныхъ издательскихъ фирмъ, которыя имѣются къ ея рассказамъ и притомъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что по вышеупомянутой, напр. программѣ на урокахъ Закона Божія „должно прочитывать дѣтямъ соответствующія мѣста изъ самыхъ священныхъ книгъ“. Но не только для дѣтей

необходима библія съ картинами, но и для взрослыхъ, особенно любителей слова Божія, у которыхъ прочитанный рассказъ скорѣе и тверже закрѣпляется въ сознаніи.

Изданныя г-мъ Масленниковымъ картины при библіи выполнены, безспорно, хорошо; очевидно, издатель такія картины тщательно выбиралъ изъ цѣлой массы ихъ, принадлежащихъ кисти различныхъ художниковъ. Неудачно подобраны три картины: „Благовѣщеніе Пресвятой Богородицѣ“ (№ 158), гдѣ дано слишкомъ нерельефное изображеніе ангела, который къ тому же занялъ и неестественное для нашего глаза положеніе. Съ недостаткомъ въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ фигуръ должна быть отмѣчена картина „Воскрешеніе Лазаря“ (№ 181). Еще хуже картина „Встрѣча блуднаго сына“ (№ 171), гдѣ фантазія ея художника перешла границы должнаго, именно, на картинѣ изображены двѣ собаки, встрѣтившія, какъ выходитъ по рисунку, нестойкимъ лаемъ блуднаго сына... эта, обычная для нашего времени идиллія, совершенно не идетъ къ данной картинѣ. Иное дѣло видѣть упомянутыхъ представителей животнаго царства на картинѣ „Лазарь и богачъ“ (№ 172); здѣсь они уместны, такъ какъ это требуется и самымъ рассказомъ. Далѣе, есть картины, которыхъ совсѣмъ не слѣдовало помѣщать въ библію: именно, „Поруганная жена Левита“ (№ 56), „Сыновья Веніамина похищаютъ двѣицъ въ Силоамѣ“ (№ 58) и совершенно циничная картина „Сусанна въ купальнѣ“ (№ 118). Послѣдняя грубо оскорбляетъ даже и не религіозное чувство.

Всѣ картины помѣщены въ библію подъ №№-ми съ указаніемъ относящихся страницъ и въ соответствующихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются къ нимъ рассказы; при этомъ онѣ снабжены подписями, которыя представляютъ или процитированныя изъ относящихся къ нимъ мѣстъ слова или общее содержаніе рассказа, а за подписями помѣщены соответственныя картинамъ главы и стихи, къ нѣкоторымъ же новозавѣтнымъ картинамъ указаны даже и параллельныя мѣста. Имѣются подписи неправильныя, происшедшія, вѣроятно, по винѣ типографіи, напр., въ картинѣ „Таиль убиваетъ Сисару“ (№ 45) надо поставить „Іаиль“ вм. „Таиль“; „Дочь Іефея оплакиваетъ дѣтство свое съ подругами“ (№ 50), гдѣ слѣдуетъ читать „дѣвство“, а не „дѣтство“, въ

чемъ разница, конечно, несоизмѣримая; „Поруганная жена Левита“ (№ 56), гдѣ слово „Левита“ надо писать съ маленькой буквы, такъ какъ въ данномъ случаѣ „левить“—имя нарицательное; картину „Мать Маккавеева“ (№ 134) лучше было бы озаглавить „мать братьевъ Маккавейскихъ“.

Просмотрѣлъ издатель иллюстрированной библии, по нашему мнѣнію, слѣдующее. Къ книгѣ псалтирь, къ которой, какъ и слѣдуетъ, картинъ не приложено, ему надо было бы помѣстить извѣстное изображеніе царя и пророка Давида; къ книгамъ новаго завѣта (произведеніямъ евангелистовъ), какъ выраженіе его основной идеи, или изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ,—такихъ печатныхъ изображеній имѣется немало; передъ четырьмя евангеліями изображенія 4-хъ евангелистовъ, а передъ соборными посланіями и посланіями Павла изображенія ихъ авторовъ-апостоловъ. По недосмотру, очевидно, издатель позабылъ помѣстить и весьма популярную картину „Воскресеніе Иисуса Христа“, на которой изображенъ Христосъ, сидящій на камняхъ два ангела и испуганная стража; эта картина полнѣе передаетъ самый фактъ воскресенія Христова, тогда какъ представленная издателемъ къ евангелію Іоанна единственная картина „Ангелъ возвѣщаетъ женамъ-мироносицамъ о воскресеніи Христа“ (№ 190) такой идеи не выражаетъ.

Всѣхъ картинъ въ библии 208; изъ нихъ 134 №№ приходятся на ветхій завѣтъ и 74—на новый. Къ нѣкоторымъ книгамъ, напр., Левитъ, Второзаконіе, и 2-я Паралипомонъ, псалтирь и слѣдующія за нею по порядку включительно книгою премудрости, Иисуса сына Сирахова, большинству книгъ малыхъ пророковъ, а также ко всѣмъ апостольскимъ посланіямъ картины не приложены, какъ это и должно быть; только повторяемъ, къ Псалтири и посланіямъ апостольскимъ, по нашему мнѣнію, должны быть приложены изображенія ихъ авторовъ.

Не можемъ не указать издателю и на очень высокую цѣну—5 руб. за изданную имъ библию съ картинами,—по такой цѣнѣ она будетъ не доступна простому человѣку; библия синодальной печати, взятая издателемъ, стоитъ въ продажѣ 8 руб., поэтому за иллюстрированную библию слѣдуетъ назначить не болѣе 4 руб.,—тогда эта цѣна ея будетъ

болѣе нормальной и самая книга сдѣлается гораздо доступнѣй небогатымъ читателямъ. Только съ пониженіемъ цѣны и исправленіемъ вышеуказанныхъ недочетовъ мы можемъ пожелать г-ну Масленникову успѣха въ большомъ распространеніи изданной имъ библіи съ картинами.

А. Лебедевъ.

II. Свящ. Владиміра Востокова: „Голосъ Пастыря“.

Слова, рѣчи, бесѣды и поученія на воскресные, праздничные дни всего года и на разные случаи семейной, приходской и общественной жизни. М. 1914. 445 стр. Цѣна не обозначена.

Гомилетическая литература увеличилась еще однимъ томомъ—словъ, рѣчей, бесѣдъ и поученій свящ. Владиміра Востокова. Какъ слѣдуетъ отнестись къ появленію на книжномъ рынкѣ новаго собранія проповѣдей?, сказать ли о немъ хорошее или плохое слово? Чтобы дать объективный отзывъ о какой-либо книгѣ, необходимо рѣшить вопросъ, удовлетворяетъ ли она назрѣвшимъ потребностямъ времени? Съ этой стороны „Голосъ Пастыря“ вполне оправдываетъ свое появленіе. Современность—вотъ главное достоинство книги о. Востокова; когда послѣдній беретъ какой-нибудь евангельскій рассказъ или текстъ, то онъ раскрываетъ его примѣнительно къ современному состоянію своихъ слушателей, благодаря чему у него находятъ мѣсто многіе пороки нашего времени: пьянство, безвѣріе, увлеченіе социальными утопіями, нравственная распущенность, взяточничество, лживость, азартная картежная игра и проч. Изображеніе такихъ дефектовъ дается о. Востоковымъ въ началѣ каждой проповѣди или же послѣ изложенія евангельскаго или какого-нибудь иного событія.

Далѣе, „Голосъ Пастыря“ обращаетъ на себя вниманіе своею художественною отдѣлкой: житейскіе образы, литературныя фигуры, поэтическія сравненія, популярныя пословицы и т. под. примѣняются въ широкомъ размѣрѣ талантливымъ проповѣдникомъ; потому-то каждый евангельскій рассказъ передается имъ не просто библейскими словами, но и въ красивой литературной формѣ съ полнымъ соблюденіемъ евангельской правды, вслѣдствіе чего самыя священныя повѣствованія глубже врѣзаются въ памяти.

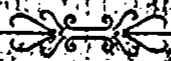
У автора вышедшаго проповѣдническаго сборника хорошъ и данный въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ анализъ, когда, напр., онъ излагаетъ исторію о разслабленномъ, о самарянинѣ, прощальную бесѣду Спасителя, молитвы на вечернѣ въ день Троицы и проч.

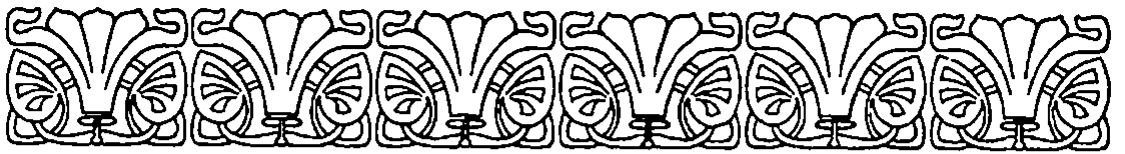
Авторъ не голословенъ: у него много ссылокъ на св. отцовъ: Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Макарія Египетскаго, Θεодосія Великаго, Іоанна Милостиваго, русскихъ подвижниковъ: Сергія Радонежскаго, Серафима Саровскаго и нѣк. др; также у него достаточно примѣровъ изъ обыденной жизни. Есть у о. Востокова и нѣсколько проповѣдей, въ которыхъ онъ касается современной войны и въ которыхъ человѣческая душа, скорбящая объ утратѣ близкихъ родныхъ, найдетъ для себя должное утѣшеніе.

Сами проповѣди сравнительно невелики: 2—3 и, много, если 4 страницы нормальнаго печатнаго шрифта; при этомъ всѣ онѣ имѣютъ заголовки, въ которыхъ раскрывается основная идея.

Въ первой половинѣ книги на 216 страницахъ помѣщены проповѣди, составленныя примѣнительно къ кругу годового богослуженія, начиная съ недѣли Пасхи и кончая бесѣдою „въ вечеръ субботній—въ ожиданіи Пасхальной утрени“; во второй половинѣ—слова и поученія на неподвижные праздники Господніе и Богородичные, а также на дни особо чтимыхъ святыхъ. Книга предваряется бесѣдой о современной жизни на тему „что есть и что нужно“ и заключается небольшимъ художественнымъ разсужденіемъ о благотворности церковной проповѣди для самихъ проповѣдниковъ. „Голосъ Пастыря“ можетъ рассчитывать на право сдѣлаться настольною книгой для нашихъ проповѣдниковъ и ему можно пожелать только широкаго распространенія.

Издатель: „Голосъ Пастыря“ № 4. Дебедевъ.

Священная война магометанъ.

Въ октябрѣ 1914 года фетвой шейхъ-уль-ислама турецкая имперія объявила державамъ тройственнаго согласія священную войну. Этотъ религіозно-политическій актъ вначалѣ вызвалъ понятную тревогу среди населенія воюющихъ съ Турціей державъ, такъ какъ всякому извѣстно изъ исторіи, какими жестокостями отличались такъ называемыя священныя войны, особенно въ первыя времена распространенія ислама, какимъ необычайнымъ фанатизмомъ одушевлены были послѣдователи аравійскаго пророка, призванные подъ знамена во имя распространенія и утвержденія своей вѣры между невѣрными. Такое естественное безпокойство усиливалось тѣмъ болѣе, что призывъ падишаха къ священной войнѣ по идеѣ обязательенъ не для однихъ только его подданныхъ, а для всѣхъ мусульманъ, въ какомъ-бы государствѣ они не жили. Однако прошли уже не дни, а мѣсяцы, а фетва шейхъ-уль-ислама и до сихъ поръ не произвела на правовѣрныхъ того впечатлѣнія, на которое она была рассчитана. Мусульмане, живущіе, напр. въ предѣлахъ Россійской имперіи, и въ частности у насъ въ Крыму, не вняли этому призыву падишаха и остались по прежнему вполнѣ лояльными подданными Русскаго Государя, готовыми нести всякія жертвы на защиту отечества. Чѣмъ же объясняется подобное явленіе? Почему мусульмане не вняли призыву Турціи, раздавшемуся, повидимому, во имя Корана и исключительно на религіозной почвѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и можетъ послужить разборъ магометанскаго ученія о священной войнѣ и практическаго ея осуществленія.

Священная война (Джихадъ или Газаватъ) является одной изъ существенныхъ обязанностей въ нравоучительномъ кодексѣ магометанской религіи и какъ таковая, естественно, должна имѣть основаніе для себя въ священной книгѣ магометанской религіи Коранѣ. Однако мы напрасно стали-бы искать въ Коранѣ вполне послѣдовательнаго ученія о священной войнѣ. Какъ и въ другихъ пунктахъ кораническаго вѣроученія и нравоученія, такъ и въ вопросѣ объ отношеніи ко всѣмъ, не исповѣдующимъ ислама, мы встрѣчаемъ много очевидныхъ противорѣчій, одно другое исключаящихъ. Въ этомъ отношеніи всѣ главы, или суры Корана можно подраздѣлить на двѣ группы въ зависимости отъ двухъ періодовъ въ жизни самого Магомета-мекканскаго и мединскаго. Главы Корана, написанныя въ Меккѣ, содержатъ въ себѣ ученіе, относительно говоря, чистое и возвышенное; что же касается тѣхъ главъ, которыя появились въ Мединѣ, то здѣсь образъ мыслей Магомета совершенно измѣняется до диаметральной противоположности съ тѣмъ, чему онъ училъ въ Меккѣ. Первые шаги религіозно-реформаторской дѣятельности Магомета въ Меккѣ ему пришлось совершать при исключительно неблагоприятныхъ условіяхъ. Только незначительное количество близкихъ къ нему лицъ повѣрили его мнимо божественному посланничеству и сдѣлались прозелитами новаго ученія. Зато образовалась довольно сильная партія его враговъ, смотрѣвшая на новоявленнаго пророка, какъ на авантюриста, пытавшагося поколебать прежніе устои арабской языческой религіи, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, основывалось благосостояніе всей ихъ общественной жизни. И вотъ эта враждебная Магомету партія враговъ, его-Корейшитовъ, во главѣ которыхъ стояли даже его родственники Абу-Джалъ и Абу-Лахабъ, обрушилась на него непримиримой ненавистью и всевозможными гоненіями и преслѣдованіями. Среди такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и пришлось Магомету начинать свою религіозно-реформаторскую дѣятельность въ Меккѣ. Однако препятствія не остановили его. На первыхъ порахъ онъ дѣйствовалъ подъ влияніемъ искренняго религіознаго воодушевленія и твердой увѣренности въ своемъ мнимо божественномъ посланничествѣ. Внешней физической силы для распространенія своего ученія и для увеличенія количества

своихъ послѣдователей у него не было. Чѣмъ же онъ могъ подѣйствовать на умы и сердца современниковъ? Единственнымъ средствомъ въ его рукахъ въ то время было только лишь проповѣдуемое имъ ученіе. Чѣмъ оно будетъ выше и чище по сравненію съ древнимъ арабскимъ язычествомъ, думалъ Магометъ, тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе оно произведетъ на слушателей; и все вниманіе его сосредоточилось на томъ, чтобы придать своимъ мнимо-божественнымъ откровеніямъ характеръ чистоты и святости. Отчасти это Магомету и удалось, насколько онъ могъ возвыситься надъ укоренившимися взглядами и традиціями и насколько былъ въ состояніи постигнуть возвышенныя идеи христіанства, съ которыми онъ имѣлъ возможность ознакомиться еще до своего выступленія на поприще религіознаго реформатора, хотя и въ извращенномъ видѣ разнаго рода еретическихъ системъ. Въ частности по интересующему насъ вопросу объ отношеніи къ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ ученія мекканскихъ главъ Корана характеризуется духомъ снисходительности и благожелательства. Устанавливая такой именно принципъ въ отношеніи къ врагамъ и освящая его божественнымъ авторитетомъ, Магометъ быть можетъ имѣлъ въ виду и скрытую цѣль хотя до нѣкоторой степени смягчить несправедливыя нападки своихъ враговъ корейшитовъ. Какъ бы то ни было, въ мекканскихъ главахъ Корана нѣтъ и рѣчи о какихъ-либо насиліяхъ по отношенію къ иновѣрцамъ съ цѣлью обратить ихъ на путь послѣдованія исламу. Здѣсь мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія предписанія: „Злобу отклоняй добротой“ 1). „Скажи вѣрующимъ, чтобы они были снисходительны къ тѣмъ, которые не ожидаютъ тѣхъ дней Бога, въ которые онъ воздастъ людямъ за то, что увоили они себя“ 2). „Призывай людей на путь Божій мудростью и кроткими увѣщаніями; если ты входишь съ ними въ споръ, веди его честнѣйшимъ образомъ“ 3). „Если бы захотѣлъ Богъ, то увѣрвали бы всѣ народы земные, хочешь ли ты приневолить людей сдѣлаться вѣрующими“? 4).

1) Коранъ. Сура 28, ст. 98 переводъ Г. Саблукова. Казань. 1894 г. стр. 295.

2) Коранъ. Сура 45, ст. 18.

3) Коранъ. Сура 16, ст. 126.

4) Коранъ. Сура 10, ст. 29.

Такъ Магометъ училъ объ отношеніи къ иновѣрцамъ въ Меккѣ. Но вотъ въ 622 г. онъ переселяется въ Медину. Положеніе это измѣняется кореннымъ образомъ. Изъ чело-вѣка гонимаго и преслѣдуемаго онъ становится властелиномъ думъ и мыслей своихъ многочисленныхъ послѣдова-телей, готовыхъ на какія угодно жертвы по первому его слову. Злоба и ненависть къ нему корейшитовъ въ Меккѣ смѣняется безусловной покорностью и даже раболѣпствомъ Мединцевъ. Подъ вліяніемъ этихъ измѣнившихся обстоя-тельствъ рельефно выступаютъ низменные инстинкты натуры Магомета, въ Меккѣ тщательно скрывавшіеся, и въ связи съ этимъ кореннымъ образомъ измѣняется и самый духъ его ученія. Если въ первый періодъ своей дѣятельности Ма-гометъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ искренняго религіознаго одушевленія, то теперь на первый планъ выступаютъ съ одной стороны жажда славы и матеріальнаго обогащенія, а съ другой непреодолимая злоба и ненависть къ своимъ врагамъ и желаніе отомстить имъ за тѣ обиды и притѣсне-нія, какія онъ претерпѣлъ отъ нихъ въ Меккѣ. Эти факто-ры настолько измѣняютъ характеръ кораническихъ взгля-довъ, и идей, что если внимательно прочитать мекканскія главы Корана и сравнить съ ними мединскія, то можетъ на первый разъ показаться, что это произведенія двухъ различныхъ авторовъ. Чтобы хотя сколько-нибудь объяснить такую рѣзкую противоположность въ образѣ мыслей Маго-мета, создавшуюся подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоя-тельствъ его жизни, послѣдующіе комментаторы Корана и мусульманскіе богословы измыслили даже особую теорію о стихахъ отмѣненныхъ и отмѣняющихъ; изъ нихъ послѣд-ними, яко-бы по особому Божественному велѣнію, отмѣня-лись предписанія первыхъ. Къ числу перваго рода стиховъ относятся и тѣ изъ нихъ въ Мекканскихъ главахъ Корана, въ которыхъ проводится мысль о вѣротерпимости и снисхо-дительнономъ отношеніи ко всѣмъ, не исповѣдающимъ ислама. На мѣсто ихъ появляется въ мединскихъ главахъ открытый призывъ къ самой жестокой мести и насиліямъ по отноше-нію ко всѣмъ иновѣрцамъ. Такъ впервые и возникаетъ въ Коранѣ ученіе о такъ называемой священной войнѣ съ не-вѣрными. Въ скоромъ времени по своемъ переселеніи въ Медину, Магометъ издаетъ особый манифестъ, въ которомъ

открыто призываетъ своихъ послѣдователей обнажить мечъ противъ невѣрныхъ. Различные пороки, говорится здѣсь, были ниспосылаемы Богомъ для проявленія различныхъ его свойствъ. Моисей былъ посланъ для проявленія Его милосердія и промысла; Соломонъ—Его мудрости, величія и славы; Иисусъ Христосъ—Его правды, всевѣдѣнія и могущества. Правду Его Онъ прославилъ чистотою своей жизни; всевѣдѣніе—знаніемъ сокровенныхъ тайниковъ чловѣческаго сердца; могущество—чудесами. Но ни одно изъ этихъ свойствъ, однако, не оказалось достаточнымъ, чтобы вполнѣ убѣдить людей; они не повѣрили даже чудесамъ Моисея и Иисуса Христа, поэтому я, послѣдній изъ пророковъ, посланъ съ мечомъ. Пусть всѣ, распространяющіе мою вѣру, не прибѣгаютъ ни къ разсужденіямъ, ни къ доказательствамъ, а убиваютъ тѣхъ, кто отказывается повиноваться закону.... Мечъ есть ключъ отъ неба и ада; всѣ, обнажающіе его за вѣру, получаютъ въ награду временныя блага“ 2).

Вслѣдъ за изданіемъ этого манифеста появляются одно за другимъ и кораническія предписанія относительно войны съ невѣрными, подъ которыми подразумѣваются язычники, іудеи и христіане: „Войте съ тѣми, которые не вѣрують въ Бога и въ послѣдній день, не считаютъ запрещеннымъ того, что запретилъ Богъ и его посланникъ; и съ тѣми изъ получившихъ писаніе (такъ обычно въ Коранѣ называются іудеи и христіане), которые не принимаютъ истиннаго вѣростава дотолѣ, покуда они не будутъ давать выкупа за свою жизнь, обезсиленные, униженные“ 2). Священная война должна быть, по смыслу кораническихъ предписаній, необычайно жестокой съ цѣлью поголовнаго истребленія невѣрныхъ: „Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то ссѣкать съ нихъ головы дотолѣ, покуда не сдѣлаете имъ совершеннаго пораженія. Плѣнныхъ держите въ крѣпкихъ оковахъ“ 3). Здѣсь еще предполагается возможность брать невѣрныхъ въ плѣнъ; но и эта снисходительность показалась, повидимому, Магомету излишнею, и въ другомъ мѣстѣ Корана онъ прямо заявляетъ: „Ни одному пророку не предоставлялось брать плѣнныхъ, покуда не производилось поголовнаго избіенія на

1) В. Ирвингъ. „Жизнь Магомета“, стр. 123.

2) Коранъ. Сура 9, ст. 29.

3) Коранъ. Сура 47, ст. 4.

землѣ. Вы хотите тлѣнныхъ благъ въ этой жизни, а Богъ хочетъ—въ будущей, Богъ могущъ, мудръ“¹⁾. Въ этой же сурѣ говорится, что Богъ хотѣлъ показать истинность словъ своихъ и изсѣчь невѣрныхъ до послѣдняго человѣка“²⁾. Но и этими предписаніями Коранъ не ограничивается. Въ своей ожесточенной злобѣ противъ невѣрныхъ Магометъ предписываетъ истязаніе ихъ: „Помощь только отъ Бога сильнаго, мудраго для того, чтобы отсѣчь члены у тѣлъ невѣрныхъ“³⁾. Послѣднею цѣлью всякой священной войны должно быть обращеніе къ исламу всѣхъ иновѣрцевъ: „Воюйте съ ними до тѣхъ поръ, покуда не будетъ искушенія, покуда не будетъ одного только вѣрослуженія Богу“⁴⁾. Наконецъ учрежденіе священной войны обставлено въ Коранѣ многочисленными предписаніями, касающимися всякихъ частныхъ случаевъ. Войны съ невѣрными, по словамъ корана, вѣрующіе не должны считать для себя тягостнымъ дѣломъ“⁵⁾. Какъ война за дѣло Божіе, война съ невѣрными всегда должна сопровождаться съ успѣхомъ для вѣрующихъ и доставить послѣднимъ награду въ будущей жизни“⁶⁾. „Страхъ смерти не долженъ удерживать вѣрующихъ отъ этой войны, потому, что павшіе въ ней люди не мертвые, но живые“⁷⁾. „Каждый мусульманинъ долженъ считать для себя обязательнымъ участіе въ войнѣ и жертвовать жизнью и имуществомъ“⁸⁾. „Только больные не обязываются къ пожертвованіямъ, только слабые, больные и калѣки освобождаются отъ военныхъ походовъ“⁹⁾. Наконецъ необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство: „Скрытою, но въ то же время дѣйствительною и главною цѣлью всѣхъ священныхъ войнъ при Магометѣ была нажива и обогащеніе на счетъ покоренныхъ и ограбленныхъ непріятелей. Это положеніе можно подтвердить множествомъ характерныхъ фактовъ изъ исторіи военныхъ предпріятій Магомета. Такъ, на-

1) Коранъ. Сура 8, ст. 68.

2) Коранъ. Сура 8, ст. 7.

3) Коранъ. Сура 3, ст. 122.

4) Коранъ. Сура 8, ст. 40.

5) Коранъ. Сура 2, ст. ст. 212, 213, 215.

6) Коранъ. Сура, 4 ст. 140, 76.

7) Коранъ. Сура 2, ст. 149, Сура 3, ст. 168.

8) Коранъ. Сура 9, ст. 89, 112.

9) Коранъ. Сура 9, ст. 92—94, Сура 48, ст. 17.

прим., однажды Магометъ не могъ устоять передъ соблазномъ захвата возвращающагося изъ Сиріи каравана мекканцевъ, не смотря на то, что это предпріятіе сопровождалось нарушеніемъ святости запретнаго мѣсяца Раджеба, когда по установившимся традиціямъ нельзя было начинать и даже продолжать никакихъ военныхъ дѣйствій. Естественно, что такое грубое нарушеніе установившагося въ странѣ гуманнаго обычая вызвало понятное смущеніе даже у наиболѣе ревностныхъ послѣдователей Магомета. Желая реабилитировать себя въ данномъ случаѣ, онъ защищается ссылкой на авторитетъ Божественный и вноситъ къ Коранъ такое мнимо-Божественное предписаніе: „Спрашиваютъ тебя о запретномъ мѣсяцѣ, о войнѣ во время него. Скажи: война во время него великій грѣхъ; но уклоняться отъ пути Бога, не вѣрвать въ Него и запретную мечеть, изгонять изъ нея посѣщающихъ ее еще большій грѣхъ предъ Богомъ“¹⁾. Вотъ въ общихъ чертахъ подлинное ученіе Корана о священной войнѣ. Какъ осуществлялись кораническія предписанія на практикѣ,—отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить вся исторія распространенія ислама силою огня и меча при Магометѣ, первыхъ халифахъ и дальнѣйшихъ продолжателяхъ ихъ дѣла и служенія. И напрасно пытаются нѣкоторые апологетики ислама изъ числа мусульманскихъ богослововъ доказать, что Мухаммеданство никогда не проповѣдывало какой-либо нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, петроградскій мулла Баязитовъ²⁾. Приводимыя Баязитовымъ доводы изъ Корана въ подтвержденіе той мысли, что мухаммеданство никогда фанатизмомъ не отличалось, помимо очевиднаго противорѣчія фактамъ исторіи, не имѣютъ значенія еще и потому, что берутся авторомъ изъ главъ, написанныхъ въ Меккѣ, которыя, какъ мы сказали выше, совершенно отмѣняются во многихъ пунктахъ ученіемъ мединскихъ главъ Корана.

Позднѣйшіе комментаторы Корана и мусульманскіе законовѣды съ теченіемъ времени детально разработали кораническое ученіе о священной войнѣ, примѣнительно къ об-

¹⁾ Коранъ. Сура 2, ст. 214.

²⁾ А. Баязитовъ. „Исламъ и прогрессъ“. Петроградъ 1898 г. стр. 36—56 о мнимомъ фанатизмѣ Ислама.

стоятельствамъ общественной и государственной жизни Такъ, по опредѣленію мусульманскихъ богослововъ Ибнъ-Батута и Аль-Бухари, джихадъ есть призывъ къ невѣрнымъ принять истинную религію и борьба противъ тѣхъ, кто ея не принимает¹⁾. Конечную цѣлью священной войны должно быть, по мнѣнію законовѣдовъ, или приведеніе невѣрныхъ къ принятію ислама, или же совершенное уничтоженіе ихъ въ томъ случаѣ, если бы они отказались сдѣлаться мусульманами. Въ связи съ этимъ стоитъ и вопросъ о лицахъ, съ которыми должна вестись священная война; такими лицами, по мнѣнію комментаторовъ Корана, должны быть три группы людей: 1) всѣ язычники и вообще невѣрные, которые отказываются подчиняться мусульманскому управленію; 2) тѣ, которые уже находились подъ мусульманскимъ владычествомъ, но возмущаются противъ имама и 3) тѣ, которые возмущаются и отказываются платить подати²⁾. Такъ какъ священная война, по вѣрованію мусульманъ, есть божественное установленіе, но установленіе, не имѣющее постояннаго характера, то является весьма важный вопросъ, кто изъ правовѣрныхъ облеченъ достаточными полномочіями для того, чтобы провозгласить джихадъ и затѣмъ призвать всѣхъ послѣдователей пророка къ войнѣ съ невѣрными. По мнѣнію мусульманскихъ законовѣдовъ, такимъ лицомъ можетъ быть халифъ всѣхъ правовѣрныхъ, который бы объединялъ и свѣтскую и духовную власть, былъ въ одно и то же время султаномъ и имамомъ. При этомъ, по вѣрованію мусульманскаго толка суннитовъ, къ которому принадлежать, между прочимъ, турки и въ большей значительной части мусульмане, живущіе въ Россіи, онъ можетъ передать это право другому лицу по собственному выбору и назначенію. Что же касается секты шитовъ, то эта секта вѣруетъ въ бытіе тайнаго и скрывающагося имама-махди, или мегдія, который долженъ явиться когда-то, но время его явленія скрыто отъ людей. Съ точки зрѣнія этого толка, принципиально священная война возможна только тогда, когда появится этотъ скрывающійся имамъ-махди. Но какъ бы то ни было, по вѣрованію всѣхъ мусульманъ и шитовъ и сунни-

1) П. Цвѣтковъ. „Исламизмъ“ т. III. Практическія обязанности Исламизма, стр. 399. Ашхабадъ 1913.

2) П. Цвѣтковъ. *Opus cit.* стр. 396.

товъ, право объявлять священную войну принадлежит исключительно непосредственному преемнику Магомета, Халифу, который одинъ только можетъ пользоваться безусловнымъ авторитетомъ у всѣхъ правовѣрныхъ, независимо отъ мѣста ихъ жительства.

Спорнымъ вопросомъ въ мусульманскомъ религіозномъ законодательствѣ о священной войнѣ является вопросъ о самомъ характерѣ этой войны, т. е. должна-ли она быть только лишь оборонительной, или же можетъ быть и наступательной. Въ Коранѣ на этотъ счетъ нельзя найти болѣе или менѣе опредѣленныхъ указаній. Такъ, съ одной стороны здѣсь имѣется такое предписаніе: „Не сражайтесь съ ними (съ невѣрными) при запретной мечети, когда они тамъ не начнутъ сражаться съ вами; но если они станутъ сражаться съ вами, то и вы сражайтесь съ ними: это будетъ воздаяніемъ невѣрнымъ“ ¹⁾. Но съ другой стороны въ Коранѣ нерѣдко проводится и такая мысль, что цѣлью священной войны должна быть не только защита ислама въ томъ случаѣ, когда ему угрожаетъ опасность, но и активное распространеніе его среди невѣрныхъ ²⁾. Въ виду такой неопредѣленности, мнѣнія комментаторовъ Корана по данному вопросу расходятся. Но, желая примирить оба противорѣчивые взгляда, мусульманскіе законовѣды къ рѣшенію этого вопроса привлекаютъ толкованіе различія между нравственными обязанностями человѣка. Есть два вида нравственныхъ обязанностей, или по терминологіи мусульманскаго религіознаго законодательства—два вида фараза: Фарзъ-уль-айнъ—обязанность, лежащая на каждомъ мусульманинѣ, и Фарзъ-уль-кефайѣ—обязанность, лежащая лишь на совокупности мусульманъ, на мусульманской общинѣ. Рѣшая вопросъ о священной войнѣ съ точки зрѣнія этихъ двухъ видовъ фараза, мусульманскіе законовѣды приходятъ къ такому выводу: если нападеніе послѣдовало со стороны невѣрныхъ, тогда оборонительная война дѣлается обязательной для всѣхъ и въ этомъ случаѣ изъ фарзъ-уль-кефайѣ-джихадъ обращается въ фарзъ-уль-айнъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ священная война должна быть обязательной по-стольку, поскольку есть возможность предпринять ее, раз-

¹⁾ Коранъ. Сура 2, ст. 187.

²⁾ См. наприм. Коранъ. Сура 8, ст. 40 и др.

считывая на успѣхъ. Если имѣется эта возможность, то ее должно вести; если нельзя рассчитывать на какой-нибудь успѣхъ, отъ веденія ея слѣдуетъ отказаться“¹⁾). Практика мусульманскихъ войнъ особенно въ первыя времена распространенія ислама показываетъ, что послѣдователи пророка не ограничивались одной только войной оборонительной, хотя она какъ въ то время, такъ и теперь можетъ быть, конечно, наиболѣе популярной. Вообще же, по мнѣнію компетентныхъ изслѣдователей въ области изученія Ислама“, у расъ терпимыхъ по природѣ (арабовъ, чистыхъ персовъ) толкованіе священной войны въ смыслѣ наступательномъ является не популярнымъ, но тюркская раса, которой принадлежитъ теперь руководство въ исламскомъ мірѣ, отказывается отъ такого толкованія лишь тогда, когда не имѣетъ политической самостоятельности (напримѣръ, въ Россійскихъ предѣлахъ), а если она самостоятельная (какъ напримѣръ, Турція), то постоянно готова навязывать исламъ своимъ слабымъ христіанскимъ подданнымъ, разъ это можетъ пройти безнаказанно“²⁾).

Спорнымъ представляется также вопросъ о предупрежденіи противника передъ началомъ священной войны. По смыслу мусульманскаго религіознаго законодательства вопросъ этотъ въ общихъ чертахъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Принципіально, нападеніе безъ предварительнаго увѣдомленія и предложенія обратиться въ исламъ не допускается но въ виду того, что исламъ достаточно уже распространенъ и не можетъ быть не знающихъ о немъ: самое его оуществованіе уже служитъ постояннымъ призывомъ къ обращенію въ него и слѣдовательно нѣтъ никакой надобности дѣлать какой-либо специальныйъ призывъ и предупрежденіе 3)... Однако въ послѣдующее время такой взглядъ не является господствующимъ; болѣе просвѣщенные представители современнаго мусульманскаго міра утверждаютъ, что предварительное предупрежденіе предъ началомъ священной войны является безусловно необходимымъ: „Объявленіе войны отнюдь не допускается ранѣе, чѣмъ бу-

1) П. Цвѣтковъ. Исламизмъ т. III, стр. 404.

2) А. Крымскій. „Исторія мусульманства“ ч. II, стр. 20, 2-е примѣчаніе къ статьѣ Р. Дози. Исламское вѣроученіе и богопочитаніе.

3) П. Цвѣтковъ. Исламизмъ т. III, ст. 396.

дуть порваны, существующіе между воюющими, договоры, говорить, наприм., петроградскій мулла Баязитовъ, нападеніе же безъ предварительнаго объявленія считается неблаго-роднымъ обманомъ, коварствомъ (гадеръ) и совершенно не допускается“¹⁾). Конечно, эта послѣдняя точка зрѣнія можетъ быть разсматриваема лишь какъ частное мнѣніе отдѣльнаго лица, но отнюдь не выражаетъ господствующаго теченія въ исламѣ; и религіозное законодательство его и практика жизни говорятъ совершенно обратное.

Священная война объявляется обычно при посредствѣ фетвы шейхъ-уль-ислама: Фетва издается во всѣхъ особенно выдающихся случаяхъ государственной или общественной жизни, когда какому-либо рѣшенію необходимо придать религіозный авторитетъ и значеніе. Она представляетъ собою мнѣніе шейхъ-уль-ислама, или великаго муфтія по поводу извѣстнаго юридическаго, нравственнаго или религіознаго вопроса. Дается она въ видѣ вопроса и отвѣта. Въ первой части обыкновенно спрашивается, соотвѣтствуетъ-ли тотъ или иной поступокъ, то или иное рѣшеніе законамъ ислама, позволительно-оно, или нѣтъ. Во второй помѣщается отвѣтъ: „олуръ“ (позволено) или „олма“ (нельзя). Заканчивается фетва словами: „Впрочемъ Богъ знаетъ лучше, чѣмъ бѣд-ный муфтій“. Въ кодексѣ мусульманскаго религіознаго законодательства имѣется еще много болѣе частныхъ предписаній относительно священной войны—ея веденія, отношенія къ покореннымъ народамъ, къ ихъ имуществу, военноплѣннымъ и т. п. Но всѣ эти частности не имѣютъ существенно важнаго значенія для рѣшенія вопроса о томъ, почему послѣднее объявленіе Турціей священной войны не достигло своей цѣли.

Сопоставляя всѣ обстоятельства, сопутствовавшія изда-нію послѣдней фетвы о священной войнѣ, съ тѣми узаконе-ніями, какія регламентируютъ эту религіозную обязанность мусульманъ, не трудно замѣтить, что мотивы и основанія для принятія такого важнаго религіозно-политическаго рѣшенія являются довольно шаткими. Выше мы упоминали, что довольно существеннымъ побужденіемъ у Магомета къ призыву своихъ послѣдователей принимать участіе въ войнѣ съ невѣрными, помимо фанатической ненависти ко

¹⁾ А. Баязитовъ. Исламъ и прогрессъ стр. 55.

всѣмъ, не исповѣдующимъ ислама, была еще жажда легкой наживы, желаніе обогащенія на счетъ побѣжденнаго врага. Эта цѣль на первыхъ порахъ распространенія ислама достигалась въ большинствѣ случаевъ съ полнымъ успѣхомъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ослабленія мугущества аравитянтъ-мусульманъ, раздробленія единаго халифата на части, не всегда можно было рассчитывать на вѣрный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Вотъ почему послѣдующіе мусульманскіе законовѣды и сочли необходимымъ, какъ мы видѣли, указать, что наступательная священная война допустима лишь въ томъ случаѣ, если возможно рассчитывать на успѣхъ. Что же мы видимъ въ настоящее время? Могутъ-ли рассчитывать на полный успѣхъ мусульмане, разсѣянные по всему лицу земли и не объединенные въ одномъ политическомъ центрѣ? Конечно, нѣтъ. Теперь, когда разрозненные полчища правовѣрныхъ видятъ передъ собой хорошо обученныя, многочисленныя вооруженныя арміи гяуровъ, они прекрасно понимаютъ, что священная война ничего, кромѣ хлопотъ и пораженій, принести имъ не можетъ.

Далѣе, хотя религіозное законодательство ислама допускаетъ и наступательную священную войну, но, конечно, наиболѣе популярною могла бы быть война оборонительная, если бы мусульманамъ пришлось защищаться отъ какой-либо дѣйствительной опасности, угрожающей исламу. Эта точка зрѣнія въ вопросѣ о священной войнѣ особенно является господствующей среди мусульманъ въ послѣднее время, когда присущая имъ косность начинаетъ постепенно ослабѣвать и въ среду ихъ начинаетъ проникать образованіе. Правда, фанатическая ненависть мусульманъ-турокъ къ гяурамъ и особенно къ своей могущественной сѣверной сосѣдкѣ—Россіи не ослабѣла даже и подъ вліяніемъ прогрессивныхъ идей, проникшихъ въ Турцію, и это чувство находитъ себѣ отраженіе даже на столбцахъ турецкой періодической печати. Такъ въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. одинъ изъ турецкихъ публицистовъ Ибрагимъ Шинаси-Эфенди въ издававшейся имъ газетѣ „Тасориръ-Эфкаръ“, между прочимъ говоритъ, что „мечъ османовъ, какъ магнитная стрѣлка, неизмѣнно долженъ быть обращенъ на сѣверъ“ 1).

1) В. Гордлевскій. Очерки по новой османской литературѣ. Москва 1912 г. стр. 7.

Изъ этихъ словъ видно, что турецкая публицистика не чужда идеи наступательной войны и готова развивать ее и поддерживать. Но тѣмъ не менѣе, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ эта идея все меньше и меньше стала встрѣчать адептовъ въ средѣ просвѣщеннаго мусульманскаго общества, такъ что къ концу XIX в. въ османской литературѣ звучать уже иные мотивы. Если и встрѣчаются призывы къ войнѣ, то къ войнѣ лишь оборонительной. Въ этомъ отношеніи довольно характерно стихотвореніе турецкаго поэта Мехмеда Эмина: „Голосъ изъ Анотолїи“:

Не отдамъ Коранъ на поруганье
И Османа сохраню я стягъ.
Я пойду. Домъ Бога не заглухнетъ
И не вторгнется въ отчизну врагъ.
Богъ свидѣтель, что сдержу я слово,
Ложе друга врагъ не оскорбитъ:
Что милѣе мнѣ родного края?
Лишь къ нему любовь моя горитъ“ 1).

Въ этомъ стихотвореніи раздается лишь призывъ къ защитѣ Корана отъ поруганія его невѣрными. Въ настоящее время среди просвѣщенныхъ мусульманъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, мысль о вѣротерпимости и о возможности лишь оборонительной войны въ защиту ислама является господствующей. Ее проводитъ, между прочимъ, уже упоминавшійся нами петроградскій мулла Баязитовъ въ своей книгѣ Исламъ и прогрессъ, а также недавно умершій въ Бахчисарафѣ редакторъ татарской газеты „Переводчикъ“ И. М. Гаспринскій. Естественно, что при такихъ господствующихъ взглядахъ раздавшійся изъ Константинополя призывъ къ священной войнѣ не могъ встрѣтить сочувствія среди мусульманъ, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства, если не считать незначительной шайки грубыхъ и невѣжественныхъ кавказскихъ аджарцевъ. Мусульмане прекрасно понимаютъ, что въ сущности на нихъ никто не нападаетъ, что никакая опасность исламу не грозитъ, а вся такъ называемая священная война нужна лишь млада-турецкимъ политикамъ, да въ сущности и не имъ, а разнымъ „па-

1) Вл. Гордлевскій. Opus cit. стр. 105.

шамъ“, „беямъ“, „эфенди“ изъ Берлина. Правда, предусмотрительная турецко-нѣмецкая пресса, желая доказать, что священная война вызвана необходимостью, что по существу она называется оборонительной, настойчиво вздумала было проводить мысль, что разбойничье нападеніе на Феодосію и другіе черноморскіе порты вызвано будто бы предшествовавшими агрессивными дѣйствіями Россіи по отношенію къ Турціи. Но вся эта провокаціонная затѣя оказалась спитой бѣлыми нитками, ей никто изъ русскихъ мусульманъ не повѣрилъ, да и не могъ повѣрить. Всѣмъ имъ, а особенно жителямъ Крыма и Кавказа, прекрасно было извѣстно, кто первый началъ враждебныя дѣйствія и они ни на минуту не могли сомнѣваться въ томъ, что объявленіе Россіей войны было только лишь отвѣтомъ на предательскій вызовъ со стороны Турціи. Но здѣсь представилось еще одно обстоятельство, которое могло сильно смутить правовѣрныхъ мусульманъ и подорвать ихъ довѣріе къ дѣйствительности и законности объявленной турецкимъ шейхъ-ульмъ-исламомъ Священной войны. По идеѣ священная война должна вестись со всѣми невѣрными безъ исключенія. И вдругъ теперь въ союзѣ съ мусульманской Турціей всталъ будто бы на защиту ислама такой же гяуръ Вильгельмъ II со своей протестантской Германіей. Естественно, у мусульманъ могло зародиться сомнѣніе, что здѣсь не все обстоитъ благополучно, что не дѣло въ защитѣ ислама, а въ чемъ-то другомъ. Но предусмотрительный кайзеръ не задумался надъ своеобразнымъ успокоеніемъ общественнаго мнѣнія: его эмиссары и въ Малой Азіи и европейской Турціи стали настойчиво распространять слухъ, что покровительство германскаго императора исламу вполне законно и естественно, что Вильгельмъ вовсе не гяуръ, а такой же правовѣрный, какъ и самъ падишахъ, такъ какъ онъ будто бы уже принялъ магометанство. Но расчеты оборотливаго майзера на этотъ разъ не оправдались: слишкомъ ужъ была очевидна несуразность подобной выдумки. Во-первыхъ Вильгельмъ еще не олицетворяетъ собою всѣхъ нѣмцевъ, а во-вторыхъ заявленіе о его магометанствѣ имѣло для всѣхъ болѣе или менѣе здравомыслящихъ мусульманъ, еще не ослѣпленныхъ нѣмецкимъ золотомъ, такую же одну убѣдительности, какъ для европейцевъ настойчивое афишированіе имъ своего

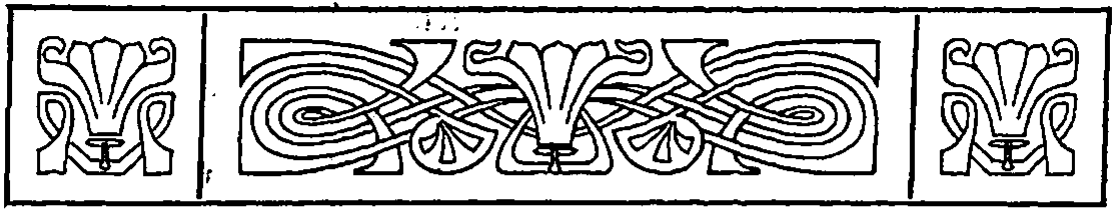
якобы истинно христіанскаго настроенія, въ истинность котораго теперь уже вѣроятно никто не можетъ повѣрить, за исключеніемъ развѣ подданныхъ самого кайзера.

Наконецъ въ фактѣ объявленія Турціей священной войны для мусульманъ представилось еще одно, могущее смутить ихъ недоумѣніе—это вопросъ о самомъ правѣ турецкаго султана—начинать войну. Какъ мы уже сказали выше, право объявлять священную войну принадлежитъ, по смыслу мусульманскаго религіознаго законодательства, исключительно халифу, т. е. потомку самого Магомета и въ силу этого продолжателю его служенія. Правда, турецкій султанъ носитъ этотъ титулъ и считается верховнымъ духовнымъ главой всѣхъ послѣдователей ислама, однако, по сознанію даже многихъ изъ мусульманъ, титулъ этотъ онъ носитъ собственно не по праву, такъ какъ не является непосредственнымъ потомкомъ Магомета. Этотъ фактъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ исторіи. По смерти Магомета во главѣ мусульманской общины стали халифы, т. е. замѣстители изъ сподвижниковъ и родственниковъ пророка. Вначалѣ всѣ мусульмане были объединены подъ владычествомъ одной династіи Омайядовъ, но въ серединѣ VIII в. мусульманскій міръ раздѣлился на двое: на востокѣ въ Багдадѣ утвердился династія Аббасидовъ; и возникъ такимъ образомъ халифатъ Багдадскій, а на западѣ сохранила свои права династія Омайядовъ и образовался халифатъ Кордовскій. Дробленіе мусульманъ на отдѣльныя религіозно-политическія группы продолжалось и впослѣдствіи, а въ XIII в. монгольское нашествіе нанесло рѣшительный ударъ Багдадскому халифату; однако въ Египтѣ сохранились потомки Аббасидовъ, удерживавшіе за собою власть до XVI в., когда турецкій султанъ Салимъ I завоевалъ въ 1517 г. Египетъ и увезъ съ собою въ Константинополь послѣдняго египетскаго халифа. Для того, чтобы упрочить, по крайней мѣрѣ въ глазахъ мусульманскаго міра, права на халифатъ за собою, онъ сталъ настойчиво проводить чрезъ посредство мусульманскихъ законовѣдовъ мысль, что непосредственный источникъ власти лежитъ въ Божіей воли и что права на халифатъ опредѣляются не происхожденіемъ отъ Магомета, а степенью могущества султана. Однако эта новая идеологія не правилась, и въ настоящее время многія мусульманскія

страны даже и подвластные Турціи, не говоря уже объ остальныхъ, не признають султана истиннымъ халифомъ, такъ какъ онъ ведетъ свой родъ не отъ Магомета, а слѣдовательно не могутъ признать за нимъ и права объявлять священную войну. Тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ кайзеръ оказался очень предусмотрительнымъ и хотѣлъ было прійти на помощь своему ослабѣвшему союзнику. Во время своихъ путешествій по востоку онъ черезъ своихъ агентовъ объявляетъ себя Хаджи-Магометомъ-Гуильнуномъ, потомкомъ сестры пророка. Очевидно онъ распускалъ нелѣпую мысль, такъ сказать, на всякій случай и теперь, вѣроятно, не преминулъ воспользоваться ею и хотѣлъ присвоить себѣ такое право въ мусульманскомъ мірѣ, какое не признается даже и за падишахомъ. Но и этой очередной выдумкѣ Вильгельма, очевидно, опять таки мало кто изъ мусульманъ повѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, что стоитъ ему объявить себя потомкомъ Магомета, когда онъ приказываетъ изобразить себя въ видѣ пророка Даніила въ соборѣ одного изъ при-Рейнскихъ городовъ, съ павосомъ говорить о явленіи ему во снѣ Ченстоховской Богоматери и кощунственно помѣщаетъ свое изображеніе на ея иконѣ, а въ то же время черезъ своихъ агентовъ, очевидно, тоже въ цѣляхъ политическихъ, распространяетъ въ Индіи свои изображенія въ какомъ-то фантастическомъ нарядѣ, со множествомъ перьевъ, со всѣми атрибутами индуcской религіи и съ довольно странной надписью: Воплощеніе бога Вишну.

Такъ рушились планы турецко-германскаго правительства возстановить времена первоначальной исторіи ислама и подъ именемъ священной войны поднять знамя возстанія среди мусульманскихъ подданныхъ державъ тройственнаго союзиія. Твердо вѣримъ и надѣемся, что коварные замыслы нашихъ враговъ и въ другихъ отношеніяхъ потерпятъ такую же неудачу, такъ называемая священная война со временемъ окончательно превратится въ одинъ изъ пережитковъ въ религіозномъ бытѣ мусульманскихъ народовъ.

П. Масловъ.

Борьба Христіанства съ остатками язычества въ древней Руси.

(Продолженіе *).

Выше мы указали, что извѣстное слово о тропарныхъ чашахъ, приписываемое пр. Θεодосію Печерскому, не принадлежитъ ему. Скорѣе всего это слово занесено къ намъ приблизительно въ XII в. отъ балканскихъ славянъ. Оно пользовалось у насъ широкимъ распространеніемъ и могло оказать вліяніе на наши народные обычаи. Въ словѣ говорится о крещеніи кутьи и о многихъ чашахъ, сопровождаемыхъ тропарями. Составитель слова допускаетъ только три чаши: первая въ началѣ обѣда—Христосъ Богъ славится, вторая въ концѣ обѣда—въ честь Дѣвы Маріи и третья чаша Государю. „Тропарей же въ пиру лише трехъ не велѣно молвити“,—слѣд. тропари на пиру сначала читались, а только впослѣдствіи ихъ стали пѣть. Не способствовало ли слово о тропарныхъ чашахъ тому, что у насъ къ рожаничнымъ бесѣдамъ стали „прекладать“, т. е. прибавлять тропарь Рождества Богородицы? ¹⁾ Такое предположеніе вѣроятно. Вообще, объ освященіи („крестить“) тропаремъ говорится во многихъ русскихъ памятникахъ, и въ этомъ случаѣ возможно допустить вліяніе слова о тропарныхъ чашахъ. Такъ, въ „уставѣ бѣлечскомъ“, приписываемомъ митр. Георгію, есть такое запрещеніе: „тропаремъ не крестити на Господьскыя

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11 за 1915 г.

¹⁾ По „слову св. Григорія“ (прилож. № 2, стр. 25) пользовались тропаремъ Рождеству Богородицы; по „Заповѣди св. отецъ“ вторую тразезу крестили тропаремъ Пресвятыя Богородицы (Проф. Смирновъ. Древне-русскій духовн., стр. 126, 392, матеріал.). Очевидно, пользовались не однимъ и тѣмъ же тропаремъ, а разными.

праздники обѣда“ 1). Въ этомъ же самомъ „уставѣ“ есть другая важная „заповѣдь“: „аще кто крестить 2-ю трапезу роду и роженицамъ 2) тропаремъ свята Богородица и то ясть и пѣть, да будетъ проклятъ“ 3). Итакъ, изъ „устава бѣлечскаго“ видно, что существовало одновременно два обычая: тропаремъ крестили праздничные обѣды и тропаремъ крестили вторую трапезу роду и роженицамъ. Хотя подлинность этого устава оспаривается, и возникновение его относится не къ XI, а къ болѣе поздней эпохѣ, примѣрно столѣтію къ XIII, но отмѣченные факты остаются въ силѣ. Въ правилѣ митр. Кирилла III (въ дѣяніи Владимірскаго собора 1274 г.) есть неясное мѣсто объ освященіи кутьи лицами не духовнаго званія. „Паки же увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ (новгородскихъ), яко нѣдци не священни освѣщають приносимая къ церкви плодоносия, рекше крупы или кутья за мертвыя; повелѣваемъ от сего времени таковому не быти, ни от дьяконовъ да не освящено“ 4). Мѣсто это очень темное. Кажется, дѣло было такъ. Нѣкоторые приносили въ церковь кутью на панихиды. Какіе-то „не священни“ лица святили кутью, вѣроятно дьячки или просфоропеки 5). Кутья приносилась за мертвыхъ. Духовенство сознавало, что въ основѣ этого обычая лежитъ нѣчто языческое и потому отказывалось совершать молитвословія надъ этой кутьей.

Есть указаніе, что на Руси и въ болѣе позднее время было принято на пирахъ пѣть священныя пѣснопѣнія. Въ одной рукописи Троицкой Лавры XVI в. помѣщено „поученіе евангельское“ 6), въ которомъ излагается бесѣда Василия и Григорія,—вѣроятно это извѣстные отцы церкви, и рассматриваемая статья представляетъ изъ себя отрывокъ изъ „бесѣды трехъ святителей“, или же составлена въ духѣ „бесѣды“. Въ „поученіи евангельскомъ“ Василій сначала спрашиваетъ, а Григорій изъясняетъ евангельское изреченіе „Не мечите бисера передъ свиньями“, а потомъ предлагаетъ другой вопросъ,—что значить „не дайте святого псомъ“? Григорій отвѣчаетъ, что „святое“—это пѣніе, когда поютъ вѣр-

1) Голубинскій. I, II, стр. 538, прав. 98.

2) Волжск. рѣк. № 566 ж. 186 об. „родетву и роженицамъ“.

3) Голубинскій. I, II, стр. 546, прав. 127.

4) Р. И. В. VI, стр. 98, прав. 6.

5) Голубинскій. Ист. русск. церкв. II, I, 74.

ные, молятся Богу о грѣхахъ своихъ „въ смиренѣ оумѣ и въ трезвѣ помыслѣ. и въ чстѣ срдцы и въ затишнѣ мѣсте, рекше въ цркве. а не в пиру пїанымъ пѣти стого пѣнїя“. И такъ, составитель поученїя считалъ умѣстнымъ пѣнїе священныхъ пѣснопѣнїй только въ „затишномъ мѣстѣ“, т. е. въ церкви и въ трезвомъ помыслѣ; пѣнїе же божественныхъ пѣснопѣнїй на пирахъ, гдѣ не было у пирующихъ трезвыхъ помысловъ и чистоты сердца, считалъ святыней, отданной псамъ. Нельзя сказать, было ли это неумѣстное пѣнїе результатомъ попытки ввести религіозный элементъ въ пиры, или же подгулявшїе гости начинали пѣть священныя пѣснопѣнїя для собственнаго развлеченїя, какъ напр. и въ наше время собравшаяся въ праздникъ добрая компанїя распѣваетъ Херувимскїя Бортнянскаго, „Вѣрую“ Березовскаго и проч. Загадочно слѣдующее мѣсто, служащее продолженїемъ предыдущаго: „за неж величающесе пїани. славу въздающе величавымъ бесомъ. и гедра веселїмъ (sic). и многы невѣгласы ведуще с собою в вѣчную муку“. Принимая во вниманїе, что Троицкая рукопись № 784 относится къ XVI в., нельзя ли здѣсь видѣть косвеннаго указанїя на пиры Грознаго, гдѣ безобразїя нерѣдко шли рука объ руку съ религіознымъ элементомъ?—Если разбираемое слово греческаго происхожденїя, то все же приходится считаться съ тѣмъ, что составитель рукописи избралъ этотъ отрывокъ очевидно, онъ имѣлъ къ тому основанїя въ окружавшей его русской дѣйствительности. Очевидно, такой обычай существовалъ, и онъ могъ выродиться изъ старой рожаничной трапезы. Приводимъ другое свидѣтельство того, что въ XVI в. былъ обычай на пирахъ „примолвливать къ чашамъ тропари“, и при этомъ пирующие напивались до-пьяна. Въ той же Троицкой рукописи, и притомъ почти рядомъ съ предыдущей статьей, находится отрывокъ изъ житїя Василїя Нового, въ которомъ повѣствуется, что на „пьянственномъ“ мытарствѣ бѣсы, показывая „писанїе“, напоминають душѣ, что ея въ такомъ-то мѣстѣ и съ тѣмъ-то выпито столько-то чашъ, „а тропарь стых примолвливаючи къ чашамъ и оупися. онаж (душа) рече. да того ся есмь была лишена. давно еже пити съ трепарѣхъ. і оупися. і потомъ покаялася есмь“¹⁾. Здѣсь только констатируется фактъ, что къ чашамъ примолвливали тропари. Значенїе и смыслъ этихъ

1) Ркп. Троицк. Лавр. № 784, лист. 8—9.

тропарей не указываются, вѣроятно, потому, что составитель и самъ этого не зналъ; у него только было сознание, что всякому придется дать отчетъ на томъ свѣтѣ за выпитыя чаши, даже если эти чаши сопровождаются и тропарями. Въ другимъ спискахъ и передѣлкахъ этого слова о чашахъ не упоминается. Въ полныхъ спискахъ житія св. Василия Новаго при описаніи пьянственнаго мытарства не упоминается о тропаряхъ, примолвливаемыхъ къ чашамъ. Считаемо эту прибавку русской ¹⁾.

Итакъ, рожаничныя трапезы съ пѣніемъ тропарей оказываются явленіемъ сложнымъ. Будучи по своей основѣ культомъ мертвыхъ, онѣ осложнились введеніемъ христіанскаго элемента: Богородицу у насъ стали считать рожаницей и вслѣдствіе этого начали сначала читать, а потомъ и пѣть тропарь рождества. Возникновеніе послѣдняго обычая находилось въ зависимости отъ обычая у славянъ произносить слова во имя боговъ. Подъ влияніемъ христіанства эти „слова“ могли замѣниться тропарями, которые иногда „примолвливались“ на рожаничныхъ трапезахъ, иногда на обычныхъ пирахъ. Ревнителю чистоты вѣры возставали противъ рожаничной трапезы и пѣнія тропарей на пирахъ. Возможно, что у насъ перестали пѣть тропари на рожаничной бесѣдѣ, продолжая пѣніе тропарей во время пировъ. Это неумѣстное исполненіе церковныхъ пѣснопѣній оскорбляло религіозное чувство людей глубоко вѣрующихъ, вслѣдствіе чего неблагоговѣйный обычай и подвергся обличенію. Тѣмъ не менѣе пѣніе тропарей и теперь еще продолжаетъ существовать, хотя на однихъ только поминкахъ, обнаруживая такимъ образомъ связь древняго культа мертвыхъ съ культомъ рожаницъ.

Потемнѣніе культа рожаницъ. Исповѣдныя вопросы.

Приводимъ другія обличенія культа рожаницъ. Въ словѣ Паясіева сборника „отвари и о дни ревомомъ недѣлѣ“ значится слѣдующее: „а дѣвоя работа грѣши паче бо согрѣшенья идолослуженья. прикутъ керчемной. наклады рѣзав-

¹⁾ См. статью Виллинскаго „Въ литературной исторіи житія Василия Новаго“. Записки Им. Новороссійск. Универс., т. 109, 1907 годъ, стр. 175—176. Тамъ же на 189—190 стр. о пьянственномъ мытарствѣ

ныя. пьянство. еже есть всего горѣ. ставленье трапезы рожаницамъ. і прочая вся служенья дьяволя. требы кладомья виламъ и поклонянье твари“ ¹⁾). Здѣсь отмѣчены трапеза рожаницамъ и требы, кладомья виламъ. Текстъ не даетъ основанія къ заключенію, какое соотношеніе между этими языческими обычаями. „Оуклоняйся предъ Богомъ невидимыхъ: молящихъ члкъ родоу и роженіцам, пореноу и аполиноу, и мокоши, и перегини, и всякпмъ бгомъ (и) мерзкимъ требамъ не приближайся“ ²⁾). Родъ и рожаницы здѣсь считаются божествами наравнѣ съ Перуномъ, Мокошью и берегинями. Правописаніе показываетъ, что авторъ или писатель не понималъ того, что пишетъ: Поренъ вмѣсто Перунъ, перегини вмѣсто берегини; Аполинъ, т. е. Аполлонъ попалъ въ число русскихъ боговъ, конечно, по недоразумѣнію. Конечно, статья, откуда заимствована выдержка, принадлежитъ къ позднимъ. „Съ робятъ первыя волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ“ ³⁾). У грековъ стригли волосы въ честь мертвыхъ. Значеніе этого обряда у русскихъ намъ неизвѣстно. Что же касается каши на собраніе рожаницъ, то, какъ намъ извѣстно, кашу и теперь варятъ на крестинахъ: бабка обноситъ этой кашей гостей за столомъ, причемъ гостями бываютъ только лица, состоящія въ бракѣ. Въ языческую пору, конечно, праздновались не крестины, а родины. Этотъ обычай существуетъ въ Смоленской губ. и въ настоящее время. Древнѣйшіе памятники, напр. Начальная лѣтопись, не упоминаютъ о родѣ и рожаницахъ. Наши писатели и духовенство долгое время не замѣчали культа рожаницъ: въ первое время церковь вела борьбу противъ остатковъ язычества, обнаруживаемыхъ публично. Почитаніе же рода и рожаницъ было дѣломъ семейнымъ, частнымъ. А потому до рода и рожаницъ не скоро дошла очередь. Но начатая потомъ борьба была очень упорна. Кажется, первымъ изъ чисто русскихъ писателей вопросъ о родѣ и рожаницахъ затронулъ Кирикъ (XII в.) вслѣдствіе того, что былъ духовникомъ въ Новгородѣ и въ силу своего положенія долженъ былъ касаться самыхъ интимныхъ сторонъ русской жизни. Въ XII вѣкѣ, повидимому,

¹⁾ Приложение № 7, стр. 81.

²⁾ Архивъ ист. юрид. свѣд. Калачова, II, I, стр. 104.

³⁾ Ркп. Моск. Румянц. Муз. № 374, л. 259. См. II, приложен. № 9,

рожаничный культъ существовалъ въ чистомъ видѣ, по крайней мѣрѣ съ обрядовой стороны: трапезу ставили именно роду и рожаницамъ. Впослѣдствіи къ этой трапезѣ стали присоединять христіанскій элементъ: Богородицу стали смѣшивать съ рожаницей и къ трапезѣ „прикладали“ тропарь рождеству. Обличенія Христолюбца и другихъ ревнителѣй вѣры главнымъ образомъ направлены противъ такого двоевѣрія, противъ смѣшенія христіанства съ язычествомъ. Кulta рожаницъ въ чистомъ видѣ наши обличители не касались. Древній культъ предковъ продолжалъ существовать; наше духовенство знало это и начало противъ него гоненіе, хотя бороться съ нимъ было трудно. Самымъ удобнымъ поводомъ къ указанію грѣховности этого древняго обычая была исповѣдь, которой духовники и пользовались для нравственнаго воздѣйствія на своихъ пасомыхъ вообще, для искорененія рожаничнаго кulta въ частности. Приведемъ образцы такихъ исповѣдныхъ вопросовъ. „Ли сплутила еси з бабами богомерьскыя блуды. ли молилася еси вилам ли роду і роженицам. и перуну. и хурьсу. и мокоши. пила и ела. три лѣта пос(тъ) съ поклон..“¹⁾ Женщинамъ на исповѣди предлагаются вопросы: „Не молилася ли еси виламъ и роду“. Очевидно, вилы и родъ считаются понятіями однородными. „А бѣсомъ з бабами чи молилася еси еже есть роженици“²⁾. Подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній рожаницъ стали считать бѣсами—общій удѣлъ старыхъ боговъ. Изъ слова „къ невѣжамъ“ видно, что покойниковъ, для которыхъ въ чистый четвергъ готовили трапезы и бани; представители чистаго правовѣрія считали уже бѣсами³⁾. „Аще блудивши съ бабами бгомьръькыя блуды кы (sic) молишися виламъ. год поста“⁴⁾. „Или молилася еси виламъ рѣше идолам“⁵⁾

¹⁾ Чинъ исповѣданія, помѣщенный въ уставѣ преп. Саввы, ркп. Импер. Публ. Биб. № 100, гл. 103, ч. I. Отчетъ о шестнадцатомъ приговорѣ награды гр. Уварова. СПб. 1874 г., стр. 186. *Krek*, Einleitung in die slav. Literat. 2 изд. стр. 407, прим. 1.

²⁾ Ркп. Софійск. библ. № 1061 л. 195—196, 224. Христіанск. чтеніе 1877 г., ч. 1, стр. 433. Статья *Каратыгина*—Обзоръ нѣкоторыхъ особенностей въ чинодослѣдованіяхъ рукописныхъ требниковъ, принадлеж. биб. СПб. Дух. Академіи.

³⁾ См. II, приложение № 1.

⁴⁾ Требн. Софійск. № 1083, л. 360. *Алмазовъ*. Тайная исповѣдь т. III, приложение, стр. 161.

⁵⁾ Требн. Софійск. № 1062 л. 211. *Алмазовъ*. Тайная исповѣдь т. III, приложение, стр. 161.

„Или каши варила во хвѣ ржствѣ“¹⁾. Очевидно, это тѣ самыя каши, которыя варились на „собрание рожаницъ“. Отождествляя Богородицу съ рожаницей, наши предки приурочивали эти каши къ празднику Рождества Христова.

§ 61.

Родъ. Родопочитаніе у южныхъ славянъ. Доля—счастье.

Обратимся къ выясненію понятія родъ. Выше мы высказали мнѣніе, что почитаніе рожаницъ было культомъ предковъ, „родителей“, въ частности женщинъ—родильницъ. Это положеніе подтверждается сопоставленіемъ рожаницъ съ родомъ. Обыкновенно въ памятникахъ древней письменности эти два слова стоятъ рядомъ; въ отдѣльности же встрѣчаются рѣдко. Въ словѣ Даниила Заточника есть такое присловье: „Дѣти бѣгають рода, а Господь пьянаго чело-вѣка“²⁾. Полагаемъ, что предъ нами народная поговорка. По крайней мѣрѣ въ русскомъ народѣ и въ настоящее время употребляется афоризмъ: „Самъ Господь отходилъ отъ пьянаго“³⁾. У Даниила „родъ“ представляется существомъ личнымъ и страшнымъ для дѣтей. Въ Смоленской губ. (село Лучеса, Ельнинскаго уѣзда) дѣтей страшатъ лизуномъ, который живетъ подъ печкой. Лизунъ невидимъ. Онъ выходитъ изъ подъ печки только тогда, когда никого не бываетъ въ избѣ. Въ Смоленской губ. подпечка считается съ одной стороны нечистымъ, а съ другой и священнымъ мѣстомъ. Туда бросаются обглоданныя кости. Когда рѣжутъ пѣтуха, кровь спускають подъ печку. Въ старину богатые крестьяне нерѣдко клали свои деньги въ горлачь (горшокъ для молока) и зарывали подъ печкой. У бѣлоруссовъ домово́й называется „подпечка“, у поляковъ „выгорище“⁴⁾. Слѣдовательно, лизунъ—тотъ же домово́й. Этотъ выводъ подтверждается малорусскимъ повѣрьемъ, что всю посуду на ночь слѣдуетъ перемывать или накрывать: „а то ихъ домовый буде вылизывать“, какъ говорятъ въ селѣ Никольскомъ,

1) Требн. Софійск. XVI в. № 875, л. 183. Алмазова. *ibid.* стр. 167.

2) Памятники російской словесности XII в., изд. *Калайдовича*. М. 1821 г., стр. 179.

3) Можетъ быть здѣсь имѣется въ виду известная легенда о пьяномъ, пожелавшемъ въ вывороченномъ тулупѣ испугать проходившаго мимо Спасителя.

4) *Архивъ для религіознаго и историческаго изслѣдованія*. II. I. стр. XVIII.

Харьковской губ. ¹⁾). Въ Софійскомъ требникѣ № 1061.— какъ мы видѣли, вилы (тѣ же рожаницы) и родъ отождествляются. „Не молилась ли еси виламъ и роду“... Въ рукописи XV-XVI в. библиотеки Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ № 478—958 есть такое мѣсто о родѣ. „Вседръжитель, иже единъ безсмертенъ и непогибающихъ Творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человѣкъ в душу живу: то ти не родъ, сѣдя на воздухѣ мечеть на землю груди и в томъ ражаются дѣти...— всѣмъ бо есть Творецъ Богъ, а не родъ“ ²⁾. „Такимъ образомъ родъ не есть олицетвореніе рода (gens), а самъ создатель“, говоритъ Безстужевъ-Рюминъ: груди, которыя родъ мечеть на землю, напоминаютъ тѣ камни, которые бросали Пирра и Девкаліонъ послѣ потопа, чтобы снова населить міръ людьми ³⁾. Іоаннъ экзархъ въ своемъ переводѣ Шестоднева св. Василія Великаго (4-е слово), слово родъ отождествляетъ съ греческимъ *εἰσαρέμνη* (опредѣленіе, рокъ, судьба). Сказавъ, что вѣра въ астрологию ведетъ къ признанію нравственной невмѣняемости человѣческихъ поступковъ, Іоаннъ экзархъ далѣе пишетъ: „а великіе надежде крстіаньскы безъ вѣсти намъ погбноуть на правдѣ чьтомѣ. ни осуждаемоу грѣхоу. им же ничесоже своимъ изволениемъ члцы не творять. ижде бо ноужда имармени. рекъше родъ дръжать“ ⁴⁾. Славяне вѣровали въ родъ, въ прирожденную долю. У грековъ и римлянъ было аналогичное вѣрованіе въ прирожденную *γένεσις*, *genitura*. Какъ *γένεσις*, такъ и равносильное слово *εἰσαρέμνη* переводились церковнославянскимъ *рожденіе*. *Εἰ θεός οὐ γένεσις*: аще Богъ есть, нѣсть рожденія. *Εἰ γένεσις, οὐ νόμος, εἰ δὲ νόμος, οὐ γένεσις*: аще роженіе, то не законъ, аще законъ, то не роженіе. (Іоанна Златоуста *περὶ εἰσαρέμνης*); иначе родословіе или рожаница: „вѣроут“ и въ родословіе рекше въ рожанице *γενεαλογίας* ⁵⁾. Въ Изборникѣ

¹⁾ Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Очерки этнографии края. Подъ редакціей В. В. Явасова. Изд. Харьковск. Губерн. Статистическ. Комитета, т. I, 1898 г., стр. 297.

²⁾ Прилож. № 10, стр. 97.

³⁾ *Безстужевъ-Рюминъ*. Русск. истор. I, стр. 24. „Пирра—не была божествомъ-создателемъ“. *Соловьевъ*. Русск. истор. кн. I, стр. 76, прим. 5.

⁴⁾ *Шестодневъ*, кн. 142, столб. 3. Чтенія въ Общ. ист. и древн. за 1879 г. кн. III.

⁵⁾ *Веселовскій*. Ровыск. ХНІ, стр. 235, 236.

Святослава 1073 г., на оборотѣ 89 листа читаемъ: „а еже убогихъ не миловати и родъство обѣштано е (есть) и огонь негашушти и съ бѣсы мученіе“. Слово „родъство“ здѣсь употреблено въ значеніи ада. Родъ подѣ влияніемъ христіанскихъ понятій обратился въ діавола, бѣса ¹⁾. Такъ по крайней мѣрѣ случилось у южныхъ славянъ. У русскихъ же къ своему роду-домовому всегда хранилось извѣстное почитеніе. Необходимо отмѣтить, что вѣрованіе въ родъ не получило такого развитія, какъ вѣрованіе въ рожаницъ, такъ какъ для этого вѣрованія не нашлось точекъ соприкосновенія въ христіанствѣ. О родѣ въ концѣ XV или началѣ XVI в.в. книжные люди думали, что не отъ него происходятъ люди. Люди же обычные полагали, что родъ, сидя на воздухѣ, гдѣ-то вверху, мечетъ груды, и отъ того рождаются дѣти ²⁾. Съ этимъ вѣрованіемъ намъ придется встрѣтиться. Многія рукописи, въ которыхъ упоминаются рожаницы, носятъ явные слѣды юго-славянскаго происхожденія, какъ свидѣтельствуемъ языкъ и правописаніе. На основаніи юго-славянскихъ списковъ Кормчей и Паремейника мы можемъ предполагать, что почитаніе рожаницъ было распространено среди южныхъ славянъ. Тѣмъ не менѣе вѣрованіе въ рожаницъ на Руси не должно считаться заимствованнымъ: вѣрованіе въ рожаницъ представляется въ старинныхъ памятникахъ не какимъ-нибудь мѣстнымъ отраженіемъ древняго язычества, а однимъ изъ остатковъ древности общеславянской, и, какъ такое, было относимо нашими старинными учеными къ догматамъ язычества еллинскаго и египетскаго, бывшаго—по ихъ мнѣнію—источникомъ всѣхъ нашихъ суевѣрій ³⁾. Человѣчеству свойственно сознаніе, что потомство находится въ зависимости отъ предковъ. Наслѣдственность физическихъ особенностей и нравственныхъ качествъ не подлежитъ и не подлежала никогда сомнѣнію. И потому культъ предковъ, какъ защитниковъ и охранителей рода, отъ которыхъ зависѣла участь потомковъ, былъ широко распространенъ. Славяне достаточно ясно сохранили это вѣрованіе; вѣра въ долю-часть и теперь широко рас-

¹⁾ Архивъ истор. юрид. свѣд. *Калачова* кн. II, полов. I, стр. XXIII—XXIV, прим.

²⁾ См. прил. 10, стр. 97.

³⁾ Архивъ ист. юрид. свѣд. *Калачова* II, I, стр. 106—107.

пространена среди балканскихъ и русскихъ славянъ. Этотъ вопросъ разработанъ академикомъ А. И. Веселовскимъ въ статьѣ „Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ“¹⁾. Вѣрованіе въ долю-судьбу является психологическимъ настроеніемъ русскаго народа, внутреннимъ убѣжденіемъ, что есть нѣчто высшее надъ человѣкомъ—судьба, рокъ. Судьба непреодолима, бороться съ нею бесполезно и невозможно, какъ это видно изъ народныхъ сказокъ и преданій, напр., о Маркѣ Богатомъ. Фатализмъ русскаго простолюдина—явленіе общеизвѣстное. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ христіанства, вѣра въ судьбу приняла христіанскую окраску, стала будто-бы вѣрой въ Промыселъ, Провидѣніе: „Такъ Богу угодно, что жъ дѣлать“? часто слышимъ мы, и непосредственно за этимъ слышимъ: „противъ судьбы ничего не подѣлаешь. Видно такъ на роду написано... Отъ судьбы не уйдешь“... Эти выраженія служатъ откликомъ давнишняго вѣрованія въ судьбу, которое теперь стало болѣе смутнымъ и неопредѣленнымъ, чѣмъ раньше. Народныя славянскія сказанія доказываютъ намъ, что эти вѣрованія живутъ и донынѣ. Но эти вѣрованія въ книжной литературѣ отразились слабо, и потому мы только мимоходомъ коснемся этого вопроса²⁾. Не умѣя объяснить, почему люди пользуются различнымъ положеніемъ, простой человѣкъ объясняетъ это прирожденностью: „человѣкъ счастливъ или нѣтъ потому, что такъ ему суждено, на роду написано“...³⁾. Таланъ-доля находится въ зависимости отъ отца—матери и акта рожденія; или обусловливается родомъ, дѣдами, предками. Последнее міровоззрѣніе древнѣе. „Бытовая форма рода древнѣе личной семьи; понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ, незримыхъ блюстителей домашняго очага и нарождающаго поколѣнія. Долю давалъ Родъ, которому въ старину у славянъ клали требы, какъ теперь угощаютъ замѣниващаго его дѣдушку домового, также пребывающаго у очага“⁴⁾...

¹⁾ Розысканія въ области русск. дух. стиха, XIII. Сборникъ отдѣл. рус. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ. т. 46.

²⁾ Вѣрованія сербовъ въ судьбу мы касались въ нашей статьѣ: „Миеологическій элементъ въ сербской народной повѣсти „Ореча и Усудь“. Филол. записки 1901 г., вып. I, II.

³⁾ Веселовскій. Розыск. XIII, Сборн. А. Н. стр. 173.

⁴⁾ Ibid. стр. 177.

Рядомъ съ дѣдомъ, родомъ (домовымъ)—мать-Рожаница: какъ и Роду, ей молились, клали требы, ставили трапезу—хлѣбы, сыры, медъ и каши, какъ и греческимъ мойрамъ, приходящимъ одарить новорожденного долею, ставили хлѣбы, медъ и плоды. Единственная форма—рожаница могла произойти вслѣдствіе сближенія Рожаницы съ Богородицей, могъ имѣть вліяніе и переводъ греч. словъ *τόχη, γενεαλογία* словомъ „рожаница“. Родъ и рожаницы ставятся акад. Веселовскимъ въ связи съ отношеніями общинно-родового брака. „Родъ—производитель, совокупность мужскихъ членовъ племени, сообщица владѣющаго рожаницами, матерями новаго поколѣнія“. Долей надѣляетъ не Родъ, а Рожаница—мать: при условіяхъ общинно-родового брака связь новорожденного съ матерью—родильницей была болѣе тѣсна, чѣмъ въ отношеніи другихъ членовъ рода—племени ¹⁾. Вообще же акад. Веселовскій полагаетъ, что родъ и рожаницы входятъ въ общій культъ предковъ, „родителей“, русалокъ, виль ²⁾. Съ теченіемъ времени идея прирожденности получила дальнѣйшее развитіе: рожаницы обособились въ отдѣльныя демоническія существа, и имъ приданъ былъ человѣкообразный образъ. Онѣ „даютъ новорожденному долю, часть, участь въ жизни, отмѣриваютъ талантъ, и этотъ актъ понимается какъ приговоръ, который онѣ изрекаютъ (рокъ, нарокъ), какъ ихъ судъ и рядъ, судьба ³⁾. „Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ“, говоритъ академикъ Ключевскій: „сосредоточіемъ культа предковъ является съ значеніемъ охранителя родичей родъ съ своими рожаницами, т. е. дѣдъ съ бабушками—намекъ на господствовавшее нѣкогда между славянами многоженство“. Тотъ же обоготворенный предокъ чествовался подъ именемъ чура, щура ⁴⁾.

§ 62.

Астрологическія вѣрованія. Звѣзда—душа. Родъ и рожаницы *γενεα*, звѣзды. Рожаницы—планеты.

Въ XVI—XVII вѣкахъ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей, медленно проникавшихъ въ Московію, среди

¹⁾ Ibid. стр. 178—179.

²⁾ Ibid. стр. 180.

³⁾ Ibid. стр. 186.

⁴⁾ *Ключевскій*. Курсъ русской исторіи, ч. I. Москва 1904 г., стр. 139.

русскаго общества возникъ интересъ къ астрологiи, т. е. развились астрологическія суевѣрія. Въ то же самое время достаточный матеріалъ и поддержку астрологическимъ бреднямъ давала та же византійская литература, произведеніями которой съ самаго принятія христіанства питалась Русь: Колядники, Громники и Трепетники, конечно, не остались безъ вліянія на міросозерцаніе русскаго человѣка. Сбросивъ съ себя татарское иго, Русь углубилась сама въ себя, выработала себѣ опредѣленные взгляды въ смыслѣ носительницы и хранительницы православія. Имена древнихъ божествъ окончательно исчезаютъ. Но рожаницы уцѣлѣли, хотя имъ стали придавать иное значеніе: это звѣзды и планеты. Вѣрованіе, что звѣзды—души людей, общеарійское. По индійскому вѣрованію, отцы—(мань)—души усопшихъ выводятъ утреннюю зарю на небо, охраняютъ пути солнца, украшаютъ ночное небо звѣздами. На десятый день по рожденіи ребенка былъ обычай приносить жертву звѣздѣ, подъ которой онъ родился. У бѣлоруссовъ есть преданіе, что всякій человѣкъ имѣетъ свою звѣзду, являющуюся на свѣтъ съ человѣкомъ, какъ у хорутанъ каждый рождающій получаетъ свою рожаницу на землѣ, свою звѣзду (рожаницу) на небѣ. Малоруссы убѣждены, что звѣзды—души умершихъ и живыхъ людей¹⁾. Старое вѣрованіе въ звѣзды, какъ души предковъ, отъ которыхъ зависитъ судьба новорожденнаго, никогда не исчезало изъ памяти и сознанія славянъ. Аванасевъ полагалъ, что подъ родомъ и рожаницами подразумевались свѣтила, именно звѣзды; впоследствии, подъ вліяніемъ средне-вѣковыхъ астрологическихъ ученій рожаницы толкуются, какъ планеты. Древнѣйшее представленіе, связавшее рожаницъ съ звѣздами, находитъ прямое и убѣдительное подтвержденіе во многихъ народныхъ вѣрованіяхъ, по которымъ душа понимается въ видѣ звѣзды. Зарожденіе человѣка и его будущность тоже связывались старинными преданіями со звѣздами. Представленіе души звѣздою послужило источникомъ, почему рожденіе и смерть были связаны съ появленіемъ и паденіемъ небесныхъ звѣздъ. Впоследствии, когда фантазія стала всею невидимымъ и таинственнымъ дѣятелемъ придавать живые человѣческіе образы, она создала мифическихъ дѣвъ, которымъ ввѣрила

¹⁾ Веселовскій, Раз. XII, стр. 288—289.

начало и конецъ человѣческой жизни и отъ воли которыхъ поэтому зависитъ сіяніе и паденіе звѣздъ. Эти дѣвы получили божественный характеръ и назывались рожаницами, по вліянію ихъ на рожденіе и судьбу человѣка ¹⁾. Свои воззрѣнія Аванасѣевъ основываетъ на томъ, что славяне—язычники представляли душу огнемъ и звѣздою ²⁾. Блуждающіе на болотахъ и кладбищахъ огни даютъ основаніе къ такому повѣрію. Аванасѣевъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ раскольничьей „Исторіи о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ: „видѣша нѣци отъ жителей столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющъ, и видѣвше разумѣша, яко пустынный ко Господу отыде“ ³⁾. Падающія звѣзды до сихъ поръ почитаются въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти. Другіе увѣряютъ, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, полетѣвшаго за усопшей душой ⁴⁾. Пѣсня сравниваетъ смерть съ падающей звѣздой и угасающей свѣчей: „Упадаетъ звѣзда поднебесная, угасаетъ свѣча воску яркаго, не становится у насъ млада царевича“ ⁵⁾. Итакъ родъ и рожаницы—*γυναικες*—это звѣзды. Это вѣрованіе могло найти откликъ въ литературѣ (въ сознаниі народа всегда существовало) благодаря греческой астрологической литературѣ,—противъ которой боролась церковь. Въ Румянцевской Кормчей XIII в. л. 45 (№ 230) упоминается *звѣздовѣрыць*. Начиная съ XIV ст. среди отреченныхъ книгъ обыкновенно встрѣчаются: астромѣа, звѣздочѣтіа и пр. Къ греческой астрологической литературѣ такъ пришедшейся по вкусу нашимъ книжникамъ, необходимо присоединить западно-европейское вліяніе, распространявшее астрологическія бредни. Это западное вліяніе шло къ намъ чрезъ Новгородъ и Псковъ; ему мы обязаны ересью жидовствующихъ: какъ извѣстно, жидовствующіе учили звѣздозаконію, „по звѣздамъ смотрѣтъ и строить рожденіе и житіе человѣческое“ ⁶⁾. Жидовская ересь развилася у насъ

1) *Аванасѣевъ*. О значеніи рода и рожаницъ. Арх. ист. юр. *Калачова*. II, I, стр. 132—134.

2) *ibid.* стр. 125.

3) *ibid.* стр. 127.

4) *ibid.* стр. 124.

5) *ibid.* стр. 128—129.

6) *Тихонравовъ*. Сочин. I, стр. 244.

въ концѣ XV в. Полагаемъ, что къ XV в. относится перемѣна литературныхъ взглядовъ на родъ и рожаницу: это звѣзды, подательницы счастья—доли, хотя почитаніе предковъ, даже старая рожаничная трапеза остались до нашихъ дней, только самыя имена родъ и рожаницы преданы забвенію. Раньше мы упоминали объ одномъ мѣстѣ въ рукописи Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. „То ти не Родъ, сѣдя воздухъ мечеть на землю груди и в том рождаются дѣти... всѣмъ бо есть Творецъ Богъ, а не родъ“¹⁾. Врядъ ли древній книжникъ имѣлъ здѣсь въ виду миѳъ о Девкаліонѣ и Пиррѣ. Проще здѣсь подъ родомъ понимать звѣзду. Такъ это мѣсто понимаетъ и академ. Веселовскій²⁾. Изъ Иловицкой кормчей видно, что была книга, называемая „Рожденице“. Родословіе и рожаницы отождествляются. „Рожденіе и чсть звѣздочьтне нарицает се иже суть и книги глемые рожденице; въ родословіе рекше рожданице“³⁾. Итакъ рожденіе (*γενεσις*) опредѣлялось по книгѣ *рожденице*; слово рожденице отождествлялось съ родословіемъ—*γενεαλογία*, т. е. рожденіе—рожаница. Рожаницы въ значеніе планетъ встрѣчаются въ Азбуковникахъ, этихъ энциклопедическихъ словаряхъ древней Руси⁴⁾. „Рожаницы—кумиры елленьстїи, ихъ же погани влѣшвениемъ рожденїа нарицаху быти“— „Роженица—стивїе, имъ же си очи утваряху, еже есть чортовъ камыкъ, имъ же мазаху очи и лица“⁵⁾. Стивїе (*στιβη*), которое употребляли въ древности для краски бровей. Брови были подъ особымъ покровительствомъ Юноны—Люцины⁶⁾.

¹⁾ См. прил. № 10, стр. 97.

²⁾ Разв. XIII, Собр. А. И. т. 46, стр. 240.

³⁾ *ibid.* стр. 237, 2.

⁴⁾ *Пыпинъ*. Истор. рус. лит. Изд. 2. 1902 г., ч. 1, стр. 259.—Точнѣе Азбуковникъ былъ реальнымъ словаремъ къ важнѣйшимъ произведенїямъ древне-русской литературы, преимущественно церковной, какъ опредѣляетъ азбуковникъ *Тихомировъ*. Сочин. т. I, стр. 40.—Древнѣйшїй азбуковникъ-словотолкователь помѣщенъ въ Новгородской кормчей 1282 г.; другой по времени подобнаго рода памятникъ найденъ въ списокѣ сочиненїй Іоанна Лѣвстичника 1431 г. Напечатаны *Калайдовичемъ*. Экзарх. Болг., приложение XII и XIII, стр. 193—197. Распространенїе Азбуковниковъ относится къ XVI—XVII вѣкамъ.

⁵⁾ Архив. ист. юрид. свѣд. *Калачова*. II, I, стр. 106.

⁶⁾ *ibid.* Арх. ист. юрид. свѣд. *Калачова*. II, I, стр. 112.

„Роженицы—свято дня рожденія младенца, въ кои же день кто родится, той нравъ и осудь пріемлетъ“¹⁾. „Рожаницами (Моск. Ак. роженицами) еллинстїи (Погодин. прибавл. звѣздословцы) нарицають семь звѣздъ, глаголемыхъ планиты. и хто (Моск. Ак. кто) въ кую планиту родится, то по той планите любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца. или къ коимъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ (Моск. Ак. уклонительны будутъ). И того ради рождынагося (Моск. Ак. рождышимся) яко же они мнятъ в планиту ирисъ (Погодин.—Арисъ) предглаголють быти тяжела правомъ, яра же и гиѣвлива и дерзка в бранехъ. а в планиту эродите (Погодин. Афродиту) рождынагося властолюбца предглаголють быти. и удобна на блудное смѣшеніе: сице и в прочая планиты рождышихся предглаголють нравы, а не хотятъ окаяннїи они звѣздословцы (Погодин. звѣздомъ законницы) разумѣти, яко не по естеству нъ челоувѣцехъ лежитъ злое, но по произволенію. Богъ бо зла не сотвори ни созда, добродѣтели же многи по естеству отъ бога насаждени быша в насъ“²⁾. Въ Азбуковникахъ планиты объясняются такъ: „планиты суть семь звѣздъ, ижъ на аерныхъ седми поясѣхъ, кождо на особомъ поясѣ: 1) Аррисъ, 2) Ермисъ, 3) Зевесъ, 4) Солнце, 5) Афродита, 6) Кронъ, 7) Икати, еже есть луна. Сими звѣздами окаяннїи звѣздословцы мнятъ ся угадывати челоувѣческіе нравы и счастье“. „Зодїями наричють звѣздословцы дванадесять звѣздъ... Сими звѣздами умовреднїи астрологи мнятъ ся угадывати счастья и добродѣйственное и злодейственное житїе челоувѣкомъ“³⁾. Въ одной рукописной астрономїи XVII в. сказано: „когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курча и бесплоденъ“⁴⁾. Рожаница въ словарь Памвы Беренды опредѣлена такъ: „матица, породѣля, пороженница“⁵⁾.—Итакъ, люди грамотные въ XVI—XVII в. подъ рожаницами подразумѣвали планеты.

¹⁾ Ibid. стр. 105.

²⁾ Ibid. стр. 105. Варіанты по Погодинскому Азбуковнику—*Аванасьева*. Поэтич. возвр. III. стр. 320—321 и ркп. Моск. Дух. Акад. № 37—199. Свѣд. о славянск. ркп. Леонида. вып. 2, стр. 371.

³⁾ Арх. ист. юрид. свѣд. *Калачова*. II, I, стр. 181—182.

⁴⁾ *Аванасьева*. Поэтич. возвр. III, стр. 326.

⁵⁾ Статья *Аванасьева*, Ар. ист. юрид. свѣд. *Калачова*, II, I, стр. 181.

люди же простые, не книжные, склонны были видѣть здѣсь звѣзду вообще. Впрочемъ, самое слово рожаница выходило изъ употребленія, вѣроятно, подъ вліяніемъ обличенія духовства, но оставалась память, что у cadaго есть своя звѣзда, свое счастье. Такъ у бѣлоруссовъ сохранилось преданіе, что всякій человѣкъ имѣетъ свою Зирку, которая неотступно находится при человѣкѣ. Зирка—значить—звѣзда и богиня счастья. Зирка появляется на свѣтѣ вмѣстѣ съ человѣкомъ, вотъ почему „рожаница“ истолкована въ азбуковникахъ звѣздою. У румынъ мѣсто богини Зирки занимаетъ духъ Арминдянь, обитающій въ той звѣздѣ, подъ которою рождается человѣкъ ¹⁾. По мнѣнію сербовъ, звѣзда, подъ которою рождался человѣкъ, была обиталищемъ дѣвы судицы ²⁾. Такимъ образомъ рожаница, рожденіе получили значеніе опредѣленія судьбы. Звѣзда отождествлялась съ богиней счастья, или вообще со счастьемъ. По звѣздамъ гадали. Гаданіе по звѣздамъ было извѣстно и южнымъ славянамъ. „Они нарицаются идолопоклонницы, които гледать на звѣзди“, говорится въ болгарской проповѣди XVIII в. ³⁾. Развитие астрологическихъ вѣрованій было у насъ въ XVI—XVII вв. подъ вліяніемъ наплыва идей съ Запада. Въ XVI в. былъ переведенъ Люцидаріусъ ⁴⁾, критическій разборъ котораго былъ сдѣланъ преп. Максимомъ Грекомъ. Въ концѣ XVII в. наша аристократія нерѣдко пользовалась услугами людей, выдававшихъ себя за астрологовъ. Такъ, извѣстно, что боярину Голицину гадалъ по солнцу полякъ Силинъ. О степени распространенности у насъ астрологической литературы можно судить на основаніи индексовъ отреченныхъ книгъ, среди которыхъ есть книги астрологическаго содержанія. Объ этихъ книгахъ мы говоримъ въ главѣ о суевѣріяхъ. Отреченныя книги астрологическаго содержанія, внесенныя въ индексы, представляются въ сущности довольно невинными, приближающимсяъ съ ними знакомствѣ. По большей части это собраніе примѣтъ, изъ которыхъ мно-

¹⁾ *Аванасевъ. Поэтич. возвр.* III, стр. 327—328.

²⁾ *Православн. Собесѣдн.* 1865 г., ч. I, стр. 253—255. Статья „О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи“.

³⁾ *Веселовскій. Раз.* XIII, Сбѣр. Акад. Наукъ, т. 46, стр. 237.

⁴⁾ *Тихонравовъ. Лѣтопис.* т. I, отд. II, стр. 37.

гія и теперь еще живутъ въ народѣ. До настоящей, въ западно-европейскомъ смыслѣ, астрологіи русскимъ было далеко. О героскопахъ врядъ ли многіе у насъ имѣли представленіе.

§ 63.

Обличеніе астрологическихъ вѣрованій. Судьба ихъ.

Астрологія встрѣтила у насъ строгое осужденіе церкви. Противъ астрологическихъ вѣрованій у насъ выступили старецъ Филовей и Максимъ Грекъ. Міровоззрѣніе Филовея въ общихъ чертахъ можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ. Движеніе въ мірѣ физическомъ зависить отъ ангеловъ: бездушныя небесныя свѣтила переносимы отъ ангельскихъ невидимыхъ силъ. Судьба царствъ, странъ и народовъ зависить не отъ звѣздъ, а отъ Божественнаго Промысла, который сохраняетъ ихъ или предастъ гибели соответственно тому, соблюдаютъ ли народы волю Божию. Злые дни и часы Богъ не творилъ. Если бы это было такъ, то Богъ Самъ былъ бы причиной того, что родился злой человекъ¹⁾. Митр. Даніиль (ск. 1539 г.) обличалъ тѣхъ, которые вѣрують „и въ случай, и полученіе, и рожденіе по звѣздословію“²⁾. Это обличеніе сдѣлано подъ вліяніемъ 61 правила Трульскаго собора. Но необходимо думать, что митр. Даніиль боролся съ дѣйствительнымъ современнымъ ему, а не воображаемымъ суевѣріемъ. Болѣе сильное обличеніе астрологіи мы находимъ у Максима Грека³⁾. Доводы преп. Максима сильны и краснорѣчивы. Мы созданы свободными и свободны въ своихъ дѣлахъ—добрыхъ и злыхъ, утверждаетъ преп. Максимъ: „никто надъ нами властитель, развѣ создавшаго насъ, ни ангелъ, ни бѣсъ, ни звѣзда, ни зодій, ни планить, ни колесо фортуны, бѣсы изобрѣтенныя“⁴⁾. Всѣ, исповѣдующіе истинное православіе, да не глаголють хулы, что счастье звѣзодвижнымъ колесомъ однимъ даетъ

1) *Малыинъ*. Старецъ Филовей. 255 стр. и слѣд.

2) Памят. стар. рус. лит. изд. *Кушелева-Безбородка*, вып. IV, стр. 202.

3) О сочиненіяхъ преп. Максима противъ астрологіи у *Голубинскаго*. Ист. рус. церк. 2, I, стр. 687—690.

4) Сочиненія Максима Грека, Казань, 1862 г. ч. I, стр. 441.

власть, другихъ же низлагаетъ и ввергаетъ въ бѣды и несчастія ¹⁾). Вопреки слову Божию и здравому разуму думать, что богатство, слава и саны зависятъ отъ звѣднаго схожденія. Не отъ звѣздъ, зодій и планетъ, но отъ Самого Создателя исходитъ всякое дѣяніе благо ²⁾). Если мы совершаемъ наши поступки подъ вліяніемъ звѣздъ, то поступаемъ въ силу необходимости, слѣд. нѣтъ ни добра, ни зла, и не будетъ послѣ смерти ни награды, ни наказанія; и Самъ Богъ оказывается несправедливымъ, давая однимъ доброе, другимъ скорбное, не управляя и не промышляя о тваряхъ. ВѢра въ астрологію приводитъ къ признанію того, что Богъ причина зла. Но что можетъ быть нечестивѣе сего? ³⁾). Въ Стоглавѣ, глава 41, вопросъ 22, порицается астрологія и перечисляются нѣкоторыя астрологическія и гадательныя книги. Такія же порицанія имѣются въ Домостроѣ ⁴⁾).—Сильныя порицанія астрологическимъ вѣрованіямъ находятся въ „поученіи къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума, и въ наполненіе и въ ветохъ и переходя звѣзды, и во злые дни и часы“ ⁵⁾).

Итакъ, мы видѣли, что церковь ревностно боролась противъ астрологическихъ вѣрованій. Мы не знаемъ, каковъ бы былъ исходъ борьбы. Событія начала XVIII столѣтія, кореннымъ образомъ измѣнившія русскую жизнь, отразились и на взглядахъ на астрологію. Усердно гонимыя церковью астрологическія вѣрованія вдругъ получили права гражданства: говоримъ о Брюсовомъ календарѣ, выходявшемъ съ 1709 по 1715 г. на шести гравированныхъ на мѣди доскахъ. Календарь былъ составленъ библиотечкаремъ, Василиемъ Киприановымъ, Брюсъ же только наблюдалъ за его изданіемъ, и, можетъ быть, ему принадлежало и редактированіе календаря. Въ этомъ календарѣ были изображены круги солнечный и лунный, знаки зодіака съ объясненіями, фазы луны, аллегорическія изображенія стихій, грома, молніи и проч.; кромѣ того помѣщены примѣты разнаго рода, — предзнаменованія времени по планетамъ, предзнаменованіе дѣйствъ на

¹⁾ Ibid. т. I, стр. 878.

²⁾ Ibid. стр. 380.

³⁾ Ibid. стр. 387, 389.

⁴⁾ Домострой, ред. Яковлева, 1887 г. стр. 16, 28.

⁵⁾ Труды правды. Лѣт. рус. лит. и древн. т. V, бѣд. III, стр. 98—103.

каждый день и проч. Въ календарѣ Брюса помѣщаются довольно обстоятельныя свѣдѣнія о вліяніи планетъ на судьбу людей. Есть особая статья: „Описаніе двоюдесяти небесныхъ знаковъ дѣйствъ въ рожденіи человѣческомъ“¹⁾. Календарь имѣлъ исключительный успѣхъ. Память о немъ до сихъ поръ живетъ въ народѣ, какъ о великой волшебной книгѣ. Повидимому, астрологія восторжествовала вполне; то, что прежде подвергалось гоненію и таилось по отреченнымъ и ложнымъ книжкамъ и тетрадкамъ, теперь было напечатано открыто и даже съ царскимъ портретомъ. Но торжество астрологическихъ вѣрованій въ то же самое время было началомъ ихъ гибели. Посѣянныя Петромъ сѣмена истиннаго просвѣщенія въ конецъ подорвали вѣру въ астрологію. Со временъ Петра образованные люди уже не вѣрили въ роковое вліяніе зодіевъ и планетъ. Правда, всякаго рода примѣты и предсказанія продолжали и продолжаютъ помѣщаться въ календаряхъ, но это дѣлалось по старой привычкѣ, больше для развлечения читателей. Уже одно то обстоятельство, что примѣты и предсказанія печатались открыто и вмѣсто преслѣдованія встрѣчали насмѣшку или презрѣніе,—уже одно это способно было подорвать вѣру въ таинственную и запрещенную науку.

Подводя итоги всему сказанному выше о судьбѣ астрологическихъ вѣрованій на Руси, мы должны признать слѣдующее. Есть основаніе думать, что въ доисторическую эпоху среди русскихъ славянъ существовало вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на людей и животныхъ. Это вѣрованіе рука объ руку шло съ вѣрованіемъ въ рожаницъ, которыхъ впоследствии отождествляли съ планетами. Наконецъ и послѣднее вѣрованіе въ XVIII в. стало отходить въ область преданій. Тѣмъ не менѣе обрывки этихъ вѣрованій продолжаютъ существовать и теперь. Какъ мы говорили выше, сынъ спрашивалъ у матери, подъ какой звѣздой она его родила и какимъ счастьемъ надѣлила. Здѣсь двойственность и неопредѣленность убѣжденія очевидна: счастье зависитъ отъ звѣзды и отъ матери. Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., крестьяне убѣждены, что „отъ счастливой матери и дѣти

¹⁾ *Варенскій*. Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. Ж. М. Н. П. 1874 г., № 3, 4 и 5.

родятся счастливыя; доля—счастіе дается Богомъ; многое значить и отъ звѣзды“. Въ этомъ сбивчивомъ и противорѣчивомъ взглядѣ одновременно сказывается и вліяніе христіанства, и вѣра во вліяніе звѣздъ, и вѣра въ наслѣдственность, получаемую отъ матери; въ послѣднемъ случаѣ усматриваемъ остатокъ древняго вѣрованія въ рожаницъ.

Среди образованныхъ слоевъ русскаго общества астрологія не находитъ себѣ сторонниковъ. Съ развитіемъ грамотности и просвѣщенія вѣра во вліяніе звѣздъ исчезнетъ и среди простаго народа.

Н. М. Гальковскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Іюля

№ 13

1915 года.

Содержаніе. Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Совѣта Дергачевской второклассной учительской школы.—Отъ Совѣта Велико-Бурлудской второклассной учительской школы.

I.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи, *Леонидъ Ведринскій*, 23 іюня опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при Трехсвятительской церкви с. Ольшаны, Харьковскаго уѣзда.

2) Сынъ псаломщика, *Иванъ Дмитріевъ*, 25 іюня опредѣленъ на таковое же мѣсто при Покровской церкви с. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

3) Бывшій священникъ, *Анатолій Краснокутскій*, 27 іюня опредѣленъ на таковое же мѣсто при Пятницкой церкви с. Великаго Исторона, Лебединскаго уѣзда.

4) Кандидатъ богословія Московской Духовной Академіи, *Иванъ Ленчинскій*, 25 іюня опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при Успенской церкви с. Барвенково, Изюмскаго уѣзда.

5) Крестьянинъ *Владиміръ Соколовъ*, 25 іюня опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при Крестовоздвиженской церкви с. Кручица, Богодуховскаго уѣзда.

6) Окончившій курсъ Кіевской Духовной Академіи, *Павелъ Мишинъ*, 30 іюня опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви с. Губаровки, Богодуховскаго уѣзда.

2) Перемѣщеніе духовенства.

1) Псаломщикъ Пятницкой церкви с. Великаго Исторона, Лебединскаго уѣзда, *Митрофанъ Запорожченко*, согласно его прошенію, 25 іюня перемѣщенъ къ Архангело-Михайловской церкви с. Малаго Исторона, того-же уѣзда.

2) Псаломщикъ церкви с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда, *Теодоръ Водолетко*, по прошенію, 19 іюня перемѣщенъ къ церкви с. Пашково, того-же уѣзда.

3) Псаломщикъ церкви с. Булавиновки, Старобѣльскаго уѣзда, *Іосифъ Шелуховскій*, по прошенію, 19 іюня перемѣщенъ къ церкви с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.

4) Псаломщикъ Покровской церкви с. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, *Стефанъ Лазаренко*, согласно его прошенію, 18 іюня перемѣщенъ въ с. Рублевку, того-же уѣзда.

5) Діаконъ—псаломщикъ Успенской церкви с. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, *Іоаннъ Вербницкій*, согласно его прошенію, перемѣщенъ къ церкви с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.

6) Псаломщикъ церкви с. Кручика, Богодуховскаго уѣзда, *Петръ Гутченко*, согласно его прошенію, 25 іюня перемѣщенъ къ Троицкой церкви с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

3) О смерти духовенства.

Сверхштатный священникъ Покровскаго Собора гор. Старобѣльска, *Павелъ Мухинъ*, 24 іюня умеръ.

4) О поступленіи псаломщиковъ въ войска.

1) Псаломщикъ Троицкой церкви с. Рѣчки, Сумскаго уѣзда, *Тихонъ Черняскій*, 25 іюня поступилъ въ Чугуевское военное училище.

2) Псаломщикъ церкви с. Губаровки, Богодуховскаго уѣзда, *Алексій Рудневъ*, 30 іюня принятъ на дѣйствительную военную службу.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ Покровской церкви с. Покровской, Ахтырскаго уѣзда, 13 іюня старостой утвержденъ крестьянинъ *Маркъ Корощенко*.

2) Къ Георгіевской церкви с. Лѣсковки, Богодуховскаго уѣзда, 27 іюня—крестьянинъ *Максимъ Ситало*.

3) Къ Введенской церкви с. Нижней Писаревки, Волчанскаго уѣзда, 25 іюня—крестьянинъ *Геремія Полковникъ*.

4) Къ Екатерининской церкви с. Протопоповки, Изюмскаго уѣзда, 27 іюня—крестьянинъ *Михайлъ Ломовъ*.

5) Къ Успенской церкви с. Мотузовки, Зміевскаго уѣзда, 13-го іюня—крестьянинъ *Аванасій Бабаевскій*.

6) Къ Борисо-Глѣбской церкви с. Ведяного, того-же уѣзда, 21 іюня—крестьянинъ *Іаковъ Кривень*.

7) Въ Іоанно-Предтеченской церкви с. Ново-Івановки, того-же уѣзда, 28 іюня—крестьянинъ *Петръ Маренчиенко*.

8) Къ церкви с. Отрады, того-же уѣзда, 30 іюня—крестьянинъ *Десанъ Гаериленко*.

9) Къ Архангело-Михайловской церкви с. Ново-Врасяни, Бушанскаго уѣзда, 14 іюня—крестьянинъ *Геодрогъ Турбатскій*.

Б) Ванантныя мѣста.

Священническія:

При Архангело-Михайловской церкви с. Лимана, Зміевского у.
 При св. Митрофаніевской церкви гор. Изюма.

Діаконскихъ и псаломщицкихъ вакантныхъ мѣсть не ижѣтся.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ сообщаетъ къ свѣдѣнію о.о. завѣдующихъ церковными школами епархіи, нижеслѣдующее распоряженіе Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, отъ 13 іюня с. г. за № 231: „За полнымъ разассигнованіемъ строительныхъ кредитовъ, отпущенныхъ въ 1915 году, ходатайства Епархіальнаго Училищнаго Совѣта о выдачѣ пособій и ссудъ на строительныя нужды церковно-приходскихъ школъ будутъ разсматриваться не ранѣе будущаго 1916 г. при условіи, если будутъ даны новые кредиты по смѣтѣ 1916 г. Въ виду этого Синодальный Училищный Совѣтъ предлагаетъ Епархіальному Училищному Совѣту воздержаться отъ возбужденія новыхъ ходатайствъ о пособіяхъ и ссудахъ на строительныя нужды церковно-приходскихъ школъ“.

Предсѣдатель Совѣта *Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.*

Дѣлопроизводитель *И. Подлучскій.*

Отъ Совѣта Дергачевской второклассной учительской школы.

Совѣтъ школы считаетъ долгомъ дополнительно объявить о льготахъ по воинской повинности, какими пользуются воспитанники, окончившіе второклассныя школы.

—«Молодые люди, окончившіе второклассныя школы, на основаніи 61 ст. уст. о воинской повинности, пр. 4, имѣютъ право на вольноопредѣляющагося 2 разряда и могутъ быть приняты въ школы прапорщиковъ».

Завѣдующій школой, *Священникъ Іоаннъ Кудряцевъ.*

Отъ Совѣта Велико-Бурлудской второклассной учительской школы.

Педагогическій Совѣтъ Велико-Бурлудской второклассной школы доводитъ до свѣдѣнія желающихъ поступить въ школу, что вступительныя экзамены 25—26 августа с. г. Правила для поступающихъ тѣ же, что и въ другихъ такихъ же школахъ. Желающимъ высы-

лается программа. Зданіе самой школы подъ госпиталемъ для раненыхъ воиновъ, а потому до освобожденія корпуса ученики помѣстятся на частныхъ квартирахъ.

Завѣдующій школой, *свящ. П. Лукашевъ.*

II.

Содержаніе. Въ царствѣ современныхъ настроеній и идейныхъ теченій. (Продолж.). *Свящ. М. Служаго.*—О постановкѣ преподаванія геометрическаго черченія въ духовныхъ училищахъ. *И. Гладкаго.*—Епархіальная хроника.—Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ городъ Ахтырку, Ахтырскій монастырь и Серафимовскую общину.—Паломничество „ревнителей святой православной вѣры и благочестія“ изъ города Харькова въ Куряжскую обитель.—Некрологъ.—**Муноперхіальный отдѣлъ.**—Назначеніе викарія.—Прощальный привѣтъ новому харьковскому епарх. миссіон. о. Архим. Митрофану.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Люди-звѣри.—Библиографическая замѣтка.—Объявленія.

Въ царствѣ современныхъ настроеній и идейныхъ теченій.

(Продолженіе *).

8) Чтобы отвлечь народныя массы отъ пагубнаго пьянства и картежной игры, П. Шукинъ представилъ докладъ „*объ оркестрахъ и хорахъ въ деревнѣ*“, какъ средство дать деревнѣ здоровья и облагораживающія развлеченія. По проекту Шукина легче всего организовать оркестры при начальныхъ училищахъ и при курсахъ для взрослыхъ. Оркестры участвуютъ во всѣхъ видныхъ событіяхъ деревни: при освященіи школы, при выставкахъ и т. п. Та же школа должна быть разсадникомъ любви и вкуса, и къ пѣнію, для чего необходима *организация пѣческихъ кружковъ.*

Развитіе музыкальнаго вкуса среди населенія несомнѣнно послужитъ къ пробужденію творческихъ силъ народа въ области благороднѣйшихъ изъ искусствъ—музыки и пѣнія.

Докладчикъ П. Ивановъ рекомендовалъ организацию балалаечныхъ оркестровъ, какъ мѣру, направленную на борьбу за народную трезвость.

Далѣе слѣдовалъ пѣвый рядъ эпизодовъ въ атомъ же духѣ:

9) „*Литературныя праздники*“, имѣющіе цѣлью познакомить народныя массы съ произведеніями родной литературы, а также содѣйствовать развитію любви къ чтенію и литературѣ (д. М. Покровскій).

10) *Къ вопросу о «популярныхъ концертахъ-лекціяхъ»* (д. комиссіи культурныхъ развлеченій).

11) *„О способахъ популяризаціи литературы путемъ внѣшкольнаго образованія“* (д. А. Левитскаго).

12) *„Организація народныхъ лекцій и крестьянскихъ кружковъ въ славянскихъ семьяхъ“* (д. А. Погодина), съ явно выраженнымъ желаніемъ особенно познакомиться съ дѣятельностью чешскихъ просвѣтительныхъ организацій, а также съ работой такихъ же организацій въ русской Галичинѣ и съ дѣятельностью Польской школьной митицы.

13) Н. Савинъ выступилъ съ докладомъ—*„Просвѣтительный кинематографъ, какъ одно изъ средствъ разумнаго развлечения“*, рекомендуя даже и специально дѣтскій кинематографъ. По мнѣнію докладчика, для того, чтобы научный кинематографъ сталъ истиннымъ орудіемъ просвѣщенія, слѣдуетъ сеансы кинематографа сопровождать объясненіями лектора; тогда кинематографическое представленіе переходитъ въ сеансъ-лекцію, наиболѣе продуктивную форму сообщенія научныхъ свѣдѣній и наиболѣе цѣлесообразное научное развлечение.

14) Свящ. о. П. Поповъ выступилъ съ докладомъ въ I секціи—*„по вопросамъ о современномъ состояніи и нуждахъ дѣла устройства разумныхъ развлеченій для народа“*. Докладчикъ, какъ житель деревни, обрисовалъ многіе недуги ея. Съ прекращеніемъ продажи спирта, народъ впалъ въ другую крайность, разоряющую его: появились карты и азартныя игры. Крестьяне многіе проигрываютъ деньги, домашній скарбъ, а многіе даже ведутъ для розыгрыша послѣднюю пару воловъ. Необходимо принять мѣры, способныя отвлечь крестьянъ отъ игры, и это необходимо начать скорѣе, пока порокъ не заразилъ всѣхъ. Лучшей мѣрой, по словамъ докладчика, является: организація систематическихъ чтеній съ фонаремъ; *намедленное* открытіе библиотекъ—читаленъ и устройство при библиотекахъ-читальняхъ кіосковъ для продажи газетъ, книгъ, журналовъ и картинъ. Докладчикъ проситъ о томъ, чтобы пользованіе зданіями школъ было безпрепятственно.

Намъ думается, что теперь особенно благовременно было бы начать религіозно-нравственное просвѣщеніе народа, пользуясь волшебнымъ фонаремъ для иллюстрацій святыхъ мѣстъ, житій святыхъ, а также глубоконазидатель-

ныхъ разсказовъ изъ нашей многопоучительной исторіи церкви и отечества. У насъ вѣдь еще богатѣйшія произведенія духовнаго творчества мало извѣстны народу и вотъ съ этого-то и нужно начинать духовную культуру нашего народа-богоносца, дабы не расшатать, а укрѣпить его христіанское міросозерцаніе.

Далѣе слѣдоваль пѣлый рядъ докладовъ, посвященныхъ театру въ деревнѣ, въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ.

15) Баронъ Н. Дризенъ сдѣлалъ докладъ—*„Нѣсколько мыслей о народномъ театрѣ“*, въ которомъ онъ рекомендуетъ, чтобы исполненіе пьесъ соответствовало художественной сторонѣ репертуара. Репертуаръ долженъ быть вполнѣ литературнымъ и отвѣчать эстетическимъ воззрѣніямъ публики.

16) А. Клепиновъ въ докладѣ—*„репертуаръ народнаго театра“* на первомъ мѣстѣ ставитъ пьесы классическія. Мы только не знаемъ почему Клепинову понадобилась отмѣна спеціальной драматической цензуры для народнаго театра. Не могутъ ли тогда явиться классиками для деревни г. г. Арцыбашевы, Горькіе, Декамероны, Андреевы и т. п.!

17) П. Гайдебуровъ сдѣлалъ докладъ—*„Принципы организаціи народнаго театра“*.

18) В. Русиновъ въ докладѣ *„Народный театрѣ“* отводитъ театру первое мѣсто въ числѣ разумныхъ развлеченій, желая, чтобы народные спектакли давались на разговорномъ языкѣ и въ частности на украинскомъ въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ и чтобы спектакли устраиваемы были при участіи силъ изъ народа.

19) Я. Гриненко въ докладѣ *„Народный театрѣ и ближайшія мѣры къ его развитію“* признаетъ необходимымъ, чтобы кружки сценическаго искусства матеріально были поддерживаемы земствомъ, обществомъ грамотности и правительствомъ.

Далѣе, очень много было посвящено вниманія разнаго рода проектамъ по устройству столовыхъ, чайныхъ, народныхъ клубовъ, гимнастическихъ кружковъ, кружковъ любителей природы и охраны богатствъ ея. Одинъ изъ членовъ съѣзда, Н. Гладышевъ, пріѣхавшій изъ отдаленной Сибири, рисовалъ прелести, получаемыя народомъ, отъ народныхъ празднествъ, гуляній, экскурсій, воодушевленно нарисовавъ

картину о такомъ праздникѣ, бывшемъ въ Читѣ и доставившемъ невѣроятное удовольствіе участникамъ отъ того демократизма, какой наблюдался при этомъ торжествѣ. Все же торжество, какъ потомъ выяснилось, состояло въ томъ, что „демократы“ прошли торжественно по одной улицѣ, а дальше ихъ не пустили. Затраты же на торжество видимо были большія, чѣмъ полученное удовольствіе.

Мы особенно остановили свое вниманіе на перечисленіи означенныхъ докладовъ, чтобы яснѣе нарисовать перспективы грядущаго будущаго просвѣщенія нашихъ селъ и деревень и чтобы обратить вниманіе всѣхъ ревнителей благочестія на крайне сложную скорѣйшую творческую работу по укрѣпленію основъ вѣры и нравственности, которыми грозитъ это торжественное шествіе колесницы просвѣщенія, если эта колесница не будетъ уважать религіозныхъ вѣрованій народныхъ массъ, а безжалостно разрушать религіозно-нравственный бытовое, тысячелѣтній сложившійся укладъ народной жизни. На съѣздѣ очень серьезно подчеркивалось уваженіе къ народному быту, къ духу народной души, и этотъ духъ мы должны беречь и хранить. Если же грядущее шествіе „свѣтоносной колесницы“ не будетъ считаться съ народнымъ духомъ и игнорировать голосъ церкви, то подобное просвѣщеніе принесетъ только развращеніе въ народныя массы, загаситъ лампаду вѣры въ народной душѣ и создастъ такія сумерки и „бездорожье“, отъ которыхъ не мало пошло уже дѣтей города, и въ эти прелести доступны каждому. Но подробнѣе объ этомъ мы еще поговоримъ.

Очень интересны были доклады противъ алкоголизма. Особенно всеобщее вниманіе обратилъ на себя докладъ о вредѣ алкоголя д-ра Флерова изъ Москвы. Это несомнѣнно былъ выдающійся докладъ психіатра, тонко нарисовавшаго всю опасность яда-алкоголя, на всѣ стороны жизни человѣка-физическаго и духовной природы. Выводы этого интереснаго доклада сводятся къ тому, чтобы и государство и общество употребили всѣ усилія изъять этотъ опаснѣйшій ядъ изъ обихода. По словамъ докладчика алкоголь опасенъ даже въ минимальныхъ дозахъ. Всѣ выводы сдѣланы на основаніи строго научныхъ данныхъ, почему они неопровержимы и бѣдительно. Необходимо, чтобы наука боролась съ этимъ ядомъ, а этого до послѣдняго времени и не наблюдалось. О

вредъ алкоголизма нужно читать лекціи въ университетѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ и въ школахъ. Члены I секціи просили докладчика отпечатать свой выдающійся докладъ и шире его распространить. Интересны были тренія разнаго рода ораторовъ по содержанію доклада д-ра Флерова, на что мы обратили особое вниманіе. На этихъ преніяхъ г. г. социаль-демократы были разбиты доводами науки и жизни. Знаменательнымъ является то, что представители крайнихъ лѣвыхъ партій получили публичное разоблаченіе въ ихъ заблужденіи со стороны безпристрастнаго судіи-мужа науки. Когда Флеровъ закончилъ докладъ, сейчасъ же выступилъ г. Ивановъ и началъ свою горячую, страстную рѣчь митинговаго характера о причинахъ пьянства рабочихъ и трудовыхъ классовъ. Главные тезисы этого оратора, не разъ видимо ловившаго публику на митингахъ трескучестью фразъ, жестикуляцій, истерическими криками и выпадами на всѣхъ и вся, сводились къ тому, что русскій рабочій классъ пьетъ потому, что у него нѣтъ политическихъ свободъ, а также пьетъ съ горя и бѣдности. Нужно все это устранить и воцарится въ мірѣ свѣтлая трезвость. На эту же тему и въ такихъ же почти выраженіяхъ лились рѣчи изъ устъ и другихъ „товарищей“, видимо хорошо выучившихъ по трафарету свою роль по переустройству государства на другихъ началахъ.

На всѣ эти трескучія, надоѣвшія съ 1906 г. фразы, избитыя, скучныя полилась спокойная рѣчь докладчика о томъ, что „товарищи“ заблуждаются и заблуждаются глубоко. Въ дѣлѣ отрезвленія народа нужны не политическіе перевороты, а важно возрожденіе психическое. И Франція, и Англія, и Америка, и Швейцарія и рядъ другихъ странъ имѣютъ всѣ политическія свободы, о которыхъ скорбитъ г. Ивановъ и другіе „товарищи“ и однако тамъ пьютъ гораздо больше, нежели въ Россіи и тамъ гораздо труднѣе борются противъ алкоголизма, нежели у насъ. Авторъ доклада привелъ цѣлый рядъ справокъ, которыя совершенно разбили доводы г. Иванова и др. о важности политическихъ условій въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ.

По словамъ г. Флерова г. Ивановъ не правъ, будто бѣдность является причиной пьянства. И богатые вѣдь пьютъ и пьютъ еще больше, хотя не такъ напиваются въ одинъ

пріемъ. И это пьянство руководителей народныхъ массъ особенно важно для жизни окружающаго общества. Евреи многіе живутъ въ ужаснѣйшихъ условіяхъ, гораздо худшихъ, нежели рабочіе классы, не имѣя политическихъ правъ совершенно и однако они не пьютъ, исполняя законъ религіи. Не пьютъ магометане, не пьютъ многіе русскіе люди въ постъ, привыкшіе въ обычное время выпивать. Научныя данныя и въ этомъ отношеніи еще сильнѣе разбили доводы митинговыхъ ораторовъ. Вся рѣчь Флерова указывала и призывала къ возрожденію духовной личности человѣка, какъ къ самому могучему фактору въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ.

Такія рѣчи несомнѣнно оставляютъ самый неизгладимый слѣдъ, почему желательно, чтобы онѣ чаще всюду раздавались. Этотъ докладъ выяснилъ предъ многочисленной аудиторіей всю опасность яда-алкоголя, на ряду съ этимъ г. Флеровъ публично разоблачилъ заблужденія социаль-демократической партіи, напрасно думающей о раѣ трезвости съ дарованіемъ народу политическихъ свободъ. Послѣ доклада Флерова г. г. социаль-демократы уже не рѣшались выступать, ибо трудно было что-либо придумать послѣ выводовъ науки и данныхъ жизни. Это была поучительнѣйшая лекція для г. Иванова и др., которые должны теперь поглубже задуматься надъ этими вопросами.

Интересенъ былъ докладъ по этому же вопросу и Ѳ. Панкратьева—*„Психологія алкогольнаго опьяненія и вытекающая изъ нея возможность бороться съ увлеченіемъ алкоголемъ путемъ устройства разумныхъ развлеченій“*. Главные тезисы этого доклада таковы: существеннѣйшія черты психологій алкогольнаго опьяненія; воздѣйствіе на организмъ человѣка разныхъ ядовъ; алкоголь, какъ источникъ различныхъ удовольствій; и вытекающее отсюда увлеченіе имъ; замѣна алкоголя суррогатами его, стремленіе человѣка быть въ обществѣ, какъ одна изъ причинъ увлеченія алкоголемъ и вытекающая отсюда необходимость дать ему разумное общество.

Цѣлый рядъ докладовъ затѣмъ былъ о томъ, какъ поднять земледѣльческую и др. культуры деревни. Здѣсь также былъ созданъ цѣлый рядъ проектовъ лекцій, опытныхъ полей, дѣятельности агрономовъ.

Нѣкоторые представители сельъ внесли очень цѣнное замѣчаніе на секціи докладовъ по агрономіи, чтобы г.г. агрономы, получающіе солидные оклады, побольше давали практическихъ указаній, а не сводили всю свою дѣятельность только къ теоретическимъ лекціямъ.

Относительно лекцій нѣкоторыхъ агрономовъ мы не можемъ не поскорбѣть о томъ, что эти лекціи нерѣдко устраиваются у насъ въ селахъ и городахъ въ часы богослуженій, что крайне прискорбно. Если же въ такомъ духѣ дѣло будетъ и дальше идти, то пользы мало отъ этого. Агрономы должны относиться съ уваженіемъ къ народнымъ вѣрованіямъ, чтобы и народныя массы съ уваженіемъ относились къ представителямъ знаній полезныхъ. Многіе же изъ народа никогда не пойдутъ на лекцію агронома, если она будетъ начинаться съ ударомъ колокола въ церкви.

Нѣкоторые представители духовенства высказались за то, чтобы агрономы, вмѣсто солидныхъ окладовъ, получали землю для обработки, дабы питаться плодами усовершенствованной культуры и наглядно обучать народныя массы земледѣльческой культурѣ. Это замѣчаніе духовенства очень не понравилось видимо г.г. агрономамъ и они даже выразили протестъ шиканьемъ по адресу внесшаго это предложеніе. А между тѣмъ замѣчаніе очень важное и цѣнное. Если бы въ деревняхъ были эти очаги практической культуры, гдѣ бы агрономъ воочию показалъ плоды научной агрономіи, то вѣдь такой оазисъ въ темной деревнѣ привлекалъ бы вниманіе многихъ и здѣсь бы теоретическія лекціи иллюстрировались наглядными сочными злаками. Роль такой агрономіи была бы продуктивнѣе. Усадьба агронома явилась бы поучительной кафедрой цѣлаго района, сюда бы могли приходять и школьники учиться многому. Теперь же большинство агрономовъ, какъ это заявляли въ кулуарахъ и крестьяне, превратились въ сухихъ ораторовъ-чиновниковъ съ окладомъ въ 3000 руб., перелетающихъ съ одного мѣста на другое. Это не нашъ голосъ, а голосъ многихъ крестьянъ, хлѣборобовъ. Лекціи же ихъ иногда съ агрономіей не имѣютъ ничего общаго.

Таково въ общихъ краткихъ чертахъ содержаніе болѣе выдающихся докладовъ. Изъ перечня ихъ уже видно какая перспектива нарисована этой интеллигентной ратью для ско-

рѣйшаго осуществленія, чтобы наивозможно лучше использовать народный досугъ и заполнить его культурно-просвѣтительнымъ содержаніемъ.

Здѣсь же подробно обсуждались пути и способы практическаго осуществленія признанныхъ желательными мѣропріятій по разсматриваемымъ вопросамъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи и, притомъ, главнымъ образомъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ Харьковской губерніи.

Съѣздъ между прочимъ неоднократно при обсужденіи докладовъ высказывался и о роли государства, органовъ общественнаго самоуправленія, частныхъ обществъ и лицъ въ дѣлѣ организациіи различныхъ развлеченій для народа.

При обсужденіи этихъ вопросовъ не мало было и разнаго рода шероховатостей. Всѣмъ хотѣлось играть доминирующую роль въ дѣлѣ культурнаго просвѣщенія народа. Земцы отстаивали свое право, городъ свое, кооперативы свое, на руководящую роль претендовали и представители рабочихъ классовъ, заявивъ откровенно, что интеллигенція мало сдѣлала въ насажденіи культуры среди рабочихъ классовъ. На эти темы очень много говорилось интереснаго и необходимаго для многихъ. Здѣсь происходило публичное состязаніе на право руководства народными массами. Особенно-же рельефно выдѣлились въ этихъ вопросахъ представители земства и ихъ оппозиція-кооператоры.

Послѣ всѣхъ этихъ тѣневыхъ распрей маленькихъ общими усиліями было провозглашено право всѣхъ живыхъ силъ въ дѣлѣ культурно-просвѣтительной работы. На эту работу призваны: духовенство—руководить религіозно-нравственнымъ отдѣломъ, учителя, врачи, агрономы, земскіе дѣятели и всѣ живыя силы народныя, способныя внести долю труда и таланта въ ту или другую сферу дѣятельности. Изъ цѣлаго ряда предложеній и обмѣна мнѣній вытекало одно—это желаніе объединиться всѣмъ для культурно-просвѣтительной работы. Между вождями разноколиберныхъ партій не было уже обостреній, рѣзкихъ выпадовъ. Жизнь видимо многому научила вождей народныхъ, раньше рубившихъ съ плеча. О фантастическомъ раѣ съ социальнымъ устройствомъ уже не было и рѣчи. Боевики изрѣдка высказывали съ своимъ какимъ нибудь проектомъ, но быстро

остывали послѣ спокойнаго, академически разобраннаго отвѣта со стороны болѣе просвѣщенныхъ друзей.

Теперь уже не страшны были выступленія глашатаевъ-разнаго рода свободъ, такъ какъ эти глашатаи получали отпоръ не отъ консерваторовъ, а отъ своихъ же единомышленниковъ и друзей. Торжествовала жизненная правда, безпристрастный голосъ науки, а не личныя настроенія и упованія.

Мы были поражены, когда замѣчательный ораторъ г. Евдокимовъ призывалъ талантливо, горячо, убѣдительно обратиться къ родникамъ народнаго духа и здѣсь черпать краски, звуки, вопли души, настроенія для творчества.

Вотъ на этомъ то „народномъ грунтѣ“ и нужно создавать культуру. Только изъ нѣдръ народной, кристаллисточистой души, какъ изъ свѣтлаго родника нужно черпать все для великаго творчества. Геній Пушкина, когда загорѣлся на родной землѣ, куда онъ обратился? Къ народу. Онъ призываетъ учиться говорить у московскихъ просвиренъ. Онъ слушаетъ сказки Ирины Родіоновны и заставляетъ насъ эти сказки перечитывать. Геній Муссорскаго собралъ народные звуки и тѣмъ устами Муссорскаго нашъ народъ учитъ музыкѣ культурную Европу. А какая архитектура можетъ сравниться съ нашими соборами XIII вѣка съ старинной живописью святыхъ иконъ, на что теперь обратили вниманіе всѣ выдающіеся таланты художниковъ и архитекторовъ. И какъ талантливо осудилъ этотъ ораторъ—чародѣй современный модернизмъ, кубизмъ и т. п. уродливые наросты.

Въ эти минуты восторженной рѣчи Евдокима не должно-ли было остановить вниманіе всей аудиторіи на самыхъ дивныхъ брилліантахъ и жемчужинахъ народной души—православіи и его святыняхъ, на богатой священной поэзіи нашей церковности! И не являются ли въ духовной жизни нашего народа—богоносца разнаго рода сектантскія заблужденія тѣмъ религіознымъ модернизмомъ и кубизмомъ, которые такъ безпощадно осуждены въ поэзіи, музыкѣ, живописи. Объ этомъ г. Евдокимовъ не говорилъ, но это чувствовалось на основаніи тѣхъ истинъ, какія поэтически вдохновенно изревалъ г. Евдокимовъ. Въ эти минуты повѣяло русскимъ народнымъ духомъ, сказала русская душа. И

какъ въ эти небольшія минуты къ прискорбію, въ этой аудиторіи почувствовалось хорошо, повѣяло роднымъ духомъ. Чуткое сердце народнаго искренняго демагога изливало свои чувства скорби на все то наносное, иноземное, чуждое, что закрыло отъ нашихъ взоровъ родныя красоты, жемчужины и брилліанты. О, какъ бы хотѣлось быть увѣреннымъ, что это были не только пышныя, красивыя фразы, но вопль, крикъ души, вырвавшейся изъ путъ тираніи моднаго либерализма съ его рабствомъ предъ иноземщиной.

Въ этой же аудиторіи выступать въ защиту борьбы съ алкоголизмомъ и извѣстный писатель, другъ и ученикъ гр. М. Толстого—г. Горбуновъ-Посадовъ. Этотъ уже сѣдовласый писатель, одѣтый въ чесунчовую рубаху съ кожанымъ поясомъ, призывалъ всѣхъ къ насажденію трезвости, говорилъ о вліяніи на него гр. Толстого, коснулся въ теплыхъ словахъ сектантовъ и закончилъ свою краткую рѣчь мечтою о скорѣйшемъ дарованіи „свободы совѣсти“, которая одна только способна помочь торжеству трезвости.

Подъ громъ аплодисментовъ сошелъ съ кафедры этотъ оригинальный другъ М. Н. Толстого.

Но тотъ, кто слушалъ цѣлый рядъ другихъ докладовъ, кто проникся глубже настроеніями и идейными теченіями, вылившимися въ рѣчахъ и живыхъ бесѣдахъ, тотъ не можетъ не видѣть того, что этотъ эффектный конецъ рѣчи Горбунова-Посадова является крайне искусственнымъ и припиленнымъ не тамъ, гдѣ-бы слѣдовало.

Вотъ этотъ многолюдный съѣздъ тѣмъ и интересенъ, необыченъ, что на немъ всѣ радѣтели свободъ получили должную оцѣнку отъ своихъ-же интеллигентныхъ и либеральныхъ идейныхъ друзей. Если бы прелести свободы развѣнчивали консерваторы, то это конечно было бы шаблонно. Но вотъ здѣсь то получилось обратное. Идеинные друзья переоцѣнивали и пересматривали свои духовные багажи и довольно мирно расходились. Это было торжество зрѣлой мысли, оцѣнивавшей по достоинству пылкія увлеченія юности.

Рѣчь о свободѣ совѣсти теперь казалась странной потому, что другія свободы подверглись критикѣ при свѣтѣ данныхъ науки и жизни. Политическая свобода, за которую такъ страстно было ухватился г. Ивановъ, какъ за единственный якорь спасенія въ дѣлѣ отрезвленія народа, значитель-

но поблекла красками послѣ того, какъ д-ръ Флеровъ математически доказалъ, что въ странахъ, съ идеально-политическимъ строемъ, пьютъ гораздо больше (Франція, Англія, Швейцарія, Соединенные Штаты) и что борьба съ алкоголизмомъ тамъ гораздо труднѣе. Тамъ пьютъ всѣ, даже и дѣти. Въ штатахъ нѣкоторыхъ вино запрещено въ бутылкахъ, но вы его можете приобрести подъ видомъ книги, въ которой, вмѣсто листовъ для чтенія, хранится влага спиртная для опьяненія.

Съѣздъ единогласно требовалъ закрытія винной торговли, чтобы спасти слабыя души. Вѣдь это уже насиліе и это насиліе, лишеніе свободы одурманиваться научно доказано необходимымъ.

Но если насиліе здѣсь необходимо, если опьяненіе губительно для тѣла и мозга, то вѣдь есть и соблазнительная проповѣдь разнаго рода сумасбродовъ, которая вѣдь тоже опьяняетъ душу такъ, что люди уродуютъ себя физически (скопцы), развратничаютъ (хлысты). Подъ вліяніемъ свободной проповѣди Тираспольскаго Ковалева заживо погребено было 40 семействъ, гдѣ были и дѣти. Подъ опьяненіемъ проповѣди самовлюбленныхъ изувѣровъ, впавшихъ въ духовную прелесть, появилась самосожигатели, прыгуны, изувѣры. Вѣдь не нужно забывать, что и совѣсть то есть разная: сожженная, лукавая. Неужели-же всѣмъ этимъ господамъ можно даровать право губить души людей! Вѣдь мы на съѣздѣ слышали, какія нужно принимать мѣры противъ чумы, холеры, скарлатины, дифтерита. Тамъ пощадъ не должно быть, нужно дѣлать то, что велятъ г. г. врачи и санитары. Почему же духовной заразы не нужно прекращать?... Вѣдь если г. Горбунову-Посадову не нравится православная Церковь, то его вѣдь и не приковали цѣпями къ оградѣ ея, а дали свободу на право входа во всѣ религіозныя общины. И всякому теперь дарованъ выходъ изъ церкви. Но отсюда нисколько не слѣдуетъ, что нужно даровать право свободной пронаганды обращенія разнаго рода скопцамъ, хлыстамъ, самосожигателямъ, разнаго рода изувѣрамъ въ духѣ Ковалева. Вотъ почему на этомъ съѣздѣ этотъ выкрикъ о свободѣ совѣсти г. Горбуновымъ-Посадовымъ не оставилъ никакого слѣда, ибо онъ осужденъ приговоромъ жизни.

противъ него протестуютъ всѣ тѣ могилы, въ которыя безвременно сошли жертвы разнаго рода Ковалевныхъ.

Вѣдь если члены съѣзда всѣ единодушно стремились къ тому, чтобы дать народу высшіе образцы живописи, произведеній литературы, музыки, театральныхъ классическихъ пьесъ, если всѣ сошлись на томъ, что для выбора этихъ чистыхъ зеренъ пшеницы и здоровой духовной пищи необходимо организовать особенное для выборовъ произведеній цензурное бюро и лекціонное бюро, то нельзя ли этой логики придерживаться и по отношенію къ религіозно-нравственнымъ основамъ жизни, которыя должны быть особенно крѣпки!

Если на св. Русь двинется эта армія съ идеалами г. Горбунова-Посадова, то можно себѣ представить то смятеніе, какое должно получиться отъ такого проевѣщенія! И Церковь и Государство и весь многомилліонный русскій народъ теперь особенно должны видѣть богатые духовные плоды православія и какъ преступно въ эти великіе дни, когда льется кровь сыновъ православной церкви, свято исполняющихъ свой долгъ, какъ преступно идеализировать міръ сектантовъ и требовать свободы совѣсти! Этотъ старикъ-писатель видимо чуждъ духу русскаго православнаго народа, чуждъ и переживаемымъ событіямъ. Онъ видимо не слился душою съ народной массой и не знаетъ духа ея! Онъ такъ загнипнотизированъ графомъ Толстымъ и бреднями сектантовъ, что не хочетъ видѣть, какъ жизнь подводитъ итоги и ученію непротивленекому гр. Толстого и сектантовъ.

На этомъ съѣздѣ, конечно, не обошлось и безъ выступления „мазепанцевъ“, потребовавшихъ преподаванія въ школахъ и разнаго рода разумныхъ развлеченій въ духѣ Украины и на малороссійскомъ языкѣ. Подпольные герои видимо почували весну и, не желая слышать грохота пушекъ, и видѣть пирамидъ костей и потоковъ крови, продолжаютъ сѣять рознь между Малороссіей и Великороссіей въ дни, когда особенно сыны всей св. Руси братски облобызались и творятъ великое и святое дѣло на полѣ брани. Авторы этихъ проектовъ, тезисовъ и предложеній видимо совершенно не учитывали ни момента переживаемыхъ событийъ, не вдумывались въ сущность своихъ требованій. Кто же это выступилъ въ защиту украинскаго языка? Мало-

россы? Увы, тѣ, которыхъ если бы заставили произнести свои рѣчи на съѣздѣ—въ Украинѣ, то вѣроятно ни единого бы слова не сказали. Чувствовалась фальшь. Евангеліе теперь переведено на малороссійскій языкъ и его не читаютъ и сами малороссы. Кому же нужны эти выступленія за Украину? сынамъ св. Руси? Нѣтъ. Русскій народъ и малороссы и великороссы должны скорбѣть, что въ эти минуты міровыхъ событій, мазепинцы дерзаютъ выступить съ своими проектами, которые несутъ скорбь Россіи и радость нашимъ врагамъ—австрійцамъ и германцамъ. Какъ штундобаптисты являются авангардомъ нѣмецкихъ пословъ для разоренія нашей отчизны, такъ мазепинцы являются авангардомъ австрійцевъ, созданными и поддерживаемыми на австрійскія деньги.

Въ виду того, что подавляющее большинство совершенно не знакомо съ сущностью мазепинскаго движенія, а также не знакомо съ вдохновителями его и завѣтными мечтами, почему этотъ вопросъ считаютъ мало важнымъ, мы не можемъ здѣсь не коснуться его вкратцѣ, чтобы всѣ видѣли, какіе плоды стремятся многіе члены съѣзда выращивать изъ корней невинныхъ разумныхъ развлеченій въ народныхъ домахъ.

Мечты мазепинцевъ сводятся къ тому, чтобы разбить русское государство и на развалинахъ его, при помощи коварной Австріи, создать самостійну Украину. Что это такъ, объ этомъ лучше всего судить по словамъ Смаль-Стоцкаго, который на съѣздѣ 1912 г. отъ имени мазепинскаго парламентскаго клуба, и „всего украинскаго народа“ сказалъ слѣдующее: *„всѣ надежды „украинскаго народа“ содвинены съ блескомъ Габсбургской династии, на которую вся „украинская“ нація смотритъ, какъ на единственно законныхъ наследниковъ короны Романовской, гасподъ „totius Russiae minoris“... „Украинскій“ народъ возлагаетъ всѣ свои надежды на мощь австро-венгерской монархии и на боепособность австрійской армии“*.

Проф. Двѣстряноскій сказалъ тоже, что „украинцы“ стремятся съ помощью нашего (австрійскаго) правительства исправить ошибку великаго Богдана, а именно, оторвать Украину отъ „москалей“ и основать свое „украинское королевство“.

А вотъ краснорѣчивыя строки кѣвскаго корреспондента на тему о разгромѣ Россіи въ № 249 „Дѣла“ за 1912 г. По его мнѣнію, близко уже время „раздѣла гнилаго колосса“, а поэтому слѣдуетъ вести широкую пропаганду среди мало-русскаго народа въ Россіи, чтобы подготовить его къ приходу Австріи. И если Австрія приметъ мѣры, предложенныя тутъ же авторомъ статьи, „то не только правобережная но и стѣвобережная Украина пойдетъ за ней, и она станетъ твердой ногой въ этой житницѣ Россіи, опершись о Черное море“.

Какъ наши мазепинцы помогаютъ австрійцамъ въ ихъ планахъ коварныхъ, объ этомъ можно судить уже потому, что еще до объявленія Австріей войны Россіи, 21 іюля 1914 г. въ воззваніи „Главной Украинской Рады“ помѣщенъ призывъ—принести въ жертву „все свои матеріальныя и моральныя силы для того, чтобы историческій врагъ Украины былъ разбитъ“, и чтобы „на развалинахъ царской имперіи возшло солнце вольной Украины“.

Теперь весь русскій народъ, истекающій кровью отъ коварной руки нѣмцевъ, долженъ знать, что мазепинцы позволяли себѣ демонстраціи, во время которыхъ предъ германскимъ консульствомъ съ воодушевленіемъ кричали: „да здравствуетъ Германія“, „да здравствуетъ императоръ Вильгельмъ“, „да здравствуетъ Украина“ и „долой Россію“ (№ 169, „Дѣла“).

Мазепинская печать указываетъ, на то, что, если Австрія и Германія „хотятъ навсегда покончить съ русскимъ матеріализмомъ и нанести ему такой ударъ въ самое сердце, чтобы онъ никогда уже не могъ стать на ноги и угрожать Европѣ, то для этого есть единственный способъ: отторгнуть „украинскую территорію отъ русскаго государства и воздвигнуть между Россіей и Европой, въ качествѣ оборонительнаго вала, самостоятельное „украинское государство“ „Дѣло“ № 175).

Это подтверждаетъ и „манифестъ“ Черновецкаго „Народнаго Голоса“ (отъ 19 авг. 1914 г.), заканчивающійся знаменательными словами: „Когда австрійскіе и германскіе полки уничтожатъ московскаго врага, когда въ сердцѣ Украины зашумятъ австрійскія знамена, тогда на трупахъ вражескихъ Московскихъ ордъ возстанетъ Украина“.

Какъ послѣ всего этого больно было слышать въ переживаемые кровавые дни выступленія „украинцевъ“ на съѣ-

здѣ съ проектами, которые болѣе нужны германцамъ и австрійцамъ, нежели намъ. Мы положительно отказываемся понять психологію этихъ украинскихъ ораторовъ, которые какъ насвистанные попугаи, повторяютъ мотивы съ чужого голоса, не видя той перспективы, какая ожидаетъ Россію отъ ссоры родныхъ братьевъ.

Зная всѣ коварные замыслы враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, мы, какъ представители духовенства—вождей народныхъ массъ, всѣми фибрами души протестовали противъ этого на съѣздѣ, но, къ сожалѣнію, остались въ меньшинствѣ при голосованіи этого вопроса въ 1 секціи.

Свящ. Михаилъ Слуцкій.

(Продолженіе будетъ).

О постановкѣ преподаванія геометрическаго черченія въ духовныхъ училищахъ.

„Надо, чтобы каждый умѣлъ рисовать, какъ умѣетъ читать и писать“.

Жанъ-Пьеръ Тено.

Въ программу общеобразовательныхъ предметовъ для духовныхъ училищъ входитъ преподаваніе геометрическаго черченія.

Преподаваніе геометрическаго черченія, какъ самостоятельнаго предмета, имѣетъ въ виду двѣ цѣли—эстетическую и практическую..

Эстетическая цѣль преподаванія геометрическаго черченія сводится къ тому, чтобы возвращать и развивать въ учащихъ вкусъ къ изящному, художественное чутье и силу эстетической воспримчивости. Съ этой стороны геометрическое черченіе является первою ступенью къ рисованію. „Геометрія“, говоритъ художникъ Жераръ-де-Лерась, „служитъ азбукою для рисованія, безъ которой рисованіе будетъ такъ же мало двинуться впередъ, какъ чтеніе или другія науки безъ знанія азбуки“.

Элементарныя формы, встрѣчающіяся въ природѣ,—не что иное, какъ простѣйшія геометрическія формы, а потому обученіе элементарному рисованію и черченію должно со-

стоять въ воспроизведеніи на глазомѣръ и съ помощью инструментовъ геометрическихъ фигуръ, кажущихся очертаній геометрическихъ тѣлъ и эффектовъ ихъ освѣщенія“ 1).

Естественная склонность дѣтей къ наблюдательности, впечатлительность и воспримчивость ихъ души ко всему, что замѣчаетъ ихъ зоркій глазъ, даютъ возможность, сравнительно, нетрудно, путемъ систематическаго введенія учащихся въ міръ основныхъ формъ, вырабатывать художественное чутье и вкусъ. Эти основныя формы необходимо запечатлѣть въ воображеніи учащихся такъ твердо, чтобы они могли быстро и умѣло сравнить съ ними всѣ встрѣчающіяся формы предметовъ и легко могли бы опредѣлить характеръ и величину отклоненія ихъ отъ усвоенныхъ основныхъ формъ, а это, въ свою очередь, будетъ развивать способность находить соотношенія между предметами, которые ежедневно попадаются имъ на глаза и давать соотвѣтственную оцѣнку красоты и правильности ихъ формъ. Сравнительная оцѣнка красоты и правильности формъ окружающихъ предметовъ, способствуя необходимой выработкѣ навыка къ наблюдательности, создаетъ привычку сосредоточеннаго и продолжительнаго вниманія; внимательное и сознательное наблюденіе, укрѣпляясь, переносится на всѣ явленія жизни.

Съ эстетическою цѣлью преподаванія тѣсно связывается цѣль практическая. Практическая цѣль преподаванія геометрическаго черченія должна заключаться въ ознакомленіи учащихся съ геометрическими фигурами и формами и ихъ важнѣйшими свойствами, а также въ выработкѣ и усвоеніи спеціальныхъ приѣмовъ самой техники черченія, въ усвоеніи, достаточномъ для болѣе легкаго, свободнаго перехода къ дальнѣйшимъ, будущимъ спеціальнымъ занятіямъ по географіи, геометріи, тригонометріи, физикѣ и другимъ наукамъ, которыя потребуютъ чертежа. Практическая польза выразится также въ развитіи глазомѣра: глазъ будетъ приучаться

1) Конечно, элементарное рисованіе—черченіе, которое въ настоящее время входитъ въ программу общеобразовательныхъ предметовъ,—ничто иное, какъ простая грамота, доступная каждому дитяти и, какъ таковое, не имѣетъ почти ничего общаго съ живописью, принадлежащею къ области чистаго искусства, хотя и способно пробудить въ талантливой натурѣ стремленіе къ этому искусству.

къ вѣрному и точному опредѣленію мѣры, разстоянія, точно схватывать и запоминать всякія линіи и фигуры, а также будетъ пріобрѣтать умѣніе дѣлать оцѣнку всему этому, рука же пріучится быть ловкою служительницею этого, сознательно видящаго, глаза; глазъ и рука методически и все-сторонне развитые, будутъ правильно воспринимать, запоминать и изящно, красиво воспроизводить ¹⁾).

Методъ преподаванія предполагается аналитико-синтетическій: предложенный преподавателемъ рисунокъ геометрической фигуры или орнамента разбирается на составные элементы ²⁾ съ указаніемъ названія послѣднихъ, а затѣмъ послѣ указанія способовъ сочетанія разсмотрѣнныхъ элементовъ, дается опредѣленіе разсмотрѣнной геометрической фигуры или орнамента. Правда, въ иныхъ случаяхъ дается сперва понятіе о категоріяхъ формъ, подъ которыя должна подводиться каждая отдѣльная форма, а затѣмъ, исходя отъ категорій, объясняется индивидуальность данной формы и шагъ за шагомъ анализируется она. При такомъ пути за отправный пунктъ принимается естественная склонность дѣтей, которая любятъ какъ бы записывать съ помощью рисунка то, что знаютъ о предметѣ.

Сообщеніе учащимся выработанныхъ наукой геометрическихъ аксіомъ, опредѣленій, пріемовъ, по возможности должно выражаться въ отвлеченной формѣ; этотъ пріемъ, съ одной стороны, неизбеженъ, такъ какъ геометрическія опредѣленія по своей сущности отличаются категоричностью, отвлеченностью, а съ другой, — полезенъ, такъ какъ отвлеченное мышленіе, хотя и вращающееся въ данномъ случаѣ въ сферѣ наглядности, рисунковъ и часто необходимыхъ дополнительныхъ объясненій и руководственныхъ указаній со стороны преподавателя, пріучаетъ дѣтей вообще къ отвле-

1) Черченіе, какъ ручное занятіе, служить и для благотворнаго уравниванія физической энергіи учащихся.

2) Наиболѣе цѣлесообразнымъ признается пріемъ, при которомъ преподаватель, объясняя чертежъ, рисуетъ его аккуратно и въ возможно большемъ масштабѣ на классной доскѣ, послѣ чего учащіеся дѣлаютъ то же самое съ помощью необходимыхъ инструментовъ въ своихъ тетрадяхъ; если же найдутся наглядныя пособія, что весьма желательно, то преподаватель демонстрируетъ ихъ предъ учащимися. Полезно также познакомить учащихся съ развѣткой и складываніемъ геометрическихъ фигуръ и тѣмъ, какъ они

ченному мышленію, сужденію. Кромѣ дисциплинирующаго значенія въ умственномъ отношеніи, знакомство съ геометрией, даже въ такомъ элементарномъ объемѣ, какъ геометрическое черченіе, полезно и въ отношеніи языка; „въ отношеніи указаннаго значенія, замѣчаетъ одинъ математикъ, геометрія достигаетъ цѣли въ кратчайшее время сравнительно съ другими предметами преподаванія“¹⁾.

Первые опыты—опыты подражанія—должны быть по возможности точны, необходимо, чтобы учащіеся вполне усвоили образцы своего искусства, хотя бы для этого иногда требовалось нѣкоторое напряженіе ихъ силъ²⁾. Слѣдуетъ остерегаться торопливости (нельзя переходить къ слѣдующему, когда предыдущее не вполне прочно усвоено); остановка дѣлается для того, чтобы хорошо укрѣпить начала (это не задержка, но превосходное сокращеніе), чтобы усвоить послѣдующее легко, быстро, вѣрно.

Вмѣстѣ съ опытами подражанія готовымъ образцамъ нужно заботиться по возможности о томъ, чтобы пробудить у учащихся способность самостоятельнаго творчества, не смущаясь всѣми несовершенствами ихъ твореній, какія могутъ быть неизбѣжны на первыхъ порахъ.

Руководящую нить при выработкѣ этого метода находимъ въ словахъ Песталоцци. „Человѣкъ! подражай дѣйствию великой природы, которая изъ зерна даже самаго крупнаго дерева выгоняетъ сначала одинокій только незамѣтный ростокъ, а затѣмъ уже посредствомъ такихъ же незамѣтныхъ, ежедневно и ежечасно притекающихъ къ нему придатковъ развиваетъ сначала основаніе ствола, затѣмъ основаніе главныхъ вѣтвей и, наконецъ, основанія вѣтвей второстепенныхъ, до послѣдняго сучка, на которомъ виситъ преходящая крона. Прими въ расчетъ этотъ образъ дѣйствія, какъ природа заботится о каждой отдѣльной развившейся

1) Страховъ М. А. Краткій курсъ геометріи. Спб. 1911 г., стр. 3.

2) Жизнь является для многихъ борьбой, часто очень серьезной, и только тотъ можетъ побѣдить, кто рано научится напрягать свои силы; школа обязана работать въ этомъ направленіи, подготовить своихъ питомцевъ къ жизни; и поэтому необходимо требовать отъ учащихся работы, обуславливающей напряженіе ихъ силъ; необходимо научить ихъ понимать, что та работа, которая требуетъ наибольшаго напряженія, которая побуждаетъ наибольшее препятствіе, и есть самая содержательная и благодарная.

части, какъ защищаетъ и какъ связываетъ каждую новую часть съ окрѣпшей жизнью болѣе старой части“¹⁾).

Сообразно съ этимъ взглядомъ упражненія начинаются съ элементарныхъ построений, а затѣмъ предполагается естественный переходъ къ черченію болѣе сложныхъ фигуръ и тѣлъ.

Ошибка должна исправляться наблюдающимъ преподавателемъ, но съ прибавленіемъ замѣчаній, называемыхъ правилами и исключеніями изъ правилъ.

При практическихъ работахъ, учащихся необходимо предупреждать объ обязательно чистомъ, опрятномъ, аккуратномъ исполненіи рисунковъ, а также о симметричномъ расположеніи ихъ въ тетрадяхъ, особенно при выполненіи ихъ начисто; это постоянное требованіе развиваетъ въ учащихся чувство аккуратности, порядка и хорошую привычку всегда располагать свои работы красиво и исполнять ихъ чисто.

Практическія работы производятся при помощи линейки, треугольника, чертежнаго пера, циркуля, транспортира, при чемъ преподаватель обращаетъ вниманіе на то, чтобы учащіеся, примѣняя эти пособія при выполненіи задаваемыхъ имъ работъ, пользовались этими пособіями правильно и умѣло²⁾).

И. Гладкій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Повѣдка Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ городъ Ахтырку, въ Ахтырокій монастырь и Серафимовскую общину.

Въ городъ Ахтырѣвъ, Ахтырскомъ монастырѣ и Серафимовской общинѣ состоялись церковныя торжества, которыя принесли глубокое религіозное утѣшеніе вѣрнымъ чадамъ Православной Церкви. Эти торжества съ совершеніемъ Архіерейскихъ Богослуженій состоялись:

1) Г. Песталоцци. Избранныя педагогическія сочиненія. Перев. В. Самарова, М. 1896 г., т. III, 124.

2) Примѣнительно къ высказаннымъ соображеніямъ, авторъ издалъ „Краткій курсъ геометрическаго черченія“, съ требованіемъ обращаться къ автору по адресу: Тульчинъ, Подгуб. уѣздъ и др.

2 іюля въ Ахтырскомъ Покровскомъ соборѣ, въ день явленія чудотворной Ахтырской Иконы Божіей Матери, 3 іюля въ Ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ день основанія этого монастыря, и 5 іюля въ Казанско-Серафимовской Семиреньковской общинѣ, въ день преобразованія общины въ монастырь.

2 іюля, въ самый день праздника явленія Ахтырской Чудотворной Иконы Божіей Матери, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ, въ сослуженіи Архимандритовъ Аристарха и Автонома, ключаря Харьк. собора протоіеря Л. Твердохлѣбова, настоятеля Ахтырскаго собора протоіеря Г. Бѣлоусова и мѣстнаго духовенства, при участіи протодіакона В. Вербицкаго, была совершена Божественная литургія, въ концѣ которой владыкою было сказано слово о преданности Православной вѣрѣ и завѣтамъ святой старины. А по окончаніи литургіи было совершено праздничное молебствіе съ крестнымъ ходомъ къ часовнѣ, устроенной на мѣстѣ упраздненнаго храма, въ которомъ прежде пребывала явленная Ахтырская чудотворная Икона. По окончаніи богослуженія Владыка, благословивъ всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ, послѣдовалъ въ домъ настоятеля собора протоіеря Г. Бѣлоусова, гдѣ была предложена трапеза. Послѣ трапезы Владыка отбылъ въ Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь, гдѣ въ 6 час. вечера Архіерейскимъ служеніемъ было совершено все-нощное бдѣніе. А 3 іюля, въ 9 час. утра, въ день празднованія основанія монастыря, въ главномъ монастырскомъ Свято-Троицкомъ храмѣ Божественная литургія, на которой Владыка сказалъ слово о спасеніи человѣка благодатію Божіею. Послѣ литургіи было совершено торжественное молебствіе Св. Троицѣ съ крестнымъ ходомъ вокругъ монастыря и осѣненіемъ обители св. крестомъ и иконами.

Въ 5 час. вечера того же дня Владыка посѣтилъ три приходскихъ церкви города Ахтырки: Георгіевскую, Петро-Павловскую и Архангело-Михайловскую, въ которыхъ былъ встрѣченъ прихожанами съ хлѣбомъ-солью, а также причтами, совершившими обычныя краткія молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтій. Въ ветхой деревянной Георгіевской церкви, прихожане которой созидаютъ новый обширный каменный храмъ рядомъ съ старою церковію, Владыка сказалъ наствѣ слово о добродѣтели храмосозиданія, а затѣмъ обошелъ вокругъ и осмотрѣлъ зданіе созидаемаго храма и посѣтилъ домъ настоятеля этой церкви благочиннаго священника Л. Прудяна. При посѣщеніи Петро-Павловской церкви Владыка, видя въ храмѣ раненыхъ воиновъ, сказалъ присутствовавшимъ слово утѣшенія, наставляя ихъ твердо держаться св. вѣры и благочестія, какъ пособ-

никовъ побѣды надъ врагами Отечества. Благословляя присутствовавшихъ въ церкви, Владыка обратилъ особенное вниманіе на раненыхъ воиновъ и, утѣшая ихъ скорбь, обѣщалъ прислать имъ изъ Харькова брошюры для религіозно-нравственнаго назиданія. При посѣщеніи Архангело-Михайловской церкви, обративъ вниманіе на благолѣпіе этой церкви и имѣя въ виду существованіе въ приходѣ сектантовъ-подгорновцевъ, Владыка похвалилъ усердіе прихожанъ къ храму и сказалъ имъ слово о борьбѣ съ врагами спасенія и о подчиненіи въ дѣлѣ вѣры и благочестія авторитету св. Церкви и ея пастырей. Благословляя присутствовавшихъ въ храмѣ прихожанъ и учащіяся мѣстной церковно-приходской школы, Владыка провѣрялъ знаніе молитвъ учащимися, посѣтилъ зданіе церковной школы, гдѣ смотрѣлъ руководѣльныя работы ученицъ и росписался въ книгѣ почетныхъ посѣтителей школы. Затѣмъ Владыка посѣтилъ домъ священника этой церкви В. Иванова и домъ старѣйшаго гласнаго Ахтырской городской Думы И. Н. Милославскаго и прибылъ на ночлегъ въ Ахтырскій монастырь. Утромъ 4 іюля, въ 11¹/₂ час. дня, Владыка, поклонившись въ монастырскомъ храмѣ мѣстнымъ святынямъ, простился съ монашествующею братією и отбылъ въ Казанско-Серафимовскую общину въ сл. Семиреньки. Въ 5 час. вечера состоялся осмотръ приходской Николаевской церкви сл. Семиреньки, Ахтырскаго уѣзда. У церковной ограды Владыка былъ встрѣченъ прихожанами съ хлѣбомъ-солью, а въ храмѣ священникомъ А. Проскурниковымъ съ причтомъ. Послѣ краткаго молебствія, совершеннаго причтомъ, Владыка, обративъ вниманіе на ветхость храма, сказалъ прихожанамъ слово о добродѣтели благоукрашенія храмовъ. Посѣтивъ домъ священника, Владыка возвратился въ общину. Въ 6 час. вечера въ Серафимовскомъ храмѣ общины Архіерейскимъ служеніемъ было совершено всенощное бдѣніе, а 5 іюля, въ воскресенье, состоялось торжество преобразования общины въ монастырь и возведеніе начальницы общины монахини Серафимы въ санъ игуменій. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ монашествующимъ слово о духовныхъ дарованіяхъ и о любви въ обители. Послѣ литургіи Владыкою былъ совершенъ, чинъ освященія новаго монастыря съ крестныхъ ходомъ вокругъ обители. По окончаніи Богослуженія Владыка, облачившись въ архіерейскую мантию, вышелъ изъ алтаря на солею и здѣсь вручилъ новооставленной игуменіи Серафимѣ игуменскій посохъ, какъ символъ дарованной власти, и пожелалъ игуменіи мудраго управленія обителью для спасенія сестеръ подъ покровомъ празднуемыхъ вели-

лихъ подвижниковъ — Аѳанасія Аѳонскаго, Сергія Радонежскаго и Серафима Саровскаго. На обратномъ пути Владыкою были посѣщены приходскія церкви въ сл. Крипичной, Радомлѣ и Тростянцѣ, Ахтырскаго уѣзда, въ которыхъ Владыка былъ встрѣченъ прихожанами съ хлѣбомъ-солью, а также приходскими причтами, совершившими въ храмахъ обычныя молебствія съ провозглашеніемъ положенныхъ многолѣтій. Въ Антоніевской церкви сл. Крипичной Владыка сказалъ прихожанамъ слово о необходимости быть преданными св. вѣрѣ и Церкви для ниспосланія Господомъ русскому воинству побѣды надъ коварными врагами св. Церкви и Отечества и затѣмъ благословилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ. Въ Архангело-Михайловской церкви сл. Радомли Владыка сказалъ слово о служеніи ангеловъ дѣлу спасенія человѣка. Благословляя присутствовавшихъ въ храмѣ, Владыка спрашивалъ молитвы у учениковъ земской школы, а затѣмъ посѣтилъ квартиру священника этой церкви Е. Архангельскаго. Въ Благовѣщенской и Вознесенской церквахъ сл. Тростянца Владыка, имѣя въ виду существованіе въ приходѣ сектантовъ-подгорновцевъ, сказалъ поученія о спасеніи человѣка въ единой, святой Православной Церкви, а не въ тайныхъ, преступныхъ обществахъ и собраніяхъ. Посѣтивъ затѣмъ домъ мѣстнаго благочиннаго священника А. Гончаровскаго, а также домъ строителя мѣстнаго Вознесенскаго храма землевладѣльца Ю. Кенита, Владыка въ 10 час. вечера прибылъ на станцію Смородино для слѣдованія въ г. Харьковъ.

Ключарь Харьк. Кафедр. Собора, *Прот. Л. Твердохлѣбовъ.*

Паломничество „ревнителей святой православной вѣры и благочестія“ изъ города Харькова въ Куряжскую Спасо-Преображенскую обитель.

1915 г. Мая 10—11 дня.

Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ православной вѣры Христовой озарилъ и просвѣтилъ землю Русскую и она богато украсилась святыми обителями, прославленными то святыми чудотворными иконами, то своими выдающимися „старцами“, „схимниками“ — опытными руководителями на пути спасенія души, — православно-русскій народъ съ великой любовью и особеннымъ влеченіемъ своего вѣрующаго сердца всегда совершалъ и доселѣ совершаетъ паломничества — „на бого-

молье“ — во св. обители и св. лавры, какъ тихіе пріюты въ морѣ житейскомъ для страждущей души...

Съ первыхъ же дней весны, этой лучшей поры года, какъ только солнышко своими теплыми живительными лучами согрѣетъ землю и украситъ ее горы, холмы, и доли, и лѣса зеленымъ и пышнымъ нарядомъ и благоухающими коврами цвѣтовъ, уже и можно видѣть, какъ „тихо плетутся“ по большимъ дорогамъ православные русскіе люди „на богомолье“: вотъ они загорѣлые, запыленные, въ лапоткахъ, съ котомочками за плечами, опираясь на палочку идутъ отъ одной обители къ другой; идутъ мужчины и женщины, идутъ преклонныхъ лѣтъ люди и молодые отроки; идутъ „въ-одиночку“ и организуясь въ небольшіе кружки... И больше — „все дѣти труда“, простой народъ... Идутъ въ Кіевъ, въ Троице-Сергіеву Лавру, въ Почаевъ, на Валаамъ, въ Соловки, Саровъ, Дивѣво, Козельщину, Оптину Пустынь, Задонскъ... и многія, многія другія православно-русскія обители, словно яркія звѣзды сіяющія своими святынями по лицу Русской земли... Идутъ, не взирая на дальность и трудность пути; идутъ, не взирая на всѣ неудобства и лишенія, связанные съ такими паломничествами... Идетъ — „народъ богомолецъ“... И для богомолья онъ охотно оставляетъ жилища, свои семьи, прекращаетъ свои обычныя житейскія заботы и дѣла, съ любовью и великимъ терпѣніемъ несетъ „свой подвигъ“, проводя нерѣдко ночи подъ открытымъ небомъ, часто среди голода и холода, по образу нищихъ нуждаясь въ кускѣ насущнаго хлѣба и питаясь нерѣдко „Христовымъ Именемъ“...

Что же побуждаетъ этихъ тружениковъ-паломниковъ ради такого подвига оставлять свои жилища и идти въ далекій путь, проводить ночи подъ открытымъ небомъ, испытывать всѣ выпадающія невзгоды?.. Что такъ сильно влечетъ въ эти паломничества сердца людскія?.. Кажется, не ошибемся, если скажемъ: „жажда Божьей жизни, жажда идеала святости, вѣчно живущая въ душѣ человека, которая по природѣ христіанка“...

Дѣло въ томъ, что какъ ни обремененъ народъ нашихъ грѣхами, какъ ни свирѣпствуютъ въ немъ разные пороки, начиная съ пьянства, но онъ въ лицѣ этихъ грѣшниковъ сознаетъ, что это не настоящая его жизнь, что это — грѣхъ, беззаконіе, отступленіе отъ Бога... Онъ ясно видитъ, что подлинное его счастье, удовлетвореніе духа начинается лишь тогда, когда онъ кается въ этихъ порокахъ, выцывается изъ этой тины грѣха и начинаетъ „жить свято, по“

Божьему», какъ учить жить въра Христова и Церковь православная... И вотъ, какъ полевой цвѣтокъ влечется къ живительнымъ лучамъ солнца, такъ народная душа влечется, тянется къ Богу Живому, къ Его святымъ подвижникамъ, угодикамъ, рвется изъ тьмы грѣха къ свѣтлой Божьей, праведной жизни, и идетъ, идетъ по этому въ отдаленнѣйшіи обители, оставляя все земное, и почитая для себя величайшимъ счастьемъ хоть «глазкомъ взглянуть» на дивнаго Серафима, живущаго свято, или послушать хотя словечко старца Амвросія, приобщиться Св. Танинъ изъ рукъ батюшки о. Іоанна Кропшадтскаго, увидѣть подвижающагося гдѣ либо «Божьяго схимника», послушать «Христа ради блажененькаго», посидѣть у тѣсной пещеры съ малымъ окошкомъ «затворника», выплакать наболѣвшую душу у св. цѣльбоносной раки со святыми мощами, или у св. чудотворной иконы Спаса, Богоматери, Св. Николая, взять песочку съ могилки «блаженной Ксеніи», отслуживъ по ней панихиду, или облобызать тяжелыя, желѣзныя вериги того, кто, спасая душу, Господа ради и маслѣдія Царства Божія, утруднялъ себя этимъ тяжелымъ подвигомъ, «распиная и умерщвляя плоть свою со страстями и похотьми»... О, какое великое успокоеніе, какую усладу обрѣтаетъ здѣсь, у этихъ драгоценныхъ святыхъ истомленная, страждущая душа человѣческая!

«Я грѣшная, окаянная, погрязшая въ суетѣ и пороки,—плачетъ и причитаешь адѣсь кающаяся душа народная,—но я не такъ хочу жить, я тоскую по иной жизни, жизни Божьей, чистой, безгрѣшной, святой, праведной... И мнѣ бы только взглянуть на эту живую святость у живыхъ людей, услышать о ней, на мигъ одинъ прильнуть къ ней»... И вотъ тутъ-то отъ созерцанія величественно-прекрасныхъ образовъ прославленныхъ святыхъ, у ногъ находящихся на подвигѣ живыхъ свѣтильниковъ Христовой правды и благочестивой жизни, подъ сѣнью тихихъ святыхъ обителей, словно съ небесъ незримо и невидимо вливается въ душу паломника благодатное «вѣяніе Духа Божія», которое выпрямляетъ, оживляетъ, бодритъ, укрѣпляетъ слабую и немощную его душу; здѣсь неисчерпаемый источникъ самыхъ лучшихъ помысловъ, самыхъ высокихъ стремленій, отрадныхъ надеждъ, чистыхъ восторговъ, сладкихъ, божественныхъ утѣшеній; здѣсь богатѣйшій божественный родникъ самой живой и крѣпкой силы для дѣланія добра, для борьбы со зломъ, для перенесенія горестей, для преодоленія искушеній... Вотъ почему всегда такъ близки сердцу православно-русскихъ людей паломничества, вотъ по-

чему ими такъ дорожить русскій народъ, почему съ такой любовью къ нимъ православно-русскій народъ всегда относится...

И не даромъ, особенно въ послѣднее время, почти ежегодно стали устраиваться паломничества уже съ цѣлыми тысячами желающихъ на поклоненіе по православно-русскимъ Святѣностямъ... Такія паломничества, мы знаемъ, устраиваются въ Петроградѣ Александро-Невскимъ Обществомъ Трезвости, такія паломничества бывають на Волыни, такія паломничества создались въ Москвѣ по почину священника церкви Воскресенія, что въ Кадашахъ, о. Н. Смирнова; такія паломничества съ многочисленными участниками (до 10 тысячъ!) были при открытіи мощей Св. Іоасафа Бѣлгородскаго, таково бывшее и изъ нашей Харьковской епархіи славное паломничество въ Бѣлгородъ съ чудотворнымъ Песчанскимъ образомъ Богоматери, организованное Архимандритомъ Арсеніемъ... Велико ихъ значеніе въ религіозно-нравственной жизни народа, огромна духовная польза, приносимая ими...

Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ усиленнаго развитія сектантства; упадка вѣры и нравственности, религіознаго индифферентизма, отчужденія отъ церкви интеллигенціи и всеобщаго увлеченія матеріализмомъ до полнаго почти забвенія Бога, неба и назначенія души человѣческой, устраиваемыя ежегодныя паломничества съ цѣлыми тысячами участниковъ въ нихъ, воистину, являются какъ бы живой и могущественной проповѣдью среди людей Самого Божественнаго Спасителя міра; какъ громогласный колоколь, они невольно заставляютъ человѣка остановиться среди суеты земной, присмотрѣться къ своему духовному міру, призадуматься надъ положеніемъ и состояніемъ своей бѣдной души, вспомнить конецъ земного бытія своего и свою послѣднюю участь; они, по нашему мнѣнію, являются самымъ лучшимъ и незамѣнимымъ средствомъ на восстановленіе истовой, живой народной вѣры, на подъемъ духа и высокаго религіознаго настроенія въ народной жизни; они во-очію предъ всѣми являютъ величіе и красоту св. православной матери—церкви, они наилучшее средство къ церковному объединенію всѣхъ отпадшихъ, разслабленныхъ въ вѣрѣ, ушедшихъ отъ Бога, отъ матери—церкви и къ воспитанію народной мощи для борьбы съ врагами государства и религіи; паломничества—это самыя сильные и вѣрные средства въ борьбѣ съ невѣріемъ, сектантствомъ, безбожіемъ, социализмомъ, развратомъ, порочностью, развудачностью и хулиганствомъ, такъ сильно развѣдающими въ наши дни народную жизнь и губящими человѣческую

душу... Вдохновляемые и руководимые заботливымъ и усерднымъ участіемъ въ нихъ пастырей церкви, паломничества, объединяя въ себѣ въ одну дружную братски сплоченную христіанскую семью цѣлыя тысячи православныхъ богомольцевъ всѣхъ возрастовъ, званій, сословій и состояній, представляются какъ бы однимъ тѣмъ великимъ приточнымъ Святелемъ, который, проходя грады и веси и щедро рукою бросая добрыя сѣмена золотой пшеницы на сердца людскія, всѣмъ и всюду несетъ божественный призывъ Христа Спасителя: *«Я есмь путь, и истина, и жизнь... Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни»*... (Іоан. 14, 6; 8, 12). Даѣи Богъ, что бы пастыри церкви вездѣ и всюду, широко и достойно, во славу Господа Іисуса Христа и св. Православной матери—Церкви, пользовались этой богатѣйшей духовной пищей для своихъ духовныхъ чадъ, этимъ незамѣнимымъ духовнымъ средствомъ для поднятія религіозно-нравственной настроенности своихъ пасомыхъ, особенно же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ завелось и угнѣздилось несчастное, убогое, но зловредное сектантство!...

Съ чувствомъ душевной радости хотѣлось бы и намъ подѣлиться тѣми свѣтлыми впечатлѣніями, какія пришлось пережить лично во время такого именно паломничества, бывшаго праздниками Св. Троицы 10-го и 11-го Мая н. г... Въ эти дни, съ Архипастырскаго благословенія и разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія, подъ руководствомъ помощника Епархіальнаго Миссіонера по городу Харькову священника о. Николая Загоровскаго состоялось организованное имъ паломничество всѣхъ «ревнителей святой православной вѣры и благочестія», изъ города Харькова въ Куряжскую Спасо—Преображенскую обитель, отстоящую въ 10 верстахъ отъ города Харькова...

Давно уже въ г. Харьковѣ при Харьковскомъ Домѣ Трудолюбія работаетъ «Кружокъ ревнителей св. православной вѣры и благочестія», открытый трудами почтеннаго Протоіерея о. Петра Свубачевского... Въ послѣднее время этотъ кружокъ сплотилъ и объединилъ въ себѣ довольно многочисленную братскую, христіанскую семью православныхъ слушателей, которые съ усердіемъ (человѣкъ отъ 300 до 500) на каждой недѣлѣ собираются въ Домъ Трудолюбія на пастырско—миссіонерскія бесѣды и религіозно—нравственныя чтенія, участвуютъ въ общенародномъ пѣніи молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, а на особыхъ, такъ называемыхъ «миссіонерскихъ

курсахъ», запасаются и необходимыми познаніями для борьбы съ мѣстнымъ сектантствомъ... Мысль о паломничествѣ предложена была ревнителямъ священникомъ П. Загоровскимъ, взявшимъ на себя трудъ проповѣди и миссіонерскихъ занятій въ Домѣ Трудолюбія; онъ же съ благословенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія, взялъ на себя и организацію всего дѣла паломничества... Во взаимныхъ бесѣдахъ съ народомъ выяснено и рѣшено было: въ виду особо труднаго времени, переживаемаго дорогой родиной, ведущей тяжелую, кровопролитную войну съ звѣроправными врагами нѣмцами, и не менѣе тяжкаго горя переживаемаго Церковью, обуреваемой злымъ натискомъ всевозможнаго вида сектантовъ, было бы весьма благовременно собраться всѣмъ ревнителямъ св. православной вѣры и благочестія въ одну дружную братскую христіанскую семью, и по примѣру благочестивыхъ предковъ нашихъ православно-русскихъ людей, которые въ години постигавшихъ ихъ испытаній всегда искали помощи и утѣшенія у милосерднаго Господа Бога,—сходить на богомолье въ древнюю обитель Куряжскую, чтобы тамъ, достойнымъ образомъ приготовившись, принести Господу раскаяніе въ своихъ вольныхъ и невольныхъ согрѣшеніяхъ, приобщиться Святыхъ, Божественныхъ и Животворящихъ Христовыхъ Таинъ и предъ св. Чудотворной Озерянской иконой Богоматери вознести горячую молитву за Матеръ—Церковь, за дорогую родину, за христолюбивое воинство, несущее свои тяжелые труды и подвиги за спасеніе отечества, а также помолиться и за всѣхъ тѣхъ, кому Господь судилъ положить душу свою за Вѣру, Царя и Отечество на полѣ брани... И съ какою любовью всѣ братья—ревнители приняли и лелѣли въ своемъ сердцѣ мысль о паломничествѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали ея осуществленія, особенно послѣ того, какъ на почтительномъ рапортѣ о семъ священника П. Загоровскаго съ подробнымъ изложеніемъ самаго порядка паломничества Его Высочайшему Преосвященству благоугодно было положить резолюцію: «Благословляю и разрешаю».... Вѣсть о паломничествѣ стала быстро распространяться не только среди ревнителей г. Харькова, но и близъ лежащихъ къ г. Харькову селеній... Всѣ съ радостью ожидали давно желаннаго дня! Усердно готовились. Временемъ паломничества назначены были первый и второй дни праздника Св. Троицы... Къ братьямъ—ревнителямъ изъявили свое желаніе и просьбу: присоединиться и принять участіе въ паломничествѣ члены Харьковского Опаса—Преображенскаго, что на Москвитинѣ, «Общества Трезвости» и члены Харьковского Союза Русскаго Народа... Число паломниковъ по

мѣръ распространія извѣстія о паломничествѣ все больше и больше возрастало... Но вотъ наступилъ и праздникъ Св. Троицы... На первый день праздника къ 4 ч. дня всѣ ревнители собрались, какъ назначено было, въ Спасо—Преображенскую церковь г. Харькова... Храмъ далеко не могъ вмѣстить всѣхъ собравшихся на это рѣдкое духовное торжество; широкая площадь вокругъ храма и всѣ улицы до тѣсноты были переполнены собравшимся народомъ, коего было отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ... Въ 4 ч. дни въ храмъ прибылъ и Высокопреосвященнѣйшій Владыка Архиепископъ Антоній... Въ присутствіи Его Высокопреосвященства старѣйшимъ Протоіереемъ о. Іоанномъ Знаменскимъ въ сослуженіи члена Консисторіи Прот. П. Скубачевского, Благочинныхъ: Прот. П. Вишнякова и Священника С. Уманцева, Смотрителя Сумскаго Духовнаго Училища Прот. К. Селивановскаго, Священника Іоанна Дмитревскаго, Священника Моисея Петрова, Священника А. Сокольскаго, Священника П. Загоревскаго и Священника с. Жихора Іоанна Калюжнаго — совершенно было молебное пѣніе Господу Богу о путешествіи... Весь молебенъ дружно и стройно — съ нѣкоторыми пѣснопѣніями «подъ канонарха» — пѣли паломники, до тѣсноты переполнявшіе храмъ... Высокопреосвященный Владыка лично благоизволялъ прочитать положенную молитву «о путешествующихъ» и въ концѣ молебна обратился къ паломникамъ съ трогательнымъ словомъ назиданія, въ коемъ, привѣтствуя всѣхъ собравшихся¹ на такое рѣдкое духовное торжество Св. православной вѣры и Церкви, и выражая свою радость по поводу столь благовременно задуманнаго добраго и святаго дѣла: «идти на богомолье» въ древнюю св. обитель, чтобы вознести горячія молитвы Царю Царей — Богу Спасителю всѣхъ человѣковъ за родину и христіюбивое воинство въ то время, когда этотъ подвигъ паломничества и эти общенародныя молитвы особенно необходимы, ибо тамъ — далеко, въ освобожденной изъ подъ ига невѣрныхъ-еретиковъ и враговъ нашего отечества Галиціи многихъ мужья, отцы и братья полагаютъ души свои за спасеніе родины и за освобожденіе единовѣрныхъ братьевъ-галичанъ, — призывалъ на всѣхъ Божіе благословеніе, покровъ Царицы Небесной и Ангела мирна, вѣрнаго спутника и хранителя душъ и тѣлесъ человѣческихъ... И когда Высокопреосвященнѣйшій Владыка осѣнилъ склонившіяся головы паломниковъ Своимъ святительскимъ благословеніемъ, дружное и мощное: „исъ полла эти, деснота“ изъ многотысячныхъ устъ паломниковъ было отвѣтомъ на тронувшую всѣхъ до глубины души рѣчь благостнѣйшаго Владыки Архипастыря!..

При торжественномъ трезвонѣ колоколовъ паломники чинно и благоговѣнно двинулись по улицамъ г. Харькова въ путь... Впереди, подъ руководствомъ свящ. Ал. Сокольскаго, несли горящія въ фонаряхъ свѣчи, золотые кресты, хоругви, св. иконы — всё красиво убранное зеленью и цвѣтами... Но главная святыня паломниковъ была — это дивный, братскій Образъ Христа Спасителя изъ Дома Трудолюбія: „Я Свѣтъ міру“ (2 арш. 4 в., Христось Спаситель изображенъ во весь ростъ съ приподнятой благословляющей десницей и съ раскрытымъ евангелиемъ: „Я Свѣтъ міру“) и столь же дивный образъ Св. Угодника Божія Преподобн. Серафима Саровскаго Чудотворца, который братья-ревнителі на добровольные пожертвованія соорудили и несли въ даръ Куряжской Обители на молитвенную память о первомъ подобнаго рода своемъ паломничествѣ... Эти два образа были вставлены съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ величественный кіотъ богато и съ любовью украшенный паломниками зеленью и цвѣтами... Трогательная, душу умиляющая была картина, когда въ приподнятомъ высоко надъ головами восьмитысячной семьи паломниковъ кіотъ тихо и благоговѣнно, словно плыли въ воздухѣ, возвышались эти два дивныхъ образа... Духовнаго восторга и радости паломниковъ описать нельзя... Всѣ въ тысячахъ собравшіяся паломники держали въ рукахъ зелень и цвѣты, на груди у всѣхъ ревнителѣй видѣлись золотые крестики на голубыхъ ленточкахъ... Дружное и мощное пѣніе многотысячныхъ народныхъ массъ оглашало улицы города Харькова, по которымъ въ виду необычайнаго многолюдства совершенно прекратилось всякое движеніе... Пѣли: *«Спаси, Господи, люди Твоя», «Подъ Твою милость прибегаемъ, Богородице Дѣво», «Съ нами Богъ», «Кресту Твоему поклоняемся Владыко», «Святый Боже», «Приидите, поклонимся и припадѣмъ ко Христу», «Елицы во Христа крестистесь»* и много др. На главныхъ улицахъ города число провожающихъ паломниковъ возросло еще болѣе, и картина была еще грандіознѣе... Всѣхъ увлекало и привлекало и красота обстановки паломничества и общенародное пѣніе... Казалось всё слилось въ одинъ дивный и могущественный гимнъ славословія Господу... И чудилось, будто небо слилось во одно съ землей, и какъ никогда особенно здѣсь чувствовалось и переживалось единство Перви Небесной и земной подъ единой Главой Пастыреначальника Господа Исуса Христа... О, какъ хорошо, какъ отрадно было на душѣ!.. Святыни паломниковъ вездѣ встрѣчали съ колокольнымъ звонкомъ во всѣхъ храмахъ, лежащихъ по пути шествія... У Озерянской церкви, что на Холодной горѣ, па-

ломники были встрѣчены при колокольномъ трезвонѣ съ хоругвями и крестами священникомъ о. В. Пономаревымъ. Здѣсь была краткая остановка для молитвы... Во время остановки священникъ о. Іоаннъ Дмитревскій съ особаго возвышенія произнесъ къ паломникамъ краткое, но весьма трогательное слово... «Что собрало васъ, возлюбленные о Христѣ братіе,—взывалъ проповѣдникъ,—на это дивное духовное торжество вѣры и церкви, что собрало васъ въ такомъ большомъ количествѣ, что объединило?.. Много разъ вы уже видѣли и наслаждались духовно всѣмъ извѣстной и всѣмъ дорогой картиной крестныхъ ходовъ; много разъ видѣли вы и эти предносимые св. кресты и хоругви; много разъ вы видѣли и видите и въ храмахъ и дома св. иконы; много разъ вы слышали и слышите и всѣ тѣ молитвы и церковныя пѣнопѣнія, которыя здѣсь поете сами... Итакъ, что же тутъ новаго, что необычнаго? Что привлекло и влечетъ христіанъ въ это святое паломничество?.. И отчего вы всѣ такъ духовно высоко и свято настроены?.. Это — душа наша, братіе, душа — вѣчно жаждущая покоя и спасенія въ Богѣ, душа — по природѣ христіанка. — это она ищетъ сродной для себя обстановки, это она привлекла и собрала васъ всѣхъ сюда, показывая тѣмъ, что вся эта православная обстановка молитвы и вѣры — это ея родная духовная пища, которая не только не нуждается ни въ смѣнѣ, ни въ обновленіи, но безъ которой она не можетъ жить, какъ не можетъ никакое дыханіе въ мірѣ видимой природы жить безъ свѣта солнечнаго... Это — ея жизнь, ея путь къ вѣчнымъ обителямъ Отца Небеснаго... Пойте же громче и сладостнѣе пѣсни во славу Господа Іисуса Христа, питайте богато души ваши на этомъ пирѣ вѣры, и пусть ваши пѣсни достигаютъ небесъ и пусть незримо слетаютъ Ангелы Божіи и съ нами грѣшными на землѣ сославословятъ Господа и пусть «Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается» и пусть вѣчно живетъ и радуется о Бозѣ Спасѣ своемъ»!..

Ревнитель-Паломникъ.

(Продолженіе будетъ).

Некрологъ.

24 Іюня въ 11 ч. утра волею Божіею внезапно скончался уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ по Старобѣльскому уѣзду—Священникъ Павелъ Дмитріевичъ Мухинъ—38 л. Починившій прослужилъ въ означенной должности лѣтъ 6 и за это, сра-

внимательно короткое время, съумѣлъ снискать къ себѣ общую любовь и уваженіе. Въ обращеніи своемъ онъ былъ одинаковъ ко всѣмъ, всегда ласковый, добрый и отзывчивый. Мнѣ, пишущему эту скорбную вѣсть, случайно пришлось попасть на погребеніе добраго товарища. 25-го въ 5 ч. вечера былъ совершенъ выносъ тѣла въ соборъ, 26 послѣ Божественной литургіи въ 11^{1/2} ч. началось погребеніе и окончилось въ 5^{1/2} ч. вечера. Въ погребеніи участвовало до 30 священниковъ и 6 діаконовъ. На погребеніи было сказано надгробное слово священникомъ Георгіемъ Грековымъ. Въ своемъ словѣ свѣщ. Грековъ указалъ на несвоевременную кончину усопшаго, жизнь которому впереди улыбалась, но волею Вожеію внезапно прервалась. Прекрасное, исполненное задушевнаго тона было сказано слово о. Предсѣдателемъ Уѣзднаго Отдѣленія Протоіереемъ Гавріиломъ Поповымъ. Это была живая, словесная бесѣда съ усопшимъ и слушателями. Въ основаніе рѣчи были взяты слова надгробной пѣсни: „Придите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему“. „Не хочется вѣрить, говорилъ проповѣдникъ, умъ отказывается работать при видѣ этого гроба и одно только сердце чувствуетъ большую утрату. Совершилось ужасное дѣло; человѣкъ еще молодой, жизнь котораго въ послѣднее время сложилась повидимому счастливо, вдругъ невидимой страшной рукой умерщвляется. Одно лишь утѣшеніе, что Господь уготоваетъ почившему мѣсто въ обителяхъ Отца Своего Небеснаго“. Затѣмъ о. Протоіерей сдѣлалъ подробную характеристику почившаго: его корректное отношеніе къ другимъ, его ласковое отношеніе къ учащимъ и учащимся, его усиленныя заботы о семьѣ своей и родныхъ, а главное указавъ на его религіозность—особенную любовь и уваженіе къ празднику Цокрова Пресвятыя Богородицы. Погребеніе отличалось особенною торжественностію и величіемъ по внѣшнему виду, а по внутреннему содержанию—трагизмомъ, поражающимъ все существо слушателя. Уже одно участіе до 30 священниковъ и 6 діаконовъ,—не есть ли это величественная картина? А пѣніе священниками, діаконами и псаломщиками почти всего погребенія? О. умилительно—трогательное пѣніе! А чтеніе священниками по очереди ікосовъ съ запѣвомъ аллилуіа, особенно съ чувствомъ и душевною настроенностію исполняемое,—это душу захватывающій моментъ. О дивна и непостижима церковная поэзія и музыка!

Послѣ погребенія, печально—ведичавое погребальное шествіе, направилось въ мѣсто почиванія усопшаго—въ женскій монастырь. Во время этого шествія соборный хоръ пѣлъ, ирмосы великаго канона: Помощникъ и Побровитель, а священники по очереди читали

св. Евангеліе. У воротъ монастыря погребальную процессію встрѣтилъ хоръ монастырскій во главѣ съ игуменіей монастыря. Хоръ монастырскій прошѣлъ литію, послѣ чего гробъ былъ взятъ священниками и при колокольномъ звонѣ во вся былъ обнесенъ одинъ разъ вокругъ церкви. Передъ опусканіемъ въ могилу одинъ изъ учителей церковной школы сказалъ краткую рѣчь, въ которой выразилъ особенную благодарность и признательность къ почившему отъ лица всѣхъ учащихся за его гуманное обращеніе и теплую отзывчивость къ нимъ. На гробъ были возложены вѣнки: отъ жены и дѣтей, отъ Уѣзднаго Отдѣленія, отъ братьевъ, сестеръ и учащихся въ школахъ. Послѣ погребенія въ квартирѣ покойника была предложена трапеза, за которой всѣ не пришедшіе въ себя еще послѣ такой неожиданной смерти, находились какъ бы въ недоумѣніи.

О дивны и непостижимы судьбы Твои, Господи!

Миръ праху твоему, добрый товарищъ, другъ и сорботникъ на нивѣ народнаго образованія. Да упокоитъ и уготоваетъ тебѣ мѣсто Господь въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца Своего Небеснаго.

Священникъ Владиміръ Краснокутскій.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Недавно состоялось назначеніе викарія Волынской епархіи, епископа Острожскаго Гавріила на Челябинскую кафедру. Удрученное переводомъ дорогаго владыки духовенство устроило ему весьма торжественные проводы. Русское общество г. Житомира преподнесло преосвящ. Гавріилу слѣдующій адресъ:

«По волѣ Божіей, вы уходите отъ насъ на новое служеніе Церкви Христовой, но всегда мы будемъ съ вами въ духовномъ единеніи, ибо во всѣ моменты нашей жизни духовной и общественной, вы были съ нами и не словами, а дѣломъ выражали свое участіе.

Вы оставляете въ насъ неизгладимую память не только, какъ святитель Церкви, но и какъ руководитель нашъ въ общественныхъ дѣлахъ. Какъ святитель, вы приобрѣли повсемѣство на Волыни извѣстность строгаго блюстителя церковнаго устава въ богослуженіи, и въ то же время, радѣтеля о благолѣпн службѣ, введеніемъ общенароднаго пѣнія въ церкви. За каждой службой вы поучали насъ вдохновеннымъ, всегда искреннимъ словомъ. И мы, богомольцы, въ

самыя тяжелыя минуты нашей жизни всегда находили въ этомъ храмѣ духовное и нравственное утѣшеніе.

Явившись на Волыни послѣ пережитой нашей родиной смуты, вы стали объединителемъ русскихъ православныхъ людей здѣсь, въ Житомирѣ. Вы не слѣдовали космополитическому правилу объединенія всѣхъ, ибо какъ не можетъ быть единенія между овцами и волками, хотя-бы въ овечьей шкурѣ, такъ въ общественно-политическомъ смыслѣ не можеть быть мѣсто объединенію искренно-вѣрующихъ съ людьми, только именующими себя православными.

За все дальнѣйшее ваше пребываніе на Волыни вы всегда были въ союзѣ съ русскими людьми, одушевленными однимъ свѣтомъ вѣры православной и однимъ чувствомъ непоколебимой любви къ Царю и родинѣ. Въ частности русское благотворительное общество всегда находило въ васъ твердую поддержку щедрого жертвователя, а дѣти, питаемая обществомъ, чувствуя вашу добрую душу, забывали вашъ высокій санъ и всегда окружали васъ тѣснымъ кольцомъ, высказывая каждый свои дѣтскія нужды и радости.

За все это, за все сдѣланное вами для прославленія Церкви православной и русскаго дѣла на нашей окраинѣ, мы, смиренныя богомольцы и искренніе почитатели ваши, отъ всей души и сердца благодаримъ васъ, дорогой владыко, и просимъ принять отъ насъ этотъ св. образъ Царицы Небесной. Да охранитъ онъ васъ повсюду. Усердно молимъ Всевышняго, да укрѣпитъ Онъ ваши силы на новыя труды ко благу православной Церкви и ея чадъ на многая, многая лѣта».

Адресъ заключенъ въ папку и покрытъ многочисленными подписями.

Преосвященный Гавріиль неоднократно посѣщалъ Харьковъ и совершалъ богослуженія. Въѣздъ съ преосвящ. Елисаветградскимъ Прокопиемъ онъ служилъ въ Харьковѣ 8-го Іюля.

Прощальный привѣтъ новому харьковскому епарх. миссіон. о. Архим. Митрофану.

«Добрая дѣятельность о. Митрофана, пишетъ П. К. Л. въ „Волынск. Еп. Вѣд.“, несомнѣнно оставитъ свой неизгладимый слѣдъ въ жизни и исторіи Волыни и дастъ Богъ, послужитъ урокомъ и на послѣдующее время—время живого и неотложнаго дѣланія въ церковной стихіи; устройства жизни на церковныхъ началахъ,—дѣлъ христіанской поддержки, дѣлъ любви и милосердія, дѣлъ вѣры и совѣсти. Гроза войны осыпала воздухъ, окропила русскую землю благодат-»

нымъ дождемъ, согрѣла се небывалою теплотою молитвы, пламенной, любви къ отечеству и своему брату.

Предстоитъ необъятный трудъ къ сохраненію народной самостоятельности, къ обезпеченію того сильнаго *русскаго* корня, который далъ такой богатый и пышный плодъ высокой духовной культуры, несокрушимой военной мощи и великой христіанской человѣчности, изумившихъ весь міръ. И въ такую то пору, когда русская жизнь, жаждущая обновленія и народнаго творчества, пойдетъ по новому руслу, Волянь лишается одного изъ своихъ сильныхъ духовныхъ вождей. Но такъ видно воля Божія! Въ Харьковѣ ждетъ о. Митрофана, какъ самъ онъ на прощанье говорилъ, болѣе тяжкая работа въ средѣ пока незнакомой и среди людей невѣдомыхъ... Богъ ему въ помощь!

30 мая (1914 года) распрощался съ Волянью Архіепископъ Антоній, 31 мая (1915 г.) направилъ свои стопы на новое мѣсто служенія о. Митрофанъ по любимому—проторенному и протоританному пути—Житомирско-Овручскому тракту, по новой желѣзной дорогѣ. Еще разъ глянулъ онъ на знакомыя мѣста... Крошня, Черняховъ, Андрусовъ, видимыя изъ окна вагона, а въ сторонѣ отъ дороги (вспоминалъ о. Митрофанъ) Вильскъ, Пекарщина, Бежевъ, Горошки, Дашинка... тамъ церковь освящалъ, тамъ курсы устроилъ, тамъ съ штундистами бесѣдовалъ, тамъ за братской трапезой, въ кругу друзей, жадно ловившихъ каждое слово о. Митрофана, дѣлился онъ своими впечатлѣніями, рѣшалъ запросто злободневные вопросы.

Не любилъ о. Митрофанъ помпъ и церемоній, не желалъ, чтобы его и провожали, а потому крѣпко держалъ въ секретѣ день своего отъѣзда. Но Житомирскіе друзья уловили моментъ—почтили скромною прощальною трапезою, напутствовали добрыми, участливыми, привѣтливыми благожеланіями, украсили грудь его драгоценнымъ крестомъ для запечатлѣнія его крестоноснаго миссіонерскаго подвига на Воляни и въ благословеніе на великую, идейную, созидательную работу въ другой Епархіи, которую все сильнѣе и сильнѣе скрѣпляютъ и единятъ съ Волянью люди близкіе, родные духомъ, любовью, вѣрою и молитвою, хранители и блюстители Евангельскихъ началъ истины, мира и любви, *выразители и проводники той великой мощной нравственной силы, которою крѣпка наша Русь Святая, нашъ боюносный русскій народъ.* Сила эта творитъ силу, вызываетъ силу, начинается въ міръ нравственныхъ соотношеній.

Да ширятся на Воляни эта богатырская сила, да единитъ идейныхъ тружениковъ въ дѣланіи добра, а Богомудрый Архiepастырь

Антоній и любвобильный о. Митрофанъ и издалека пространственнаго молитвою, любовію да окрѣпляютъ и вдохновляютъ и Волинское братство—духовную рать. Съ Волинью связаны они неразрывными узами и дорогими нитями.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Люди—звѣри.

(Замѣтка военнаго священника съ Кавказскаго фронта).

Осторожно и тихо двигается авангардный казачій отрядъ по непривѣтливымъ и горнымъ мѣстамъ дикой М.-Азіи. Съ горы на гору приходится дѣлать ему переходы, иногда настолько затруднительные для людей и лошадей, что невольно удивляешься выносливости тѣхъ и другихъ. И какъ отрадно и пріятно бываетъ отдохнуть и полежать казаку на зеленой травѣ, а лошаdkѣ пощипать ее, когда на пути, среди горъ и скалъ, встрѣтится хоть небольшая лужайка. Болѣе половины пути сдѣлалъ уже отрядъ къ мѣсту своего назначенія—городу П., который, какъ предполагалось, занять былъ противникомъ, подъ начальствомъ своего вождя Гуссейна-Паши, а потому необходимо было сдѣлать привалъ, чтобы дать возможность отдохнуть и подкрѣпить силы людямъ и лошадямъ предъ предстоящимъ дѣломъ. По словамъ развѣдчиковъ, въ нѣсколькихъ вѣрстахъ отъ города П. начиналась долина, гдѣ и рѣшено было остановиться. Дѣйствительно, съ послѣдняго горнаго перевала предъ нашими глазами открылась чудная равнина, покрытая сочной травой и бросаемая рѣчкой. Повеселѣли наши казаки-удальцы, предвкушая сладость отдыха послѣ долгаго пути, зафыркали отъ свѣжаго воздуха лошадки. Но среди зелени взоры всѣхъ невольно привлекали къ себѣ какіе-то бѣлые, блестящіе на солнцѣ, предметы. Трудно было издали опредѣлить что это такое, и только подвѣхавши ближе, мы увидѣли, что роскошная растительность обогрета кровью человеческою, а бѣлые предметы—ничто иное, какъ голые трупы звѣрски изувѣченныхъ и убитыхъ Армянъ. Видали казаки всякіе виды, каждому изъ нихъ приходилось бывать въ лихихъ схваткахъ съ неприятелемъ и въ честномъ бою уничтожать десятки враговъ, но при видѣ этихъ изуродованныхъ труповъ, и сердца закаленныхъ воиновъ дрогнули и съ устъ многихъ сорвалось негодование по адресу убійцъ: „вотъ, анафемы, называются людьми, а хуже звѣрей уничтожаютъ людей“.

Да и было отъ чего прійти въ негодованіе при видѣ 120 труповъ, изъ которыхъ многіе были обуглены и наполовину сожжены, такъ что кожа и тѣло были уничтожены огнемъ до костей, у иныхъ были сквозныя огнестрѣльныя раны въ голову, и въ сердце, многимъ перерѣзали горло такъ, что голова едва держалась у туловища. Неподалеку отъ труповъ Армянь лежали два трупа, хотя тоже совершенно голыхъ, но по бѣлизнѣ кожи и по очертаніямъ лицъ отличавшихся отъ первыхъ, и въ нихъ были опознаны русскіе солдаты, взятые, очевидно, въ плѣнъ въ одномъ изъ боевъ, при чемъ въ мысли о принадлежности ихъ къ русскимъ убѣдили черныя бляхи отъ солдатскихъ поясовъ, брошенные, быть можетъ, съ намѣреніемъ у труповъ. По предложенію командира полка, надъ послѣдними мною былъ совершенъ обрядъ погребенія и тѣла ихъ преданы были землѣ.

Съ тяжелымъ чувствомъ двинулся отрядъ дальше и многіе казаки вслухъ высказывали свои мысли: „вотъ какъ понадаться въ плѣнъ къ Курдамъ; нѣтъ, ужъ лучше имъ живымъ въ руки не отдаваться—все равно замучать!“. Трудно судить о томъ, кто болѣе виноватъ въ вѣковой враждѣ Курдовъ и Армянъ, и ихъ взаимномъ уничтоженіи, такъ какъ, при дальнѣйшемъ слѣдованіи отряда, приходилось видѣть и такія картины, которыя въ свидѣльствуютъ о звѣрствѣ самихъ Армянъ надъ Курдами, но поступокъ послѣднихъ съ плѣнными русскими вполне оправдываетъ создавшееся о нихъ мнѣніе, что это не люди, а звѣри, и недаромъ многіе изъ казаковъ задавали мнѣ вопросъ: „не въ этихъ ли мѣстахъ жилъ братоубіецъ Каинъ и не его ли это, проклятое Богомъ, потомство?“.

Временный Священникъ

1-го Лабинскаго, генерала Засса, полка *Теодоръ Татаринъ*.

Библиографическая замѣтка.

Передъ нашими глазами находятся брошюры А. Тихомирова, извѣстнаго апологета религіи и ученаго поборника христіанскаго религіознаго міровоззрѣнія, содержаніе которыхъ было въ разное время предложено авторомъ въ качествѣ чтенія для рабочихъ въ Москвѣ, въ Историческомъ Музѣ.

Статья подъ названіемъ: *«Положеніе челоѵка въ природѣ»* (51 стр. 30 коп.) направлена противъ дарвинистическаго ученія о происхожденіи различныхъ формъ животнаго царства и, въ частности, челоѵка; вызвана она, повидимому, появленіемъ сочиненія Мечникова

«О природѣ человѣка» и его категорическимъ утвержденіемъ, что если дѣйствительно нельзя жить безъ вѣры, то этой вѣрой должна быть вѣра въ могущество науки.—Авторъ нашъ опровергаетъ основное положеніе дарвинизма относительно того, что появленіе на землѣ все болѣе и болѣе усовершенствованной организациі, появленіе, наконецъ, самого человѣка есть случайный результатъ борьбы за существованіе, происходящій въ животномъ царствѣ, и утверждаетъ то основное положеніе свое, что только внутреннія силы, вложенныя въ животныхъ и растенія при ихъ созданіи, могутъ или оставлять ихъ безъ измѣненія, или же порождать у нихъ новыя черты строенія и новыя привычки, отмѣчаетъ также ту главную ошибку дарвинизма, что онъ обращаетъ очень много вниманія на внѣшнее сходство и не замѣчаетъ внутренняго различія, говоритъ лишь о вмѣстилищѣ жизни, а не о самой жизни, о помѣщеніи живущаго, а не о самомъ живущемъ. Несомнѣнно, что тѣло человѣка можетъ быть сравниваемо съ тѣломъ животныхъ, могутъ быть сравниваемы и чисто физиологическіе процессы, совершающіеся въ тѣлѣ человѣка и животныхъ, но во всей своей совокупности жизнь человѣка и животныхъ не сравнимы, а потому не можетъ быть и рѣчи о кровной связи человѣка и животныхъ. Замѣчая поразительное сходство зародышей различныхъ животныхъ въ первое время ихъ развитія, мы не имѣемъ еще основанія утверждать, что отличій не существуетъ и въ дѣйствительности, вѣрнѣе думать, что мы не умѣемъ или не имѣемъ возможности найти здѣсь то различіе, которое рѣзко бросается намъ въ глаза у зародышей старшаго возраста. Иначе мы никоимъ образомъ не могли бы понять, какъ изъ этихъ столь сходныхъ живыхъ тѣлъ могутъ получиться совершенно разнородныя животныя. Напрасно указываютъ дарвинисты въ подтвержденіе своего ученія на хозяина, который путемъ искусственнаго отбора можетъ изъ дикихъ животныхъ дѣлать породистыхъ: и въ хозяйствѣ человѣка никакого перерожденія низшихъ растеній и животныхъ въ высшія не происходитъ, человѣкъ не создаетъ, а лишь выводитъ сорта растеній и породъ животныхъ. Несправедливо также утвержденіе, будто борьба за существованіе производитъ измѣненіе вышняго вида животныхъ: дѣлаетъ въ полярныхъ странахъ медвѣдя бѣлымъ, чтобы онъ могъ лучше подстергать добычу, зайца и некоторыхъ птицъ заставляетъ мѣнять свой обычный пѣтъ на бѣлый, для того чтобы спасти свою жизнь. Природа проявляла бы въ этомъ странное противорѣчіе (одновременно помогала бы и нападающимъ и спасающимся), и это утвержденіе не соответствуетъ дѣйствительности, такъ какъ существуетъ много видовъ животныхъ, не пользующихся такимъ покровительствомъ природы и не спо-

собныхъ къ такимъ измѣненіямъ. — Последнія страницы статьи посвящены опроверженію смѣлаго и несомнѣтельнаго мнѣнія Мечникова, будто между животными и человѣкомъ существуетъ «кровное» родство въ буквальномъ смыслѣ этого слова, подъ которымъ разумѣется одинаковая реакція, даваемая кровью человѣка и вышшихъ обезьянъ. Но почему же, говоритъ нашъ авторъ, этой родственной реакціи не даетъ кровь быка и барана, которые дѣйствительно родственны между собою и состоятъ «лишь въ разныхъ родахъ одного и того же семейства ?отряда парнокопытныхъ млекопитающихъ»? Почтенный авторъ остроумно пронизываетъ надъ Мечниковымъ, по поводу его желанія удалить изъ человѣческаго организма будто бы лишніе органы, (червеобразный отростокъ, слѣпую и даже толстую кишку). Если животное и можетъ иногда обходиться безъ нихъ, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что эти органы ему совсѣмъ и не нужны: «Есть голые гады, которые дышатъ жабрами, легкими и кожей, есть далѣе голые гады, которые, не имѣя во взросломъ состояніи жаберъ, дышатъ только легкими и кожей (напр. наши лягушки и тритоны), а есть въ Америкѣ и такіе голые гады, которые въ взросломъ состояніи не имѣютъ ни жаберъ, ни легкихъ и дышатъ одной лишь кожей. Бому же изъ зоологовъ придетъ въ голову мысль утверждать, что у гадовъ, дышащихъ кожей и легкими, послѣднія представляютъ собою лишніе органы. (Извѣстно, напр., что если лягушку держать въ сухомъ мѣстѣ и такимъ образомъ лишить ее возможности кожного дыханія, она скоро задохнется, такъ какъ легкія у нея сравнительно разбиты слабо и однихъ ихъ для дыханія мало). «Если тѣло человѣка произошло путемъ наибольшаго совершенствованія, то какъ же онъ, самое высшее живое существо, вышелъ въ концѣ концовъ такимъ, что долженъ самъ себя передѣлывать? Если міръ, какъ это думаетъ Мечниковъ, очевидно не признающій всемогущаго Творца, созданъ самъ собою, то мы должны считать самый міръ разумнымъ, ибо иначе мы уже ничѣмъ не могли бы объяснить себѣ ту дивную гармонию мірозданія, которой не признавать мы не можемъ. Если человѣкъ призванъ своимъ разумомъ исправить то, что создано разумомъ самого міра и слѣдовательно разумъ человѣка призванъ стать выше создавшаго его самого разума, то спрашивается: гдѣ же источникъ силы человѣческаго разума?» — Логическая нелѣпость дарвинизма очевидна. Высокопочтенный авторъ высказываетъ сожалѣніе, что и въ наше время остается еще не мало защитниковъ дарвинистическаго ученія, но надѣется, что скоро наступитъ время, когда ихъ совсѣмъ не окажется въ серьезной наукѣ. — Изъ содержанія указанной статьи читатель можетъ видѣть, что она

насколько интересна, настолько же и полезна для христіанской апологетики, хотя увлеченіе дарвинизмомъ въ наше время, по сознаниію самого г. Тихомирова, уже и падаетъ замѣтно.

Судьба дарвинизма. Того же автора. 82 стр. 75 коп.

Авторъ, давая историческій обзоръ возникновенію дарвинистическаго ученія и указывая ту почву, на которой онъ созданъ и достигъ своего развитія, дѣлаетъ совершенно справедливый выводъ, что онъ нуженъ былъ для людей свободомыслящихъ не какъ научная гипотеза или теорія, а какъ догма, для замѣны религіи и религіознаго міровоззрѣнія міровоззрѣніемъ матеріалистическимъ.—Наука о природѣ, съ момента ея первоначальнаго зарожденія до половины XIX столѣтія, дала много фактовъ, нуждавшихся въ объясненіяхъ и обобщеніи... По картинному выраженію Гексли «Уму человѣческому отъ накопившагося матеріала стали тѣсны прежнія теоретическія оболочки» и казалось слишкомъ устарѣвшимъ ученіе Линнея о постоянствѣ видовъ. Необходимъ былъ только смѣльчакъ, который бы громко заявилъ объ этомъ и такимъ смѣльчакомъ оказался Дарвинъ. Въ дальнѣйшемъ наука становится уже на путь экспериментальнаго изслѣдованія. Авторъ нашъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, какъ ученый спеціалистъ (онъ былъ профессоромъ зоологіи въ Московскомъ Университетѣ), и съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ изображаетъ постепенное развитіе и совершенствованіе науки біологіи, при чемъ между прочимъ утверждаетъ интересный для богослова фактъ—возможность искусственнаго партеногенезиса, т. е. искусственное развитіе изъ яйца зародыша безъ оплодотворенія со стороны мужчины. Авторъ настойчиво проводитъ главную свою мысль, что на всѣ воздѣйствія виѣшнихъ вліяній организмъ отвѣчаетъ въ высшей степени цѣлесообразно, что это свойство организма присуще его природѣ и заложено въ нее самимъ Творцомъ.—Признавши заслугу дарвинистической теоріи въ дѣлѣ развитія науки о природѣ за послѣднія три десятилѣтія (авторъ писалъ 12 лѣтъ тому назадъ), А. Тихомировъ во имя безпристрастія обдуманливается и на отрицательной его сторонѣ. Характерная черта теоріи Дарвина и главная его ошибка, которую подозревалъ въ своемъ ученіи самъ Дарвинъ и признаютъ выдающіеся изъ его послѣдователей, это отрицаніе въ организмахъ внутренняго стимула, или управляющаго начала эволюціи. Отказывая живымъ существамъ въ этомъ началѣ, Дарвинъ долженъ былъ признать, что замѣчаемое нами совершенствованіе организмовъ есть всецѣло дѣло случая. Теперь, когда прошло болѣе 40 лѣтъ со времени появленія дарвинистической теоріи,

прелесть новизны исчезла, для многихъ изъ насъ нелогичность теоріи прямо бросается въ глаза и неприемлемость выводовъ ся очевидна. Какимъ же образомъ человѣкъ-звѣрь сдѣлался этическимъ существомъ? ставитъ вопросъ нашъ авторъ и приводитъ отвѣтъ Гексли: «Первый человѣкъ, который противопоставилъ началу общей войны начало общаго мира,—каковы бы ни были причины, приведшія его къ этой ступени развитія,—создалъ общество». «Очевидно, однако, безпристрастно разсуждающій естествоиспытатель не можетъ допустить, чтобы одно начало могло само собой превратиться въ начало противоположнаго свойства, а безпристрастно разсуждающій человѣкъ вообще—чтобы путемъ борьбы за существованіе могли выработаться начала христіанской морали». Самъ Гексли вынужденъ признать, противорѣча себѣ и признавая природу человѣка по существу отличной отъ природы животныхъ, что «въ человѣкѣ заложенъ запасъ энергіи, разумно дѣйствующей и столь близко сходной съ той, которою проникнута вся вселенная, что для него возможно воздѣйствіе на космическій процессъ и его видоизмѣненіе. Что касается родства человѣка съ обезьяною, провозглашеннаго дарвинизмомъ, то его не признаютъ въ настоящее время многіе изъ самихъ дарвинистовъ. Одинъ изъ нихъ, Блаачъ, въ одномъ изъ своихъ популярныхъ сочиненій пишетъ: «Утверждать, что нынѣ живущія обезьяны представляютъ собою предковъ человѣка, бессмыслица, которую легко опровергнуть».

Бранко въ своей рѣчи на пятomъ международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ заявляетъ относительно человѣка: «безъ родословной, какъ настоящій выскочка, появляется внезапно нашъ родъ въ дилювіальный періодъ».—Анатомическое сходство человѣка съ животнымъ не должно смущать насъ, потому что между тѣломъ человѣка и тѣломъ животного есть существенное различіе: только человѣкъ есть дѣйствительный хозяинъ своего тѣла, только у него оно дѣйствительно подчинено его волѣ, между тѣмъ какъ всякое животное, даже самое высоко развитое, есть рабъ условій своего существованія. Поэтому то, хотя есть животныя, которыя, сравнительно съ человѣкомъ и быстрѣе движутся, и лучше видятъ и слышатъ, и энергичнѣе дышатъ, и сильнѣе размножаются, тѣмъ не менѣе человѣкъ все же остается совершеннымъ живымъ существомъ. Въ отношеніи своего ума животныя также остаются рабами условій своего существованія: антропоморфная обезьяна прирожденная машина для лазанья по деревьямъ, гиббонъ—прирожденный акробатъ, бобръ—прирожденный инженеръ, пчела—прирожденный архитекторъ, муравей—прирожденный архитекторъ и воинъ и т. д. „Приеущій природный характеръ животнаго стимулируетъ и поддерживаетъ во все время

эволюціи какъ тѣло человѣка, такъ и его умственныя способности отъ односторонняго развитія. Вотъ какой стимулъ эволюціи былъ заложенъ въ ту первичную форму, которой было предопредѣлено развиться въ человѣка“. Таковъ конечный—выводъ, сдѣланный нашимъ авторомъ, изъ критическаго обзора дарвинизма, выводъ, говорящій о томъ, что самъ авторъ нашъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, такъ называемаго, христіанскаго эволюціонизма, т. е. находитъ возможнымъ чуждое всякихъ предвзятостей ученіе о міровой эволюціи совмѣстить съ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ міра.

Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ. (Ч. Дарвинъ и гр. Л. Толстой) стр. 37. Ц. 20 коп.

Ч. Дарвинъ и Л. Толстой—вотъ два имени, стоящія во главѣ науки (Дарвинъ) и искусства (Толстой). Шумная и безпримѣрная пзвѣстность, приобрѣтенная ими въ массѣ современной интеллигенціи, объясняется прежде всего тѣмъ, что оба они по своимъ воззрѣніямъ вполне подошли къ этой массѣ. Отвергнувшаяся отъ Бога интеллигентная толпа въ возвеличеніи Дарвина и гр. Толстого искала оправданіе своимъ собственнымъ вождельніямъ, своего собственнаго безбожнаго міросозерцанія. Тѣ изъ истинно-христіански настроенныхъ мыслителей, которые готовы видѣть въ Дарвинѣ и Толстомъ, хотя и заблудшихъ, но все же дѣйствительныхъ искателей истины, сильно заблуждаются. Все различіе между Дарвиномъ и Геккелемъ съ его послѣдователями въ томъ, что первый пытается опровергнуть истинность міросозерцанія, вытекающаго изъ ученія Христа, не заявляя себя на словахъ открытымъ врагомъ основъ этого ученія, а второй громко объявляетъ себя такимъ врагомъ. Дарвинъ относился съ величайшей симпатіей къ всѣмъ, выходившимъ при его жизни сочиненіямъ Геккеля и геккелянство—прямое порожденіе дарвинизма. — Такъ и Таковы основныя мысли нашего автора, раскрываемыя въ рассматриваемой статьѣ. Опровергнутыми научными фактами основное положеніе дарвинизма, будто бы естественный отборъ и борьба за существованіе была руководящимъ началомъ эволюціи, г. Тихомировъ дѣлаетъ такой выводъ: „Дарвинизмъ приобрѣлъ свою шумную славу и его основатель былъ провозглашенъ великимъ реформаторомъ биологіи не за дѣйствительныя достоинства теоріи, а за ту цѣль (антихристіанскую), которая теоріей преслѣдовалась. Неудивительно, что дехристіанизованные круги прельщались предъ Дарвиномъ, какъ передъ кумиромъ“. Предоставляемъ судить специалистамъ, насколько правъ нашъ авторъ въ своихъ безошибочно строгихъ сужденіяхъ от-

носителю Дарвина: намъ извѣстно только, что его мнѣніе раздѣляется далеко не всѣми противниками дарвинизма. Извѣстный, на-примѣръ, антидарвинистъ Деннертъ дѣлаетъ очень сучувственный отзывъ о Дарвинѣ и противопоставляетъ его свѣтлую личность безбожному Бюхнеру.

Сужденія Тихомирова о Толстомъ для читателя, знакомаго съ противотолстовской литературой, ничего новаго и особенно интереснаго не представляютъ. Авторъ много говоритъ о самообманѣ Толстого. Намъ думается, что слово „самообольщеніе“ точнѣе и правильнѣе опредѣляло бы личность Толстого и его антирелигіозную дѣятельность.

Вина науки. (Спинозизмъ и дарвинизмъ). 48 стр. 15 коп.

Авторъ приводитъ здѣсь, по существу, тѣ же мысли, какія разсмотрѣны и указаны нами въ прежнихъ его статьяхъ. Онъ сѣтуетъ по поводу антихристіанскаго направленія современной науки, вѣруя въ то, что только въ согласіи съ религіею наука можетъ познать истину, такъ какъ одинъ только Христосъ „естъ и путь, и истина и животъ“. Дарвинизмъ отживаетъ уже свой вѣкъ. Эту мысль свою авторъ намъ подтверждаетъ сужденіями самыхъ дарвинистовъ; но вѣра въ ученіе Дарвина значительно распространена въ обществѣ и не мало еще нужно труда, для того чтобы окончательно ее разсѣять. Успѣхъ дарвинизма авторъ объясняетъ враждебнымъ отношеніемъ современнаго общества ко Христу и тѣмъ, что дарвинизмъ представляетъ собою не частную только біологическую теорію, а цѣлое міросозерцаніе, идущее совершенно въ разрѣзъ съ христіанскимъ міросозерцаніемъ. За это Дарвина многое прощается, за это не замѣчаютъ противорѣчій въ его теоріи, не хотятъ критиковать его ученія. Такъ-же, какъ и въ другихъ статьяхъ, г. Тихомировъ категорически осуждаетъ Дарвина, не полагая существеннаго различія въ отношеніи къ религіи между нимъ и Геккелемъ.—Самое стремленіе въ естествознаніи обосновать научно антихристіанское міросозерцаніе авторъ намъ объясняетъ вліяніемъ пантеистической философіи Спинозы. Что касается ученія Дарвина, то все оно сводится къ одному основному положенію: виды въ природѣ были также созданы естественнымъ отборомъ, управляемымъ борьбою за существованіе, какъ породы домашнихъ животныхъ и сорта разводимыхъ растений созданы искусственнымъ отборомъ, управляемымъ волею человѣка.

Авторъ рѣшительно отрицаетъ это положеніе, вполнѣ убѣдительно доказывая, что „только внутреннія силы, вложенныя въ жи-

вотныхъ и растенія при ихъ созданіи, могутъ оставлять ихъ безъ измѣненія, или же порождать у нихъ новыя черты строенія и привычки“. Никакого усовершенствованія организаціи путемъ приспособленій живыхъ существъ къ условіямъ ихъ жизни не существуетъ. Высшія и низшія живыя существа разнятся между собою своими способностями; но въ предѣлахъ этихъ способностей каждое живое существо, какъ бы высоко или низко оно ни стояло, одинаково совершенно, или, прямо говоря, идеально приспособлено къ условіямъ своей жизни... и всѣ части ихъ тѣла по своему устройству одинаково полезны для каждаго изъ животныхъ въ ихъ жизни, въ ихъ борьбѣ за жизнь, говоря языкомъ дарвинизма. Не борьба за жизнь ведетъ къ совершенству, не естественнымъ отборомъ оно создается: совершенство впередъ дано всѣмъ живымъ существамъ, каждому въ своихъ предѣлахъ. Не всѣ особи одинаково осуществляютъ эти совершенства, и, чѣмъ особь дальше отъ него, тѣмъ болѣе недоразвитой мы должны ее считать. Когда это недоразвитіе доходитъ до крайности, мы называемъ его уродствомъ. Не желая признавать, что для всѣхъ живыхъ существъ, для однихъ—одинъ, для другихъ—другой, есть своей предѣлъ эволюціи, Дарвинъ объясняетъ вымираніе поколѣній, разнообразіе видовъ и т. д. не естественнымъ изсяканіемъ въ нихъ жизни, а гибелью ихъ въ результатъ борьбы за существованіе, забывая при этомъ тотъ безспорный фактъ, что повсюду; и на сушѣ и на морѣ, близкіе виды растеній и животныхъ мирно процвѣтаютъ въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ... Съ полнымъ убѣжденіемъ и убѣдительною, вооруженнымъ научными фактами, авторъ нашъ отрицаетъ и ученіе Дарвина о половомъ подборѣ. Самъ авторъ нашъ, оставаясь вѣрнымъ христіанскому міросозерцанію, раздѣляетъ взглядъ Линнея, который вполне опредѣленно высказалъ слѣдующую истину: „Species (видъ) tot numeramus quod diversae formae in principio sunt creatae“. Смыслъ этого изреченія тотъ, что всѣ виды существъ, составляющихъ живой міръ, созданы Творцомъ. Въ согласіи съ приведенными словами Линнея нашъ авторъ утверждаетъ: „какова бы ни была эволюція живыхъ формъ, она была предустановлена Творцомъ, вложившимъ въ живыя существа при ихъ созданіи тѣ внутреннія силы, которыя управляютъ жизнью и развитіемъ каждой особи живыхъ существъ и ихъ эволюціей. Нѣтъ фактовъ, противорѣчающихъ этому положенію, и оно всегда будетъ стоять неизмѣнно, какъ и само христіанское міросозерцаніе во всемъ его цѣломъ“.

Высокопросвѣщенный взглядъ нашего автора, примиряющій науку и истинное христіанство, міросозерцаніе

въ томъ или другомъ направленіи, столь обычныхъ въ нашей полемической литературѣ, дѣлаетъ честь нашему автору и глубоко намъ симпатиченъ. Наше собственное убѣжденіе таково, что именно стоя только на почвѣ совершенной объективности, не отрицая науку, ради ея безбожныхъ представителей, а цѣня по достоинству то, что въ ней составляетъ несомнѣнную истину, можно съ честью и не унижая себя и своей собственной богословской науки, защищать христіанское міросозерцаніе и пріобрѣтать прозелитовъ среди образованнаго и полуобразованнаго нашего общества. Разсмотрѣнныя нами статьи пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣнность потому еще, что онѣ вышли изъ подъ пера неученаго богослова, призваннаго самымъ положеніемъ своимъ къ защитѣ христіанства и всегда возбуждающаго въ читателѣ сомнѣніе въ его научной компетенціи, а отъ человѣка свѣтскаго по своему образованію и положенію, ученаго зоолога и вполнѣ компетентнаго въ области естествознанія. Если мы укажемъ еще на полную искренность автора, на его собственную убѣжденность и убѣдительность для читателей его доводовъ, на его религіозную ревность, очень рѣдкую въ наше время для свѣтскаго человѣка, то воздадимъ автору только заслуженное имъ и сдѣлаемъ совершенно безпристрастную оцѣнку прочитанныхъ нами статей. Дай Богъ, чтобы у насъ было побольше такихъ ученыхъ и почаще появлялись такія книги!

П. Кратировъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Воззваніе.

Добрые люди земли Русской! Услышьте нашу просьбу съ далекаго Дона. Дѣти наши въ славныхъ донскихъ полкахъ защищаютъ родину отъ враговъ, а многіе уже сложили свои головы на поляхъ битвы. Мы, ихъ родители и родственники, хотѣли было построить храмъ въ своемъ хуторѣ, чтобы имѣть возможность всегда молиться дома за положившихъ за родину души свои, но средства наши совершенно истощились, нечѣмъ продолжать постройку. Откликнитесь, добрые люди. Помогите намъ это чѣмъ можете. Не стѣсняйтесь малостью жертвы: всякая копейка будетъ принята съ глубокою благодарностью, Господь Спаситель да воздастъ вамъ за Вашу жертву. Пожертвованіе просимъ направлять: Почтов. отд. Сетраково О. В. Д. Попечительству по постройкѣ храма хут. Ольховый, Мигулинской станицы.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ

— ДУШЕПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ —

С. Ариневскій

— въ гор. Ставрополь-Кавказскомъ. —

КАТАЛОГЪ ДУШЕПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

АДРЕСЪ: Гор. Ставрополь-Кавказскій, книгопродавцу душеполезныхъ книгъ
С. АРИНЕВСКОМУ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„СБОРНИКЪ ДУШЕПОЛЕЗНЫХЪ
БРОШЮРЪ С. Ариневскаго“.

Названіе брошюръ находящихся въ сборникѣ:

1) Слова Священнаго Писанія, относящіяся къ пастырямъ и всѣмъ христіанамъ; 2) Молящимся за другихъ: о тѣлесномъ и душевномъ здравіи, о душевномъ спасеніи, о тѣлесномъ исцѣленіи и о душевномъ упокоеніи; 3) Ищущимъ истиннаго пути душевнаго спасенія; 4) О языкѣ (изъ Священнаго Писанія); 5) Можно-ли заботиться о завтрашнемъ днѣ? и 6) О терпѣніи.

Цѣна сборника безъ приложенія 20 коп., съ приложеніемъ 35 коп.

— Адресъ: Гор. Ставрополь-Кавказскій книгопродавцу душеполезныхъ книгъ С. Ариневскому. —

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

„Православно-христіанское ученіе

объ истинной вѣрѣ и жизни“,

Прот. Д. Попова;

для преподаванія Катихизиса въ гимназіяхъ, Высшихъ Начальныхъ училищахъ, Торговыхъ школахъ, и пр. Книга редактирована Его Высокопреосвященствомъ, докторомъ богословія, Архіепископомъ Харьковскимъ Антоніемъ.

Настоящее руководство является первымъ, написаннымъ по программѣ Торговыхъ Школъ, Высшихъ начальныхъ училищъ и пр.

Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Продается у автора, Харьковъ, Почтов. пер., 3.

нищеть“. Преп. Сергій уже при жизни совершалъ чудеса и получалъ откровенія. Такъ, однажды ему явилась Пр. Богородица съ Апостолами Петромъ и Иоанномъ и обѣщала свою помощь обители. Кн. Дмитрію Донскому, предъ Куликовскою битвою, давая въ помощь иноковъ Пересвѣта и Ослябя, предсказалъ побѣду надъ Мамаемъ. Однажды онъ видѣлъ необычайный свѣтъ и множество птицъ, огласившихъ слухъ сладкимъ пѣніемъ, и получилъ откровеніе, что его обитель наполнится множествомъ иноковъ. Память преп. Сергія совершается 25 сентября.

47. Пятая заповѣдь Закона Божія

повелѣваетъ *почитать родителей* и всѣхъ старшихъ, за что обѣщается счастье и долголѣтіе на землѣ.

I. Почитать родителей—значить:

1) *Почтительно относиться къ нимъ*, не позволяя грубостей, насмѣшекъ и пр.—даже въ случаѣ несомнѣнныхъ съ ихъ стороны слабостей и недостатковъ.

2) *Повиноваться имъ*, исполняя ихъ законныя требованія, а также добрые совѣты и наставленія.

3) *Питать и поживать ихъ* въ болѣзняхъ и старости.

4) *Молиться за нихъ* какъ при жизни, такъ и по смерти, а также исполнять ихъ *завѣщанія*, непротивныя закону Божию и гражданскому.

Пятая заповѣдь является **важнѣйшею**: на ней основывается порядокъ жизни какъ семейной, такъ и общественной. Для побужденія къ исполненію столь важной заповѣди Богъ и присоединилъ къ ней обѣщаніе счастливой и долголѣтней жизни. Примѣры древнихъ патріарховъ или праотцевъ показываютъ, что Богъ даетъ особенную силу благословенію родителей, если дѣти этого заслуживали (Быт. XXVII). *Благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ* (Сир. III, 9). И въ настоящее время, какъ и всегда, Богъ особенно хранитъ жизнь и устрояетъ благополучіе на землѣ почитающихъ родителей, при чемъ къ столь высокой на-

градъ присоединяетъ еще и высокое блаженство на небѣ.— Съ другой стороны, за нарушеніе пятой заповѣди, напр. за злословіе отца или матери въ законѣ Моисеевомъ положена была смертная казнь (Исх. XXI, 15, 17). Въ Новомъ завѣтѣ хотя такого явнаго наказанія и не положено, однако же примѣры наказанія и несчастливой жизни за непочтительное и грубое отношеніе къ родителямъ у насъ встрѣчаются на каждомъ шагу.—Тяжесть грѣха непочитанія къ родителямъ и столь грозное за это наказаніе вытекаютъ изъ легкости и естественности ея исполненія: мы родителямъ обязаны какъ самую жизнь, такъ и воспитаніемъ, почему непочитающіе ихъ обнаруживаютъ крайнюю испорченность и ожесточеніе.

Дѣти Ноя проявили различное отношеніе къ отцу: Хамъ посмѣялся наготѣ отца, за что былъ проклятъ въ лицѣ своего сына Ханаана и отданъ въ потомствѣ въ подчиненіе Симу и Іафету; послѣдніе же, напротивъ, за почтительное и снисходительное отношеніе къ слабости отца были имъ благословлены, и потомство ихъ прославлено (Быт. IX, 21—27) ¹⁾.

Трогательный примѣръ почтенія къ старшимъ представляетъ намъ Ветхозавѣтная **Руфь**. Она была невѣсткою еврейки Ноемини (во времена Судей), при томъ—была иноплеменницею (Моавитянка). Между тѣмъ, когда умерли мужъ Ноемини Елимелехъ и оба ея сына, и Ноеминь пожелала возвратиться съ полемъ Моавитскихъ въ родной Виэлеемъ, то Руфь пошла за нею и сказала: „Куда ты пойдешь, туда и я пойду; и гдѣ ты будешь жить, тамъ и я; твой народъ будетъ моимъ народомъ, и твой Богъ (будетъ) моимъ Богомъ; одна смерть разлучитъ меня съ тобою“. По крайней бѣдности Руфь ебирала потомъ колосья на поляхъ богатыхъ Израильтянъ, чѣмъ питала себя и свою свекровь. Такъ она пришла на поле дальняго родственника своего умершаго мужа, Воова, который оцѣнилъ ея доброе сердце и женился на ней, сдѣлавшись съ нею прадѣдомъ царя Давида и родоначальникомъ Господа І. Христа (Руф. I—IV).

Наиболѣе поучительный примѣръ почтенія къ родителямъ являетъ собою Спаситель, Который *бы повинуюся има.* **Отронъ Исусъ во храмѣ** обнаружилъ не только привержен-

¹⁾ См. стр. 161-ю

ность „къ тому, что принадлежитъ Его Отцу“ (т. е. къ храму и св. закону), но и послушаніе своимъ родителямъ. Когда Іосифъ и Марія выразили скорбь и тревогу по поводу Его отсутствія, то „Онъ пошелъ съ ними въ Назаретъ, и былъ въ повиновеніи у нихъ“ (Лук. II, 42—51). Онъ же проявилъ нѣжную заботливость о Своей Матери даже на крестѣ, поручивъ Ее попеченію Іоанна Богослова (Іоан. XIX, 25—27).—Но высшую степень послушанія Онъ оказалъ Отцу небесному, творя „не свою волю, но волю пославшаго Его Отца“ (Іоан. VI, 38), и бывъ послушливъ Ему до смерти крестной (Фил. II, 8).

О почитаніи родителей Спаситель училъ согласно Своего примѣра. Такъ, Онъ осудилъ фариसेевъ за черствое отношеніе къ родителямъ, которымъ они, подъ предлогомъ посвященія своего имущества Богу, позволяли отказывать въ содержаніи, при чемъ напомнилъ имъ заповѣдь Моисея о наказаніи за непочтеніе родителей смертію (Мѡ. XV, 3—9).

II. Въ заповѣдяхъ о любви къ ближнимъ (начиная съ пятой), прежде всего, упоминается о родителяхъ—потому, что они естественно къ намъ ближе всѣхъ. Но кромѣ родителей, мы, по 5-й заповѣди, должны **почитать всѣхъ**, кто въ разныхъ отношеніяхъ **заступаетъ** для насъ **мѣсто родителей**, именно:

а) *Государя и отечество*, такъ какъ государство есть великое семейство, Государь есть отецъ, а подданные—дѣти Государя и отечества.

б) *Пастырей и Учителей духовныхъ*, которые ученіемъ и Таинствами раждаютъ насъ въ жизнь духовную и воспитываютъ въ ней, и являются для насъ духовными отцами.

в) *Старшихъ* возрастомъ, какъ болѣе опытныхъ въ жизни, могущихъ подать намъ добрый совѣтъ и предостеречь отъ ошибокъ.

г) *Благотѣтелей*.

д) *Различныхъ начальниковъ*.

1) О любви къ отечеству и почитаніи Царской

власти находимъ множество примѣровъ и ясно выраженное ученіе какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ завѣтѣ.

Такъ, **Давидъ побѣдилъ Голіафа**, будучи снѣдаемъ ревностію о своемъ отечествѣ и о славѣ Божіей. Когда Голіафъ въ теченіе 40 дней тщетно вызывалъ кого-нибудь изъ стана Израильтянъ на единоборство, и никто изъ нихъ не рѣшался сразиться съ этимъ великаномъ, не смотря на обѣщанія Саула великихъ милостей, то Голіафъ сталъ хулить имя Божіе и угрожать Израильтянамъ плѣненіемъ со стороны филистимлянъ. Тогда Давидъ, исполнившись силы Божіей, пошелъ на Голіафа во имя Божіе съ одной пращею, поразилъ его камнемъ въ лобъ, и выхвативъ собственный его мечъ, отсѣкъ ему голову (1 Цар. гл. XVII).

Давидъ такъ почиталъ помазанника Божія Саула, что не рѣшился поднять на него руку даже послѣ того, какъ Саулъ изъ зависти возненавидѣлъ его, задумалъ убить и принудилъ его бѣжать отъ себя и скрываться. Однажды Саулъ заблудился въ пещерѣ, гдѣ скрывался Давидъ; послѣдній тайно отрѣзалъ у него край одежды и на другой день, показывая его Саулу издали, закричалъ ему: „Вотъ, сегодня видятъ глаза твои, что Господь предавалъ тебя нынѣ въ руки мои въ пещерѣ; и мнѣ говорили, чтобы убить тебя; но я пощадилъ тебя и сказалъ: не подниму руки моей на господина моего, ибо онъ помазанникъ Господа“.—Въ другой разъ Давидъ съ своимъ военачальникомъ Авессою унесъ отъ Саула, во время сна, его копье и сосудъ съ водою, и когда Авесса хотѣлъ пронзить Саула копьемъ, то Давидъ запретилъ это, сказавъ: „Не убивай его; ибо кто, поднявъ руку на помазанника Божія, останется ненаказаннымъ“ (1 Цар. XXIV, 11; XXVI, 9)?

Самъ Спаситель показалъ примѣръ повиновенія законнымъ властямъ. „Когда пришли они (І. Христосъ и Апостолы) въ Калернаумъ, то подошли къ Петру, собиратели дидрахмъ и сказали: Учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы? Онъ говоритъ: да. И когда вошелъ онъ въ домъ, то Іисусъ, предупредивъ его, сказалъ: какъ тебѣ кажется, Симонъ? дари земные съ кого берутъ пошанины, или подати? съ сыновъ ли своихъ, или съ постороннихъ? Петръ говоритъ Ему:

съ постороннихъ. Иисусъ сказалъ ему: итакъ сыны свободны. Но чтобы намъ не соблазнить ихъ, поиди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открывъ у ней ротъ, найдешь статиръ; возьми его, и отдай имъ за Меня и за себя“ (Мѡ. XVII, 24—27).

Онъ же (Спаситель) плакалъ объ Иерусалимѣ, предвидя скорбные дни его осады и разрушенія: „О, если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему! Но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ“ (Лук. XIX, 41—44).

Особенно ясно выразилъ Спаситель долгъ повиновенія власти и уплаты податей въ отвѣтъ фари́сеямъ и Иродіанамъ, когда они лукаво спросили Господа, должно ли давать подать Кесарю, или нѣтъ. Когда они принуждены были признать на монетѣ изображеніе и надпись Кесаря, то Спаситель сказалъ имъ: *Воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божія Богови* (Матѡ. XX, 15—21).

Ап. Петръ также учитъ: *Бога бойтеся, Царя чтите* (1 Петр., II, 17).

Любовь къ Государю и отечеству, должна простираться до готовности, въ случаѣ нужды, положить за нихъ жизнь свою (Іоан. XV, 13).

2) О почтеніи къ Пастырямъ и Учителямъ духовнымъ Ап. Павелъ говоритъ: *Повинуйтеся, наставникомъ вашимъ и покаряйтеся: ти бо бдятъ* (неушыно пекутся) *о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (какъ обязанные дать отчетъ): *да съ радостію сіе творятъ, а не въздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. XIII, 17), т. е. если пастыри въздыхаютъ о нашемъ нерадѣніи, то, это навлекаетъ на насъ гнѣвъ Божій.

3) О почитаніи старшихъ возрастомъ, какъ родителей, слово Божіе говоритъ: *Старца не укоряй, но умоляй, якоже отца: юноши, якоже братію, старицы якоже матери* (1 Тмѡ. V, 12).—*Предъ лицемъ*

сѣдаго востани, и почти лице старчо, и да убоишися Господа Бога твоего (Лев. XIX, 32).

4) Что благодѣтелей должно почитать, подобно какъ родителей, это ясно изъ примѣра І. Христа, Который бѣ повинуюся Іосифу, не смотря на то, что Іосифъ былъ для Него не родитель, а только питатель (Лук. II, 51).

5) Начальники, которыхъ должно почитать послѣ родителей, подобно имъ, суть слѣдующіе: а) *начальники въ училищахъ и наставники*: они вмѣсто родителей пекутся о нашемъ воспитаніи; б) *начальники гражданскіе*: они охраняютъ насъ отъ безпорядковъ и пекутся объ общественномъ спокойствіи; в) *судьи*: они защищаютъ насъ отъ обидъ по суду и закону; г) *начальники военные*: они защищаютъ насъ и отечество отъ враговъ внѣшнихъ; д) *господа*—въ отношеніи слугъ и рабовъ.

О повиновеніи начальникамъ разнаго рода Ап. Павелъ говоритъ: *Всяка душа властемъ предержащимъ (высшимъ) да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; ещія же власти отъ Бога ученены суть. Тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется.—Тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за ениѣвъ (изъ страха наказанія), но и за совѣсть.—Воввадите всѣмъ должная: ему же убо урокъ (подать) урокъ; а ему же дань (оброкъ, пошлину), дань; а ему же страхъ, страхъ; и ему же честь, честь (Рим. XIII, 1, 2, 5, 7.)*

Что слуги и рабы должны повиноваться своимъ господамъ, пока существуетъ рабство, которое христіанство постепенно уничтожаетъ и уничтожаетъ; Ап. Павелъ говоритъ: *Рабы, послушайте господей своихъ по плоти (которые имѣютъ надъ вами власть только внѣшнюю, надъ тѣломъ, а не надъ душами и вѣрованіями), со страхомъ и трепетомъ (съ сознаниемъ долга), въ простотѣ сердца ва-*

шего (по совѣсти), якоже и Христа; не предъ очима то-чю работающе, яко челоуѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божию отъ души (Ефес. VI, 5—6). И Ап. Петръ увѣщеваеъ: Раби, повинуйтеся во всякомъ страхъ владыкамъ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ (1 Петр. II, 18).

III. Слово Божіе предписываетъ не только повиновение родителямъ и старшимъ, но и великія **обязанности старшихъ къ меньшимъ**. Такъ, родители должны заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, какъ тѣлесномъ, такъ особенно духовномъ; пастыри должны неусыпно учить паству вѣрѣ и благочестію; начальники и господа должны заботиться о благѣ своихъ подчиненныхъ.

1) Объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ Ап. Павелъ говоритъ: *Отцы, не раздражайте* (непомѣрными или несправедливыми требованіями) *чадъ своихъ; но воспитывайте ихъ въ наказаніи* (наставленіи) *и ученіи Господни* (Ефес. VI, 4).

2) Объ обязанностяхъ Пастырей въ отношеніи пасомыхъ Ап. Петръ заповѣдуетъ: *Пасите еже въ васъ стадо Божіе; поспѣвающее не нуждею* (надзирая за нимъ не принужденно), *но волю, и по Бозъ, ниже неправедными прибытки, но усердно: ни яко обладающе причту* (и не господствуя надъ паствою), *но образи бывайте стаду* (1 Петр. V, 2—3).

3) О долгѣ вообще начальниковъ и господъ въ отношеніи подчиненныхъ Ап. Павелъ увѣщеваеъ: *Господіе, правду и уравненіе рабомъ подавайте* (оказывайте рабамъ должное и справедливое), *въдѣяще, яко и вы имате Господа на небесахъ* (Кол. IV, 1).

IV. **Добродѣтель**, предписываемая пятою заповѣдію, называется **послушаніемъ**.—Но если родители, или начальствующіе требовали бы отъ насъ чего-либо **противнаго вѣрѣ или закону Божію и гражданскому**, тогда

мы должны отвѣтить имъ такъ, какъ Апостолы начальникамъ Іудейскимъ, запрещавшимъ имъ проповѣдь о Христѣ: *Аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (судите, справедливо ли....,—Дѣян. IV, 19). И должно претерпѣть за вѣру и законъ Божій все, что бы ни послѣдовало.

48. Шестая заповѣдь Закона Божія

запрещаетъ *убійство*, или отнятіе жизни у ближняго.

I. Есть случаи отнятія жизни не законопреступные, именно:

1) Когда неисправимаго *преступника* наказываютъ *смертію* по правосудію, и въ огражденіе другихъ отъ его злодѣяній.

2) Когда убиваютъ непріятеля *на войнѣ*, за Государя и отечество, избирая войну, какъ единственное и вынужденное средство въ отношеніи насильниковъ и во исполненіе заповѣди Спасителя о положеніи жизни *за други своя* (Іоан. XV, 13). —Такіе случаи убійства не воспрещаются заповѣдію: въ той самой рѣчи Господа къ народу, въ которой приводятся 10 заповѣдей, устанавливается смертная казнь убійцамъ, богохульникамъ, злословящимъ родителей и другимъ преступникамъ (Исх. XXI):

Бываютъ случаи *невольнаго убійства*—нечаянно, безъ намѣренія. Такой убійца не можетъ считаться вполне невиновнымъ, если не употребилъ всѣхъ мѣръ противъ несчастной случайности, особенно если она произошла по легкомыслию, напр. при забавахъ и шуткахъ съ оружіемъ. Во всякомъ случаѣ такой убійца предается суду и долженъ отвѣтить совѣстью ангеломъ, по установленію Церкви.

II. Кромѣ прямого убійства, есть много случаевъ *убійства побочнаго*, какъ то:

1) Когда *судья*, по пристрастію или личной злобѣ, *осуждаетъ подсудимаго*, котораго *невинность* ему известна.

2) Когда кто по пристрастію или малодушію *укрываетъ* или *освобождаетъ убійцу*, чѣмъ даетъ ему возможность совершать новыя убійства.

Такъ согрѣшилъ тѣмъ и другимъ видомъ убійства Пилать, освободивъ разбойника Варавву и осудивъ на смерть І. Христа.

3) Когда богатый бѣднаго, сильный и искусный слабаго *не избавляетъ* отъ нужды, голода и смерти.

4) Когда господа и начальники *изнуряютъ подчиненныхъ* непосильными работами или наказаніями, и тѣмъ ускоряютъ ихъ смерть.

5) Когда жадные къ наживѣ чрезмѣрно работаютъ, сластолюбцы предаются порокамъ, чѣмъ *сокращаютъ* собственную жизнь.

Самымъ страшнымъ грѣхомъ противъ шестой заповѣди является **самоубійство**. Если противобестественно убить другого, то тѣмъ болѣе противно природѣ убить самого себя. Животныя, подчиненныя инстинкту природы, не лишаютъ себя жизни.

Особенно грѣшитъ самоубійца противъ своей души, переходя съ отчаяніемъ или ожесточеніемъ въ загробную жизнь и обрекая себя на вѣчную погибель. Такъ погибъ Иуда, предавшій своего Учителя и Господа по страсти сребролюбія, и отчаявшійся въ полученіи прощенія отъ Спасителя, когда созналъ, что предалъ *кровь неповинную* (Мате. XXVI, 3—5). Самоубійца грѣшитъ, наконецъ, противъ Бога, ибо жизнь наша принадлежитъ не намъ, а Богу, Который далъ ее (Дѣян. XVII, 25). Предвосхищая у Бога право распоряжаться этимъ величайшимъ даромъ, самоубійца въ тоже время возстаетъ противъ Его промысла и Его воли благой и совершенной, по которымъ человѣку иногда посылаются тяжкія испытанія для его же спасенія (Мате. XVI, 24). Посему самоубійцы должны быть лишаемы христіанскаго погребенія и поминовенія.

Поединки (дуэли) являются также тяжкимъ грѣхомъ противъ шестой заповѣди, ибо въ нихъ заключаются три страшныхъ преступленія: мятежь противъ правительства, которому одному принадлежитъ право разрѣшать частныя распри, а не поединщикамъ; убійство, коему подвергаетъ поединщикъ соперника, и самоубійство, которому подвергается самъ поединщикъ.

По существу поединки являются бессмысленными и безцѣльными. Бессмысленными—потому, что честь зависитъ не отъ внѣшнихъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а отъ внутреннихъ достоинствъ cadaго, коихъ ни отнять, ни придать никто не въ силахъ. Безцѣльными—потому, что въ поединкѣ часто одолеваетъ не потерпѣвшій, а болѣе сильный и искусный. Посему Ап. Павелъ заповѣдуетъ: „*Не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ*“ (Рим. XII, 21).

III. Кромѣ прямого или тѣлеснаго убійства есть еще **убійство духовное**,—это *соблазнъ*, когда кто совращаетъ ближняго въ невѣріе или беззаконіе, и тѣмъ губить его душу.

Поставляя дѣтей образцомъ кротости и смиренія, оберегая ихъ отъ соблазна, Спаситель предостерегаетъ отъ этого страшнаго грѣха такъ: *Иже аще соблазнитъ единого малыя сихъ* (по возрасту или неопытности), *втрующихъ въ Мя, уне* (лучше) *естъ ему, да обѣсится жерновъ осельскій* (мельничный) *на очи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мате. XVIII, 6).

Къ тонкимъ видамъ убійства относятся также всѣ дѣла и слова, противныя любви и нарушающія спокойствіе и безопасность ближняго, и наконецъ—внутренняя, *скрытая ненависть къ ближнимъ*.

Воспомявъ и усовершенствовавъ Бетховавѣтныи законъ, Спаситель въ Нагорной проповѣди о шестой заповѣди поучаетъ такъ: „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исх. XX, 13). А Я

говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему: рака (пустой человѣкъ), подлежитъ синедрону; а кто скажетъ: безумный, подлежитъ гееннѣ огненной“ (Мате. V, 21—22).

Ап. Іоаннъ Богословъ о ненависти также поучаетъ: *Всякъ ненавидяй брата своего, человекоубійца есть* (1 Іоан. III, 15).

IV. Запрещая вредить жизни ближнихъ, шестая заповѣдь тѣмъ самымъ повелѣваетъ всебѣрно **беречь жизнь и благосостояніе ближнихъ**, именно: помогать бѣднымъ; служить больнымъ; утѣшать печальныхъ; облегчать состояніе несчастныхъ; со всѣми обходиться кротко, любовно и назидательно; примиряться съ гнѣвающимися; прощать обиды и благодворить врагамъ.

При оказаніи помощи бѣднымъ и несчастнымъ Спаситель предостерегаетъ отъ милостыни поназой, не искренней. „Смотрите, не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобъ они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго. Итакъ, когда творишь милостыню, не труби предъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая: чтобы милостыня твоя была втайнѣ; и Отецъ твой видящій тайное воздастъ тебѣ явно (Мате. VI, 1—4).

Спаситель же даетъ намъ и примѣръ служенія больнымъ и благотворенія даже врагамъ въ лицѣ **милосерднаго самарянина**. Этотъ сердобольный человѣкъ, при видѣ іудея, *впавшаго въ разбойники* (т. е. въ руки разбойниковъ), забылъ племенную и религіозную вражду къ іудеямъ, и оказалъ ему истинное милосердіе и незамѣнимую помощь, при томъ — послѣ того, какъ священникъ и левитъ, обязанные къ этимъ дѣламъ милосердія по самому своему званію, въ черствости своего сердца *прошли мимо* и не оказали израненному и ограбленному никакой помощи (Лук. X, 30—35).

49. Седьмая заповѣдь закона Божія

запрещаетъ всякаго рода *любодѣяніе*, т. е. преступную и нечистую любовь между мужчиною и женщиною.

I. **О болѣе частныхъ и мерзкихъ видахъ этого грѣха**, коихъ множество, Ап. Павелъ совѣтуетъ и не говорить христіанамъ (Ефес. V, 3). Только по необходимости, для предостереженія отъ этихъ грѣховъ, должно назвать нѣкоторые изъ нихъ. Таковы:

1) *Блудъ*, или безпорядочная плотская любовь между людьми, не состоящими въ бракѣ.

2) *Прелюбодѣяніе*, когда состоящіе въ бракѣ незаконно сожителствуютъ съ посторонними.

3) *Кровосмѣшеніе*, когда вступаютъ въ сожителство близкіе родственники.

4) *Мужеложство*, или малакія, когда это дѣлаютъ между собою лица одного и тогоже пола.

5) *Онанизмъ* (рукоблудіе, — Быт. XXXVIII, 8—10), коему особенно предаются испорченные юноши, губя себя духовно и тѣлесно.

Влеченіе одного пола къ другому вложено въ природу человѣка (Быт. I, 28; II, 23—24); но оно не должно омрачать совѣсти христіанина и обращаться имъ въ страстную похотливость плоти, тѣмъ болѣе—быть противоестественнымъ (Рим. I, 26—27). Извращеніе полового инстинкта явилось вмѣстѣ съ грѣхопадениемъ человѣка и омрачаетъ его исторію отъ лѣтъ древнихъ. Жители **Содома и Гоморры** были истреблены вмѣстѣ съ своими городами за мерзости противъ седьмой заповѣди (Быт. IX, 1—22).

Спаситель въ Нагорной проповѣди поясняетъ, что преступно не одно **виѣшнее любодѣяніе**, но и допущеніе въ сердце, изъ котораго исходятъ злые помыслы, любодѣяніе и другіе грѣхи (Матѣ. XV, 19), даже всякаго въ отношеніи другого пола **нечистаго помысла и пожеланія**, отъ которыхъ происходитъ потомъ и любодѣяніе. „Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй (Исх. XX, 14). А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Матѣ. V, 27—28).

Дабы не впасть въ тонкое, внутреннее прелюбодѣяніе, а чрезъ него не дойти и до мерзкихъ грѣ-

ховъ внѣшняго любодѣянiя, мы должны стремиться къ **очищенiю сердца**¹⁾, для чего должны избѣгать всего, что можетъ породить въ насъ нечистыя мысли и желанiя, именно: неприличныхъ и сладострастныхъ пѣсень и плясокъ, сквернословiя, нескромныхъ игръ и шутокъ, чувственныхъ и нецѣломудренныхъ зрѣлищъ, развращенныхъ книгъ, съ заманчивымъ описанiемъ нечистой любви и открытымъ или тонкимъ поощренiемъ пороковъ, и пр. Вообще, по Евангелiю, христiанинъ не долженъ даже смотрѣть и слушать то, что можетъ породить соблазнъ: *Аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе: уне (лучше) бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную* (Мате. V, 29).

Конечно, здѣсь разумѣется не внѣшнее, тѣлесное изыятiе глаза или уха, отсѣченiе руки, а—духовное удаленiе отъ соблазна: кто твердо рѣшилъ даже не смотрѣть на соблазняющiй предметъ, не касаться его рукою, тотъ вырвалъ у себя соблазняющiй глазъ или ухо, отсѣкъ руку, и пр.

II. Запрещая любодѣянiе, слово Божiе указываетъ намъ и побужденiя или причины, почему мы должны **убѣгать блуда** и жить цѣломудренно. Тѣла наши являются членами Христовыми и храмами Святаго Духа, почему не должны становиться членами блудницы (1 Кор. VI, 15. 19). При томъ—блудникъ грѣшитъ *противъ собственнаго тѣла* (—VI, 18), именно: разстраиваетъ и часто заражаетъ его мерзкими и неизлѣчимыми болѣзнями, особенно же повреждаетъ душевныя способности: воображенiе у блудника разстраивается и наполняется нездоровыми образами, память ослабѣваетъ, нравственное чувство извращается и притупляется.

¹⁾ См. стр. 171-ю.

III. Запрещающая любодѣяніе, седьмая заповѣдь **предписываетъ**: *взаимную любовь и вѣрность* находящимся въ супружествѣ, и *совершенную чистоту и цѣломудріе* (плотское воздержаніе и неповрежденность въ мысляхъ и чувствахъ) тѣмъ, кто не состоитъ въ бракѣ.

Ап. Павелъ заповѣдуетъ: *Мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюбилъ Церковь, и Себе предаде за ню.*—*Жены, своимъ мужемъ повинуйтесь, якоже Господу: зане мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ глава Церкви, и Той есть Спаситель тѣла* (Ефес. V, 25. 22—23).

50. Восьмая заповѣдь закона Божія

запрещаетъ *кражу*, или присвоеніе чужой собственности.

I. Болѣе частные и главнѣйшіе грѣхи противъ восьмой заповѣди суть слѣдующіе:

1) *Грабительство*, или отнятіе чужого явно, насиліемъ.

2) *Воровство* (кража), или похищеніе чужого тайно.

3) *Обманъ*, или присвоеніе чужого хитростію, напр. расплата фальшивыми или негодными деньгами; продажа худого товара вмѣсто хорошаго; обмѣриваніе и обвѣшиваніе; сокрытіе имущества и неплатежъ долговъ; нарушеніе условій и завѣщаній; сокрытіе вора во вредъ потерпѣвшаго и мн. др.

4) *Святотатство* (*тать* — воръ), или воровство посвященнаго Богу, или принадлежащаго Церкви.

5) *Духовное святотатство* (*симонія*, — Дѣян. VIII, 18—21), или предоставленіе одними и восхищеніе другими священнаго сана не по достоинству, а за деньги или по другимъ корыстнымъ видамъ.

6) *Мздоимство* (*мзда* — плата, награда), или взяточничество съ подчиненныхъ, подсудимыхъ, или

заинтересованныхъ, съ цѣлю возвысить, оправдать, или помочь тѣмъ, кто этого не заслужилъ, во вредъ другимъ невиновнымъ или болѣе достойнымъ.

7) *Тунеядство* (*туне* — даромъ), или недобросовѣстное полученіе жалованья по должности, или платы за работу, безъ усердія и честнаго исполненія должности и работы, чѣмъ наносится вредъ обществу и частнымъ лицамъ; также—проживаніе на чужой счетъ или попрошайничество, когда есть силы работать.

8) *Лихоимство* (нажива на чужомъ *лихѣ*, бѣдствіи), или безсердечное обращеніе, яко бы на законномъ основаніи, чужой собственности, чужого труда, или даже самыхъ бѣдствій ближнихъ въ свою пользу; сюда относятся: непомѣрные проценты съ нуждающихся въ займѣ денегъ; изнуреніе владѣльцами подчиненныхъ имъ излишними налогами или работами; продажа во время голода по высокой цѣнѣ продуктовъ питанія, и пр.

Немилосердный къ бѣднымъ, если имѣеть чѣмъ помогать имъ, грѣшитъ противъ восьмой заповѣди—потому, что все, что мы имѣемъ, принадлежитъ не намъ, а Богу, и избытокъ дается намъ отъ Него для помощи бѣднымъ ¹⁾; если же мы имъ не помогаемъ, то похищаемъ—съ одной стороны *ихъ* собственность, а съ другой—даръ Божій.

Жадность къ наживѣ и страсть похищать чужое добро многихъ доводятъ до гибели.

Ахавъ, царь Израильскій, кромѣ идолопоклонства и нечестія, предался зависти и грабительству. Ему понравился въ г. Изреели сосѣдній съ его садомъ виноградникъ Навуея, и онъ задумалъ всячески обратить его въ свою пользу. Когда Навуея, слѣдуя закону Моисея о неотчужденіи удѣловъ (Лев. XXV, 23; Чис. XXXVI, 7), ни за что не желалъ уступить виноградникъ Ахаву, то послѣдній съ досады заболѣлъ. Тогда Іезавель именемъ Ахава приказала обвинить

¹⁾ См. стр. 156-ю.

Навуея въ хулѣ на Бога и на царя, и побить его камнями, и Ахавъ завладѣлъ виноградникомъ. Но по повелѣнію Божию предсталъ предъ нимъ прор. Илія и сказалъ: „Такъ говорить Господь: ты убилъ и еще вступаешь въ наслѣдство? на томъ мѣстѣ, гдѣ псы лизали кровь Навуея, псы будутъ лизать и твою кровь“. Угроза эта исполнилась, особенно въ отношеніи Іезавели (3 Цар. гл. XXI).

Такимъ же грѣхомъ жадности къ деньгамъ и воровства недоговалъ и **Иуда предатель**. Свою страсть онъ особенно обнаружилъ на вечери въ домѣ **Симона прокаженнаго**, когда Марія, сестра Лазаря, возлила на голову Спасителя драгоцѣнное муро и отерла ее своими волосами. Видя это, Иуда сказалъ: „Для чего бы не продать это муро за триста динаріевъ и не раздать нищимъ? Сказалъ же онъ это не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому, что былъ воръ. (Онъ имѣлъ при себѣ денежный ящикъ, и носилъ, что туда опускали.) Иисусъ же сказалъ: оставьте ее; она сберегла это на день погребенія Моего. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда“ (Іоан. XII, 1—8; Мр. XIV, 3—9).— Когда же первосвященники „положили въ совѣтѣ взять Иисуса хитростію и убить, но—только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущенія въ народѣ; тогда одинъ изъ двѣнадцати, называемый Иуда Искаріотъ, пошелъ къ первосвященникамъ, и сказалъ: что вы дадите мнѣ; я вамъ предамъ Его? Они предложили ему тридцать сребренниковъ. И съ того времени онъ искалъ удобнаго случая, предать Его“ (Матѣ. XXVI, 3—5; 14—16).

Ананія и Салфира, давъ обѣщаніе посвятить свое имущество Богу и бѣднымъ, нарушили этотъ обѣтъ, скрывъ часть имѣнія отъ Апостоловъ, чѣмъ „солгали Духу Святому“ и навлекли на себя страшное возмездіе—мгновенную смерть (Дѣян. V, 1—11).

II. Запрещая кражу, восьмая заповѣдь предписываетъ добродѣтели: безкорыстіе, честность или вѣрность въ отношеніи ближнихъ и ихъ собственности, правосудіе, милосердіе къ бѣднымъ.

Но есть еще высшая добродѣтель, противоположная грѣхамъ противъ восьмой заповѣди, предлагаемая Евангеліемъ тѣмъ, которые ищутъ *высшаго* совершен-

ства, именно: **совершенное нестяжаніе**, или отреченіе отъ всякой собственности. Когда богатый юноша, исполнившій всѣ заповѣди Моисея, спросилъ Спасителя, чего ему еще не достаетъ, то Христосъ сказалъ ему: *Аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаша сокровище на небеси* (Матѣ. XIX, 21).

51. Девятая заповѣдь закона Божія

запрещаетъ *ложное свидѣтельство* на ближняго, а также *всякую ложь*.

I. Чтобы не нарушить девятой заповѣди, **необходимо избѣгать**:

1) *Ложнаго свидѣтельства на судъ*, также ложныхъ доносовъ и жалобъ по начальству.

2) *Ложнаго свидѣтельства внѣ суда*, какъ то: клеветы, сплетень, порицанія или неуважительныхъ отзывовъ о ближнихъ, подметныхъ и анонимныхъ (безъ подписи) писемъ, и пр.

Наиболѣе позорный примѣръ судебного лжесвидѣтельства явили лжесвидѣтели противъ I. Христа. „Первосвященники и старѣйшины и весь синедрионъ искали лжесвидѣтельства противъ Иисуса, чтобы предать Его смерти; и не находили: и, хотя много лжесвидѣтелей приходило, не нашли. Но наконецъ пришли два лжесвидѣтеля, и сказали: Онъ говорилъ: могу разрушить храмъ Божій, и въ три дня соорудить его. И, вставъ, первосвященникъ сказалъ Ему: что же ничего не отвѣчаешь? что они противъ Тебя свидѣтствуютъ? Иисусъ молчалъ“ (отвѣчать на столь нечестныя обвиненія было Его недостойно, — Матѣ. XXVI, 59—63).

Иногда мы видимъ подлинные пороки или недостатки у ближняго и побуждаемся указывать ему на нихъ. Но порицаніе или злорѣчивое слово бываетъ такъ обидно и даже опасно для спокойствія людей, что Евангеліе не позволяетъ намъ судить и о под-

линыхъ недостаткахъ ближняго, тѣмъ болѣе обли-
чать его, если мы не призваны къ тому особою долж-
ностію, напр. пастыря, суди, воспитателя и пр. Спа-
ситель сказалъ: *Не судите, да не судими будете*
(Мате. VII, 1).

Подробнѣе объ этомъ читаемъ: „Не судите, да не су-
димы будете. Ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете
(сами) судимы; и какою мѣрою мѣрите (другимъ), такою и
вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на сучекъ въ
глазѣ брата твоего, а бревно въ твоёмъ глазѣ не чувствуешь?
Или, какъ скажешь брату твоему: дай, я выну сучекъ изъ глаза
твоего; а вотъ, въ твоёмъ глазѣ бревно? Лицемеръ! вынь
прежде бревно изъ своего глаза, и тогда увидишь, какъ
вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего“ (Мате. VII, 1—5).

Непозволительна для христіанина и такая **ложь**,
при которой нѣтъ намѣренія **вредить** ближнему, напр.
въ шутку. Она: а) несогласна съ любовью и уваже-
ніемъ къ ближнему, б) недостойна христіанпна, соз-
даннаго для истины и любви, и в) опасна для него
самого, такъ какъ приучаетъ его къ лжи и подры-
ваетъ довѣріе къ нему окружающихъ. Поэтому Ап.
Павелъ говоритъ: *Тѣмъже отложше лжу, глаголите*
истину каждый ко искреннему своему: зане есмь другъ
другу удове (члены, — Ефес. IV, 25).

Ц) Чтобы избѣжать грѣховъ противъ девятой за-
повѣди, должно **обуздывать** свой **языкъ**, т. е. удер-
живать его отъ злыхъ и лукавыхъ рѣчей во вредъ
ближняго, а также вообще отъ болтливости, коей пре-
даются многіе даже благонамѣренные люди, не по-
дозрѣвая пагубности этой грѣховной привычки.

Спаситель сказалъ: *Глаголю вамъ, яко всяко слово*
праздное (не нужное), еже аще рекуть человецы, воз-
дадутъ о немъ слово (отвѣтъ) въ день судный (Мате.
XII, 36).

И Апостолы поучаютъ: *Хотяй бо животъ любити, и видѣти дни благи, да удержитъ языкъ свой отъ зла, и устынь свои, еже не глаголати лъсти* (1 Петр. III, 10).

Аще кто мнится върнѣ быти въ васъ (если кто изъ васъ думаетъ, что онъ благочестивъ), и не обуздаетъ языка своего, но льститъ сердце свое, сего суетна есть въра (у того пустое благочестіе,—Іак. I, 26).

52. Десятая заповѣдь закона Божія

запрещаетъ *желанія* и *мысли*, противныя любви къ ближнему.

I. Закономъ Божиимъ запрещаются не только худыя дѣла, но и худыя желанія и помышленія по двумъ причинамъ:

а) Когда они есть въ душѣ, то душа такого христианина уже сама по себѣ нечиста предъ Богомъ, и Бго недостойна: *Мерзость Господеви помысль неправедный* (Прит. XV, 26). Поэтому нужно очищать себя отъ этой внутренней скверны, какъ учитъ Апостоль: *Очистимъ себе отъ всякия скверны, плоти и духа, творяще святыню въ страхъ Божій* (2 Кор. VII, 1).

б) Грѣховныя дѣла рождаются, какъ отъ сѣмянъ, отъ грѣховныхъ желаній и помышленій, которыя возникаютъ въ душѣ раньше дѣлъ, почему и нужно прежде всего эти сѣмена искоренять.—Спаситель говоритъ: *Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лже-свидѣтельства, хулы* (Мате. XV, 19). И Ап. Іаковъ ясно говоритъ, что всякій грѣхъ коренится въ дурныхъ пожеланіяхъ: *Кійждо искушается, отъ своя похоти влекомъ и прельщаемъ. Также похоть зачещи*

разжидаетъ грѣхъ: грѣхъ же содѣявъ разжидаетъ смерть (Лак. I, 14—14).

II. Основной грѣхъ противъ десятой заповѣди есть **зависть**, которая можетъ разнообразиться то мыслями и желаніями сладострастными (*не пожелай жены искренняго твоего*), то помыслами и пожеланіями корыстолюбивыми и властолюбивыми (*не пожелай дому, раба, рабыни и пр. ближняго твоего*). Это грѣховное чувство стараются возбудить въ народѣ революціонеры, социалисты, подбивающіе бѣдныхъ людей отнимать достояніе богатыхъ.

Примѣровъ пагубной зависти видимъ въ Ветхомъ и Новомъ завѣтѣ множество.—Такъ, **Наинъ** позавидовалъ брату своему Авелю за то, что Богъ жертву Авеля принялъ, а его—Каина жертвы не принялъ (Быт. гл. IV. (**Сыновья Іакова** позавидовали брату своему Іосифу, возненавидѣли его и сперва рѣшили убить его, затѣмъ продали въ рабство Измаильскимъ купцамъ (Быт. гл. XXXVII). **Авессаломъ** позавидовалъ отцу своему, царю Давиду, и всякими хитростями и лестію задумалъ отнять у него престоль, а его самого погубить (2 Цар. гл. XV). **Старѣйшины іудейскіе** позавидовали І. Христу за то, что народъ за ученіе и чудеса уважалъ Его болѣе, чѣмъ ихъ, почему оклеветали Его и осудили на смерть (Мате. XXVII, 18).

III. Дабы **избѣжать зависти** и другихъ нечистыхъ помысловъ и пожеланій, мы должны:

а) **Хранить чистоту сердца**, для чего постоянно и неослабно бодрствовать надъ собою, и искоренять изъ сердца все нечистое и грѣховное, чему особенно способствуетъ частое, усердное и благоговѣнное **призываніе имени Господа нашего І. Христа** ¹⁾.

б) Быть довольнымъ своимъ **жребіемъ**, не роптать на Бога, и быть благожелательнымъ къ другимъ.

¹⁾ См. стр. 171—ю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

53. Употребленіе ученія о вѣрѣ и благочестіи.

1. Послѣ того, какъ христіаниномъ усвоено православно-христіанское ученіе объ истинной вѣрѣ и жиэни, необходимо для спасенія осуществлять его въ жизни, пользоваться имъ для спасенія, подѣ страхомъ строгаго осужденія за небреженіе имъ. Спаситель сказалъ: *Аще сія вѣсте, блаженіи есте, аще творите я* (Іоан. XIII, 17).—*Той же рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ (не былъ готовъ), ни сотворивъ по воли его, бѣенъ будетъ много* (Лук. XII, 47).

2. Если же, по немощи или грѣховности, случится кому согрѣшить, то не только должно немедленно покаяться и твердо рѣшиться впредь убѣгать этого грѣха, но и загладить его противоположными добрыми дѣлами. Такъ поступилъ Закхей, лихоимецъ и мытарь; когда сказалъ Господу: *Се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверницею* (Лук. XIX, 8).

3. Если бы кому показалось, что онъ весь законъ или какую-либо заповѣдь исполнилъ, то такой христіанинъ не долженъ превозноситься, относя всякое добро къ Богу и Его благодати (см. стр. 154—155), а себя смиренно почитать рабомъ ничего не стоящимъ, какъ заповѣдалъ Спаситель: *Егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими (ничего нестоящіе) есмы: яко еже доужни быхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. XVII, 10).

Прот. Д. Поповъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ автора	I
Программа для преподаванія Православно-Христіанскаго Катихизиса, въ связи съ повтореніемъ курса, въ Торговыхъ Школахъ Мин. Торг. и Пром.	V

Православно-христіанское ученіе объ истинной вѣрѣ и жизни.

1. Предварительныя понятія	1
2. Объ Откровеніи Божественномъ	2
3. О Свящ. Преданіи и Свящ. Писаніи	4
4. О Свящ. Писаніи въ особенности	6
I. О книгахъ Ветхаго Завѣта	—
II. О книгахъ Новаго Завѣта	10
III. О чтеніи слова Божія	14
IV. Признаки Божеств. Откровенія въ Св. Писаніи	—
Часть I. Ученіе о христіанской вѣрѣ.	
5. О Символѣ вѣры; его происхожденіе	17
6. Первый членъ Символа вѣры	19
7. Второй членъ Символа вѣры	30
8. Третій членъ Символа вѣры	39
9. Четвертый членъ Символа вѣры	53
10. Пятый членъ Символа вѣры	63
11. Шестой членъ Символа вѣры	67
12. Седьмой членъ Символа вѣры	69
13. Восьмой членъ Символа вѣры	76

14. Девятый членъ Символа вѣры	82
15. Десятый членъ Символа вѣры	100
I. Крещеніе	101
II. Мѣропомазаніе	105
III. Причащеніе	109
IV. Покаяніе	114
V. Священство	118
VI. Бракъ	122
VII. Елеосвященіе	124
16. Одинадцатый членъ Символа вѣры	125
17. Двѣнадцатый членъ Символа вѣры	130

Часть II.

Ученіе о христіанской надеждѣ.

18. Понятіе о христіанской надеждѣ	133
19. О молитвѣ	—
20. Молитва Господня	138
21. Призываніе	139
22. Первое прошеніе	—
23. Второе прошеніе	141
24. Третье прошеніе	142
25. Четвертое прошеніе	143
26. Пятое прошеніе	145
27. Шестое прошеніе	147
28. Седьмое прошеніе	152
29. Славословіе	—
30. Ученіе о блаженствѣ	153
31. Первая заповѣдь блаженства	154
32. Вторая заповѣдь блаженства	157
33. Третья заповѣдь блаженства	160
34. Четвертая заповѣдь блаженства	163
35. Пятая заповѣдь блаженства	166
36. Шестая заповѣдь блаженства	170
37. Седьмая заповѣдь блаженства	175
38. Восьмая заповѣдь блаженства	177
39. Девятая заповѣдь блаженства	179

Часть III.

Ученіе о христіанской любви.

40. О союзѣ между вѣрою и любовію	182
41. О законѣ Божіемъ и заповѣдяхъ	184

42. Раздѣленіе заповѣдей на двѣ скрижали	187
43. Первая заповѣдь закона Божія	188
44. Вторая заповѣдь закона Божія	198
45. Третья заповѣдь закона Божія	203
46. Четвертая заповѣдь закона Божія	206
47. Пятая заповѣдь закона Божія	215
48. Шестая заповѣдь закона Божія	222
49. Седьмая заповѣдь закона Божія	225
50. Восьмая заповѣдь закона Божія	228
51. Девятая заповѣдь закона Божія	231
52. Десятая заповѣдь закона Божія	233

Заключеніе.

53. Употребленіе ученія о вѣрѣ и благочестіи	235
--	-----

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О релігіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кроме того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Короунскаго.— „Релігіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные европ. въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертоловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“. В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1889—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Статья объ астихристѣ. Проф. А. Д. Вѣляева.— „Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Епископа Грузин).— „Релігія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“. Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струва.— „Кратк. Вѣчерки основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Липицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. П. Н. Страхова.— „Этика и релігія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— „Ученіе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщены были переводы философскихъ произведеній Сократа, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фуля и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала действительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О переизмѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за переизмѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ здание Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакція открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить т.е. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплатили впередъ никакихъ журналовъ, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ окончаніемъ послѣдней книжки, мы будемъ высылать для каждой четверти журнала особые билеты, въ которыхъ обозначимъ сумму, которую мы должны получить за каждую четверть.

Объясненія и справки по дѣламъ редакціи принимаются на фронтъ въ 30-е и въ 31-е числа.